

Русский поэт Анатолий Петрович Чесноков родился в 1951 году в селе Теньковка Карсунского района Ульяновской области. Стихи начал писать с пятого класса, многие из них навеяны природой родного края.

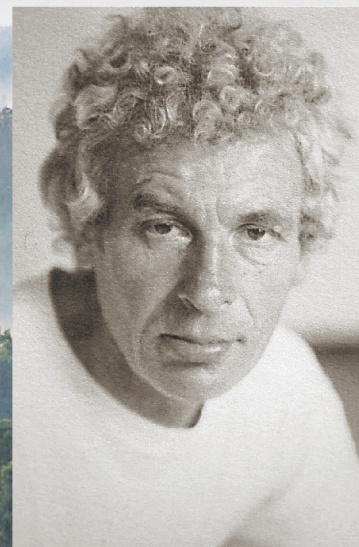
После окончания Ульяновского педагогического института работал сельским учителем, служил на Северном флоте, работал в редакциях газет и в издательстве, скитался по стране. Участник Всесоюзного и Всероссийского совещаний молодых писателей в Москве и в Дубултах (Латвия).

Стихи публиковались в газетно-журнальной периодике, при жизни вышло три поэтических сборника.

Трагически погиб в родном селе в 2010 году, сгорев в собственном доме.

Геннадий Дёмочкин

• Я весь из нежности и жалости...

Я весь
из нежности
и жалости...

Областное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский институт истории и
культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина»

Геннадий Дёмочкин

***Я весь из нежности
и жалости...***

**Жизнь и судьба поэта
Анатолия Чеснокова
в воспоминаниях и размышлениях**

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Ульяновск
2015

УДК 821.161.1"1992/..."
ББК 84 (2 Рос=Рус)6
Д 22

Д 22

Дёмочкин, Г. А.

Я весь из нежности и жалости... Жизнь и судьба поэта Анатолия Чеснокова в воспоминаниях и размышлениях / Г. А. Дёмочкин. – Ульяновск, 2015. – 303 с.

ISBN 978-5-9631-0440-8

О ярком поэтическом таланте и трагической судьбе поэта Анатолия Чеснокова, о судьбах поколения «семидесятников» и всей нашей страны размышляют друзья и коллеги Анатолия.

Рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-9631-0440-8

© Дёмочкин Г. А., 2015
© ОГБУ «НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина», 2015

И ВСЁ РАДИ НЕЁ – ПОЭЗИИ!

В «Год литературы» НИИ имени Н.М. Карамзина представляет на суд читателей книгу непривычного формата, далёкого от неизбежной для события такого крупного масштаба торжественной церемониальности и излишнего морализаторства. Чему она может научить? Что нового открыть? Какую задачу ставил перед собой составитель, собрав большое количество устных и письменных свидетельств о талантливейшем, и, к сожалению, не очень известном ульяновском поэте и его стихах, дошедших до нас всего в трёх прижизненных сборниках?

А научить она может, особенно ныне пишущих авторов, с энтузиазмом вступающих на тернистый путь литературного творчества, очень многому, прежде всего, тому, что Б. Пастернак когда-то очень точно назвал «творческой самоотдачей». Жизнь героя, описанная его современниками, в разных, подчас нелюбимых моментах, ярко показывает, что было для него главным в жизни, чему он служил ревностно и с благоговением, иногда вопреки даже здравому смыслу, вопреки простой земной логике, на крутых поворотах судьбы, требующих от человека, казалось бы, элементарного самосбережения, а не только безумного расточительства сил, и все во имя неё – Поэзии!

Нет никакого сомнения, что впереди неискушенного читателя ждет ещё и открытие замечательных произведе-

ний Анатолия Чеснокова, которые нельзя уже будет читать в отрыве от его трагической судьбы, отразившейся не только в истории его «малой Родины», но и страны, как например, в стихотворении о декабристах: «Страшный миг эшафота. Затухали слова. В вихрях кануло что-то. В седине голова. Вы пришли?.. Вас простили?.. Вас забыли тогда? Над судьбою России затяжные снега».

Вероятно, найдутся и снисходительные скептики, которые упрекнут составителя в излишнем сгущении красок, в педалировании мотива известной «русской болезни», сыгравшей роковую роль в жизни Чеснокова. Но разве перестали быть насущными известные ахматовские строки: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, как жёлтый одуванчик у забора, как лопухи и лебеда».

И в этом отношении книга, если читатель найдёт в себе силы прочесть её до конца, не оправдывая слабостей и ошибок поэта, но в то же время не делая из него святого, юродивого, так сказать, человека не от мира сего, даёт исторический срез жизни нашего общества на определённом этапе его развития, когда была перемолота судьба не только одного Чеснокова.

В органическом синтезе, на первый взгляд, случайного, мелкого, несущественного и онтологического, бытийного заключается главное достоинство книги*. Эта книга – своеобразное зеркало, в котором отразился и сам поэт, его личность, но, в определённом смысле, на его фоне – и мы сами, – те, кто его знал, искренне любил или почитал.

*Александр Рассадин, литературовед,
заведующий отделом НИИ истории и культуры
имени Н. М. Карамзина
доцент Ульяновского педагогического
университета им. И.Н. Ульянова*

* По замыслу автора-составителя использовано несколько пунктуационных приёмов в оформлении разных типов источников: воспоминаний, свидетельств современников, расшифровок аудиозаписей и комментариев.

О ДОЛГЕ, ДОЛЕ И СУДЬБЕ...

Совсем ещё пацаном в родной деревянной Теньковке Толя Чесноков «проштудировал» книгу «Лев Толстой о литературе и искусстве». Ещё школьником обнадёжил талантливыми стихами. И ещё студентом от самого Евтушенко услышал: «Можно я использую эту вашу строчку?». Переводил с румынского, молдавского, чувашского. По мнению близких, «помнил наизусть километры строчек». К одному слову мог придумать двенадцать рифм, потому что «всё затёрто»...

Но «в миру» Чесноков был ЛИШНИМ. Потому что бродяжничал. Потому что «человек со дна». Потому что всегда «навеселе». Перед ним закрывали двери. После него открывали форточки. От него отворачивались и бежали...

«Ген, ну какой ты тёмный человек! С тобой неинтересно даже говорить. Ты просвещайся иногда! Я тебя люблю, дурака. Но, по-моему, я интереснее тебя...».

О «Гене». Геннадий Дёмочкин выбрал «Толю» героем своей тридцать третьей книги. Давно понятно: его «Антология жизни» пойдёт ДАЛЬШЕ. Потому что эти книги – не «про себя», а «про всех». Потому что эти книги спасли из трясины забвения немало дневников, писем, воспоминаний – с Гражданской и Отечественной, из ГУЛАГа и из «оттепели», из советских и перестроечных времён. Легендарный Сигурдт Отгович Шмидт – первый краевед современной России – от души обнимал Дёмочкина за подвижничество в сохранении народной памяти – «как это было». В 2015-м книга «От войны до тюрьмы» – с мемуарами обжигающей правды фронтовика и сталинского зэка Николая Ряскова – была выдвинута на Нобелевскую премию Мира.

Но в нынешние окаянные времена Дёмочкин тоже...
ЛИШНИЙ...

Этим «лишним» людям участливые граждане советовали устроиться, наконец-то, «на нормальную работу». «Муза не велит», – отвечал Чесноков. Теперь так отвечает и Дёмочкин.

«Надейся!» назовёт своё стихотворение Чесноков и посвятит его Гене.

«Расскажи-ка о себе», – скажет Дёмочкин Толе и включит диктофон на своей кухне...

Один «лишний» человек прослушает эти записи через несколько лет, когда другой «лишний» погибнет в пожаре, в родной деревянной Теньковке...

В этой книге много стихов Анатолия Чеснокова. Они как НЕБО... А под небом, как и водится на земле, неоконченный разговор – о долге, доле и судьбе...

*Тамара Еперина,
журналист, корресподент «Радио России»
по Ульяновской области*

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Судья: – Чем вы занимаетесь?

Бродский: – Пишу стихи...

Судья: – А вообще какая ваша специальность?

Бродский: – Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: – А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: – Никто. (Без вызова).
А кто причислил меня к роду человеческому?

Судья: – А вы учились этому?

Бродский: – Чему?

Судья: – Чтобы быть поэтом.

Бродский: – Я не думал, что это даётся образованием.

Судья: – А чем же?

Бродский: – Я думаю, это (растегривно) от Бога...

(Из стенограммы судебного процесса
над Иосифом Бродским.)

имени Н.М. Карамзина

Коллектив редакции газеты «Карсунский вестник» и литературное объединение «Родники» извещают о трагической гибели талантливого поэта

ЧЕСНОКОВА АНАТОЛИЯ ПЕТРОВИЧА

Нам будет не хватать его светлых поэтических строчек. Пусть земля будет ему пухом.

Мои самые глубокие соболезнования карсунцам в связи с безвременной смертью поэта

АНАТОЛИЯ ЧЕСНОКОВА

Скорблю вместе со всеми, кто любил его стихи.

Бесконечно жаль этого яркого, неоднозначного, сложного человека, пусть земля примет его в свои объятия и хотя бы в конце этой жизни и в начале новой – будет ему пухом.

А. Рассадин

«Сегодня даже название лучшей книги стихов Анатолия Чеснокова «Свет Родины» приобрело трагический смысл. Пожар – это тоже свет Родины. И в душе «карсунского Есенина» он полыхал всегда. Многие годы Чесноков жил на грани, и только поэзия по-настоящему держала его в этом мире. Ради такой поэзии стоило жить. Несколько лет назад был снят фильм о Чеснокове, где я назвал его великим поэтом Теньковки, знаменитым поэтом Карсуна, известным поэтом Симбирска и неизвестным поэтом России. А позже посвятил ему стихотворение, в котором есть такие строки: «Слухом Моцарта и Россини // Вдруг почувствую, как в избе // Неизвестный поэт России // Мрачный выбор сулит себе...» Он жил, не

жалея себя, и, видимо, контрастом к такой жизни рождалась его поэзия – чистая и светлая, как родниковая вода. Поэзия, достойная, чтобы её узнала вся Россия».

Николай Марянин,

поэт, Ульяновск.

«Карсунский вестник», 12.03.2010

Автобиография

Я, Чесноков Анатолий Петрович, родился 25 октября 1951 года в старинном русском селе Теньковка Карсунского района Ульяновской области в крестьянской многодетной семье.

Стихи писать начал рано, с пятого класса. Большую роль к пробуждению во мне духа литературного творчества сыграл мой школьный учитель русского языка и литературы Валерий Васильевич Кислинский, знаток, любитель и ценитель всемирной литературы, особенно поэзии, а также всех видов искусства.

Я горжусь своей карсунской родиной, родиной поэта Николая Языкова и великого художника современности Аркадия Пластова, бесконечно люблю её, красоту нашу, лесную, берёзовую и сосновую, холмистую и равнинную, с чистыми реками и ручьями, озёрами и прудами. Многие мои стихи навеяны нашей уникальной природой.

После окончания школы был пединститут, затем работа учителем русского языка и литературы в сельских школах Ульяновской об-

ласти и на Украине, служба на Северном флоте, работа в редакциях газет и в издательстве. Жизнь и работа в Молдавии, возвращение в родные места.

Был участником Всесоюзного и Всероссийского совещаний молодых писателей в Москве и Дубултах (Латвия). Стихи публиковались в газетно-журнальной периодике, в литературно-художественных альманахах и коллективных сборниках в Ульяновске, Саратове, Мурманске, Североморске, Калининграде, Кишинёве, Москве, Вроцлаве (Польша), Вюнсдорфе (Германия).

В 1994 году в издательстве «Симбирская книга» вышла первая книга лирики «В сердце России». В 2001 году – вторая книга «Прямая речь».

Подборки моих стихов были опубликованы в учебном пособии «Литературное краеведение» и поэтической антологии «С любовью третьей».

Являюсь лауреатом поэтических конкурсов в честь 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина газеты «Ульяновская правда» и журнала «Мономах».

В этом году, объявленном Годом русского языка, подготовил к изданию рукопись стихов и поэм «Свет Родины».

Вся остальная моя биография – в моих стихах. Завершаю автобиографию вот этими своими стихами: «Я жил в Кишинёве, бывал в Сибири. На западе, севере, юге, востоке. А был ли я счастлив в подлунном мире, пусть вам поведают мои строки».

*А.П. Чесноков.
2007*

**Анатолий Чесноков рассказывает
(диктофонная запись 8 декабря 2007 года
на кухне у Дёмочкиных):**

– Что про своих предков рассказать? Очень просто: Федот Чесноков. В Теньковке. Это начало XIX века. Его избрали старостой деревни. Детей почему-то не было.

Там ходили между дворов по русскому обычаю нищие, просили Христа ради. И ходила какая-то баба (ну, женщина) с ребёнком, с маленьким, пяти или шести лет.

Мои предки были кулугуры. Это вообще-то латинское понятие, на Русь оно пришло тоже¹. У них своя вера, свои иконы, в церкву не ходят. И если ты, например, пришёл в их дом, попросил воды попить, то они тебе дают. А когда ты уходишь, они эту кружку выкидывают – за осквернение этой веры. (И я пошёл в них. Не надо нам церквей, у нас в душе они должны быть).

Так вот у Федота Чеснокова детей не было. А тут ходят какие-то погорельцы. И женщина с маленьким ребёнком. И вот он позвал её в избу (*Толя плачет*) и говорит: «Ты, Марья, или, как там её звали, может, Дарья, ты оставь нам, этого парнишку, у нас нет детей. Мы его воспитаем».

Она отвечает: «Слава Богу!»

Так появился Никифор Чесноков, они усыновили его. Это мой предок: был он парень высокий, кудрявый, симпатичный. Он нашу линию продолжил, женился на Катерине Митрофановой. Это была дочь зажиточных людей, лавочников в Теньковке. Их потом раскулачили, а в их доме разместился сельсовет.

¹ Здесь А. Чесноков ошибается. Кулугур – старовер, раскольник. Это слово отсутствует в Словаре Даля, но его упоминает, в частности, профессор симбирской семинарии священник Д. Орлов в «Кратком словаре простонародных речений, употребляемых в Симбирской губернии» (1858 г.). Этимология слова восходит скорее к греческим источникам, но при возможном «тюркском посредстве». См.: Галушко Е.Ф. Кулугур // Русская речь. – 2010. – № 6. – С. 111-115 (прим. ред.).

Катерина тоже была кулугурка. В церкву никогда не ходила, у неё свои иконы. Никифор выпивал изредка, по праздникам, например, на Николу. Никола – это у нас престольный праздник, 19 декабря. В церкву он ходил, как все христиане.

И вот теньковские бабёнки стали говорить Никифору: «Чё это у тебя баба не ходит в церковь?» Он приходит однажды домой пьяненький и говорит: «Катерина, я тебя люблю. У нас уже пятеро детей...» Она ему: «Я тебя тоже люблю, но в церкву вашу никогда не пойду».

И он отгрыз ей ухо. Это зафиксировано. Если я вру, то в Теньковке из крестьян это кое-кто помнит.

Она тогда говорит: «Пошёл ты вон. Я уйду жить к сыну Ивану». Ушла в другой конец деревни. И больше к нему не ходила.

Этот Никифор в конце концов ослеп. Его сын, Степан, стал моим дедом. Воевал на гражданской и очень рано умер, примерно в 30 лет. Я его и не помню. Его сын – Пьер – мой отец.

Семья была – голытьба, семеро по лавкам. Отец научился в 12 лет управлять лошадьми. У них было трое лошадей (одна из них Голубка). Он рассказывал, что, когда началась коллективизация, пришли коммунары и забрали лошадей на общий скотный двор. И пьяный председатель поскакал куда-то и угробил эту Голубку. Она подохла где-то в поле. Мой дед нашёл её, снял сбрую, принёс домой. Плакал и рыдал. «Господи, что мы сделали, когда церковь погубили!»

Плач на Иорданских водах. А чего ты скажешь против советской власти? Иначе будет знаешь что – ГУЛАГ. Слава Богу, из моих предков никто туда не попал.

Вот, Гена, это мой роман «Там, за холмами...»

ИЮНЬСКАЯ БАЛЛАДА²

По травам, сверкающим росам
легко в родниковую дрожь
каким восклицаньем, вопросом
в просторы июня войдёшь?
Ты станешь загадкой,
загадкой
в рассветную эту латунь
вновь в замыслах лучших,
в зачатках,
как светлый волшебник – июнь.
Смотри – как в мгновения эти,
в лугах у прозрачной реки
цветы раскрывают,
как дети
глаза, все в росе лепестки.
Как дали прозрачны
и близки!

И, память России храня,
взметнулись у всех обелисков
священные мысли огня.
Ты в этот рассвет голубиный
и в эту июньскую тишь
какие скрываешь глубины
и взлёты какие таишь?

1969

Теньковка

**Анатолий рассказывает
(диктофонная запись 8 декабря 2007 года
на кухне у Дёмочкиных):**

– А нас у родителей семеро детей было. Двое умерло в сарае. Моя мать – Головкина Марья Евлампиевна. (Ев-ламбий – это по-гречески «свет»). Если я вру, прочитай.

² Ранее опубликованные стихи и поэмы А. Чеснокова печатаются по прижизненным изданиям поэта (прим. ред.).

И как странно получилось. Мой папаня был женат на теньковской крестьянке. А потом встретил мою маманю и быстро развёлся с первой. Он работал грузчиком на военном заводе, а моя маманя прессовала там какой-то тол – взрывчатые вещества.

Мать моя родом из Самарской губернии. 1914 года рождения. Матери своей она не помнила. Мать её умерла, когда ей полтора года было.

Татьяна Эйхман, врач Карсунской районной больницы, член Союза писателей России:

– Мне рассказывала Толина старшая сестра. Их мама собиралась пойти на аборт. (Детей в семье было уже пятеро, и ещё один рот был не нужен). И вдруг ей накануне приснился сон. И сон такой, что она утром решила в больницу не ехать.

Так что Толя был самым младшим, он «поскрёбьш».

Валерий Кислинский, ветеран педагогического труда, учитель литературы А. Чеснокова:

– Их с младшим братом назвали по именам детей, которые у матери уже были. Эти дети у неё умерли, а младших она назвала теми же именами.

Игорь Сазонов, учитель Теньковской средней школы:

– Семья Анатолия Петровича была большой, он был шестым ребёнком в семье. Жили небогато, в тесноте, в деревянном доме с одной избой³ и большой русской печью, на которой так любил читать книги маленький Толя (по воспоминаниям односельчан), в своих мечтах уносясь далеко-далеко...

«Карсунский вестник», 22.10.2010

³ Так в тексте (прим. ред.).

Анатолий рассказывает:

– В результате нас семеро, двое умерло, остальные все получились⁴. Старшая моя сестра Алла, Аля. Закончила здесь физмат, потом пять лет в Германии. Потом Ленинград, потом Кяхта (монгольская граница), Чита, Улан-Удэ. Сейчас в Киеве, я много раз у неё был. Потому что у меня судьба скитальца.

Гена, у меня очень интересная биография. Где я только не был!

– *Хорошо. Чайку пока пивни и продолжим.*

– Томаса Вулфа я любил с детства. Ты не читал его. «Взгляни на дом свой, Ангел» – это лучший роман. А потом он чепуху писал. Когда Синклеру Льюису в Стокгольме присуждали Нобелевскую премию, его спросили: «Кто у вас в Америке есть?» А он говорил: «У нас есть прекрасный малыш. Его зовут Томас Вулф. Он всё напишет». И он написал.

В 1929 году вышел его роман «Взгляни на дом свой, Ангел». (Не знаю, как это звучит по-английски⁵). Биографию Томаса Вулфа я знаю досконально.

– *Ты лучше свою расскажи. Значит первая у вас Алла, Аля...*

– Вторая Валя. Красивая бабёнка, славянских кровей. Ну, маленько с сажей перемешана. (*Смеётся*). Пушкин говорил: «Взгляни на русского – и увидишь в нём татарина». Но у нас какая-то славянская брага осталась. Ты был когда-нибудь в Пскове? Я был. Там почему-то все белокурые, синеглазые. (Я там сумку потерял на вокзале. Влюбился в какую-то Наталью и писал ей письма. И она мне писала, но не из Пскова, а из Порхова, город такой). Там

⁴ Это противоречит свидетельству Т. Эйхман и И. Сазонова (прим. ред.).

⁵ Wolfe, Thomas Clayton. Look Homeward, Angel (1929). Возможно, дополнительный интерес к творчеству этого писателя подпитывала некоторая схожесть судеб. Вулф был младшим ребёнком в семье из восьми детей (прим. ред.).

в Успенском соборе есть башня Домвонта (Домвонт – это литовский князь, который перешёл на сторону Руси). Башня в готическом стиле. Она до сих пор есть в Псковском храме⁶.

...А кто такие готы были? Ты не знаешь? По Гумилёву, они были погонщиками верблюдов у скифов. А славяне всегда были динлиями (динами их называли в Тибете). Это наши предки. Они до сих пор сохранились там. Почему и китайцы высокие, голубоглазые⁷.

По светлейшему указу Алекса Романова: «Ступайте в эту глухомань и основайте* там Русь». Они уехали сюда, на Волгу. В этой азиатской браге они строили Русь, Карсун, Теньковку и прочее. На засечной черте. Среди Дикого поля и Нагайской Орды, которая всегда с огнём и мечом стремилась на Русь.

Теньковка

«При построении первой половины Симбирской черты в течение 1648-1652 гг. (на западном крайнем пункте этой черты), построен был город Уренск и в окрестностях его поселились, отдельными слободами «переведенцы» из разных городов. Теньковские переведенцы, пешие стрельцы, в числе 200 человек, образовали две слободы по речке – Черному Уреню. Эти две слободы впоследствии образовали большое село Теньковку, которая называется ещё «Подлесная Теньковская слобода».

⁶ В памяти А. Чеснокова смешались воспоминания о т. н. Довмонто-городе и Окольном городе Пскова (прим. ред.).

⁷ Один из примеров мистификации, свойственный А. Чеснокову, но основанный на чтении Л.Н. Гумилёва и, видимо, Г.Е. Грумм-Гржимайло (прим. ред.).

* Правильно: осуните (прим. ред.).

Теньковские стрельцы строго соблюдали указ царя Фёдора Алексеевича 1676 года о том, чтобы «солдатских земель никому, кроме их, солдат, в поместье не давать и по записям никому не владеть», для того, «что они, солдаты, в том Синбирском уезде устроены слободами на тех землях для Синбирской черты и береженья многих уездов от воинских людей». В с. Теньковке никогда не было помещиков.

Здесь почти каждый домохозяин занимается валяньем тёплых сапог и битьём шерсти и до 500 человек ежегодно уходят на этот промысел в завожския губернии, на четыре зимних месяца, и возвращаются домой с более или менее значительным заработком; а тем временем жёны и дочери их дома ткнут сукно... Кроме этого прежде в Теньковке процветало гончарное производство, но теперь оно вовсе прекратилось. Точно так же прежде многие занимались здесь пчеловодством, были у них пчельники по 200 пеньков, но последнее время пчёлы по всей Симбирской губернии заметно переводятся.

Церковь в селе Теньковке построена вскоре же после основания самой слободы: ныне же существующая деревянная, трёхпрестольная церковь во имя Св. Троицы, с приделами во имя пророка Ильи и Николая Чудотворца, построена в 1876 году иждивением прихожан».

*П.Л. Мартынов. Селения Симбирского уезда,
Симбирск, 1903*

«ТЕНЬКОВКА – ныне село Урено-Карлинского сельского поселения Карсунского района, расположено в 28 километрах к северо-востоку от районного центра на обоих берегах речки Уренёк, правого притока речки Урень. Вокруг

села – обширная распаханная пологоволнистая равнина с родниками, лесами, полянами, полными ягод, грибов и других бесценных даров леса, чем издревле славится село.

Родник Святого Луки – «Новый Ключ» целебный, с повышенным содержанием ионов серебра, обустроен в 2012 году силами сельчан, предпринимателей и казачества. Водой из родника «Тёплый Ключ» по системе водопроводов снабжается всё село. Есть и родник «У Торновой горы», но воду из него не используют, по народному поверью она считается «тяжёлой».

Достопримечательностью села являются старинные особняки конца XIX – начала XX в. и «Яблоневый сад Победы».

Трёхпрестольная церковь в Теньковке была закрыта и разрушена, несмотря на сопротивление местных жителей в 1960 году. Последним священником был о. Гермоген – один из монахов Жадовского монастыря. На его могиле лежит закладной камень Теньковской церкви.

... В 1934-м в селе открылась школа колхозной молодёжи, где в двух классах обучалось 42 человека. Через пять лет она была преобразована в семилетнюю, а в 1952-м – в среднюю. У неё появилось двухэтажное кирпичное здание, в пристроях разместились спортивный зал и мастерские. Ещё более комфортное здание для школы с просторными учебными кабинетами, актовым и спортивным залом, стрелковым тиром и столовой построили в 1990 году.

В 1960 году местный колхоз «13 лет Октября» стал отделением совхоза «Языковский», в 1981-м из этого хозяйства был вновь выделен совхоз – «Теньковский», который в 1993 году

преобразовали в сельскохозяйственный производственный кооператив с тем же названием. Большой радостью для села стало строительство в 1989 году асфальтированной трассы Ульяновск – Саранск. К 1991 году в селе появились новые фермы, в которых содержалось до 2820 голов крупного рогатого скота, зерноток с зерноочистительным агрегатом и агрегатом по производству витаминной муки, здание конторы, целый микрорайон из двухквартирных домов.

В 1995 году на месте разрушенной была построена однопрестольная церковь в честь Троицы».

2015, Владимир Гуркин.
«Лики земли Симбирской», Ульяновск 2015,
М.В. Аряева, Н. М. Костин, С. Н. Костина,
И.Н. Сазонов. «Теньковка»
// «1000 городов и поселений
Ульяновской области. Т. 1» (рукопись)

Я хочу соединиться
В свете утреннем и блеске
С летней музыкой шмелей.
С русской песней звонкой

слиться,
Ветром прыгнуть в перелески,
Улетая в даль полей.

Я хочу объединиться,
Заключить союз навечно,
Братство рек,

людей

и птах,

Чтобы теньканью синицы,
Чтобы пенью малой речки
Не грозил утраты страх.
В этот миг рассветный,
 ранний,
В миг рожденья песен лета,
В зоревой
 короткий час
Я пронизан мыслью странной,
Как корнями бересклета,
Светлой дуюмо о вас.

1970

Теньковка

* * *

Родина светом берёзы,
Вспыхнувшим в утренней мгле
В холоде синем мороза,
Ровно горит на земле.

Свет этот утренний,
 чистый
В заиндевелых лугах
Снова потоком лучистым
Затрепетал на снегах.

В мире,
 где войны и грозы,
Кану
 во мраке и тьме...
Родина!
 Светом берёзы
Ясно сияй на холме.

**Анатолий рассказывает
(диктофонная запись 8 декабря 2007 года
на кухне у Дёмочкиных):**

– Алекс⁸ у нас гений был. Больше – только Мишель Лермонтов, Тютчев. У меня с детства был такой том – «Лев Толстой о литературе и искусстве». Ты не читал? А я с детства его проштудировал, ещё маленьким. Мне подарили. Потому что эти крестьяне теньковские верили, что будет Анатолий Чесноков. Выразит все их мысли. (*Толя плачет*). И надежды о светлом будущем.

Года четыре или пять мне было, я в печке обгорел. Я какой-то кудрявый был. Грелся у печки и задремал. Мать ушла корову доить. Приходит – я обгорелый, плачу и рыдаю. Думала, что я помру. Мазала мне башку сметаной и прочими народными средствами.

Потом я переводил из румынского, это было созвучно:

Его нянчили крестьяне,
Как дитя зимой у печки.
Павших всех на поле брани.
И оплакивали вечно.

По-моему, это солидарно и с русским народом. С русами. А кто такие руги (русы)?

«Мимо острова Буяна,
в царство славного Салтана».

Алекс написал. А что такое «остров Буян»? Это остров Ругет, на территории Германии. Это славянские земли всегда были. А Эльба? «Встреча на Эльбе». Это была Лаба, славянская речка.

Ты этого ничего не знаешь? Ну ты – тёмный парень!

Готы были погонщиками у скифов. И потом в «Слове о полку Игоревом» это запечатлели:

Готские красные девы
Возле синего моря
Запели, звеня русским золотом...

⁸ А.С. Пушкин (прим. ред.).

Они переселились в Крым, а потом уже в Германию. Великое переселение народов.

По Володе Личутину, которого я люблю (я его встретил в Москве, когда у него уже были «Крылатая Серафима», «Вдова Нюра», «Любостай»)...

Потом у Володи Крупина (это ваш земляк, вятский)... Я его встретил в Винновской роще. Ты не встречал его тут? Он без ботинок тут ходил по траве. Я подошёл к нему, говорю: «Владимир Николаевич, извините». Он: «Пожалуйста». – «Как там Владимир Владимирович Личутин?» Он говорит: «Всё прекрасно. Скитается».

Почему ты Личутина не читал? Это классный писатель! Да, Гена, я врать не буду. Из современников я люблю только Личутина. У меня его «Скитальцы», «Формазон» – всё его у меня есть. Проханов про него писал: «Романы Личутина – это «Тихий Дон» XVI-го века». Почитай. Проханов у нас неплохой писатель. Я его тоже иногда читаю.

Вот у нас вышло около ста томов «Русской классики XX века», начиная с Карамзина и Нестора Летописца. Вальдемар Личутин там есть. Белов, Крупин, Личутин... Ты видел, наверное, эти коричневые тома. У нас в Теньковке они почему-то все есть. А у тебя почему-то нет. Подлец ты! У всех русских нормальных людей они должны быть. Потому что там всё избранное.

У Льва Толстого там нет, например, двадцати томов. А есть «Война и мир». И хватит. Два тома.

Гена, обрати внимание на Володю Личутина! Запомни это имя. Это Лесков XXI века.

Я как-то встретился с ним в Москве. «Владимир Владимирович, извините. С вами можно поздороваться?» – «Пожалуйста». Он красивый парень. Он с 1940 года, сейчас ему 67. В классику он вошёл своим психологическим очерком. «Сукин сын» называется. Почитай. Это про собак. Ну, и про себя, и про чего угодно. И про Россию.

Я редко кого запоминаю. Кто только на душу мне ляжет. А прочие – извини. Когда-то наткнулся на Била Фолкнера (Уильяма). Прошёл у него всё: «Город», «Особняк», «Деревушка», «Сарторис», «Осквернитель праха». Я сказал когда-то себе: «Ты – тёмный парень из Теньковки. Ты должен всех превзойти. Всех этих дуремаров. Хотя ты и алкаш».

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Мне не хватает тоски ли глубинной,
Грусти щемящей ли, птичьего клина,
Трав шелестящих, дороги ли длинной,
Алых по осени гроздей калины?
Я переполнен о счастье мечтами,
Я улетаю за детскими снами,
Что-то шепчу еле слышно губами:
«Там за лесами, там за морями».
Кто-то шуршит осторожно по крыше,
Лешие, черти иль серые мыши,
Иль это Сольвейг промчалась на лыжах?
Что-то я слышу, что-то я слышу.
Я выхожу, переполненный снами,
Слёзы дрожат у меня под глазами.
Маленький домик мне шепчет дверями:
«Там за лесами, там за морями».

Ульяновский комсомолец, 26.9.1971

ПАМЯТЬ

Как в час
 после
 расстрела,
ушли –
 и след
 от пуль:

насыпал
ягод спелых
по просекам
июль.

1971
Теньковка

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– Я рос без отца, мать одна нас с братом растила. Я поступил в пединститут, доучился до третьего курса. Младший брат поступил в геологоразведочный. Мать нас не могла больше тянуть...

Я вынужден был идти работать. На заочное не переводился, продолжал учиться экстерном. В облоно я попросил, чтобы меня направили в школу-интернат и направили меня в Теньковскую школу воспитателем. Это был январь 1963 года.

Буквально через месяц меня пригласили на преподавательскую работу. Вёл русский язык и литературу – до октября 1965 года, когда меня забрали в армию.

Преподавал в пятом, шестом и седьмом классах – там, где учились братья Чесноковы – Толя и его брат Николай (он остался на второй год и Толя его догнал).

У меня тогда появилась манера: вхожу в класс и сразу даю тему («Огонь», «Месяц», «Дерево», «Луна»). И они пишут маленькие сочинения-миниатюры. Запомнилось мне сочинение Толи «Рябина», как-то резко оно выделилось из всех. Я говорю: «Толя, ты молодец».

Педагогический коллектив был интересный, дружный. Мы проводили школьные вечера, вечера поэзии. Учителя своими силами ставили спектакли: «Женитьбу», «Ревизора» Гоголя. Я сейчас и представить себе не могу, что в современной школе такое возможно. А мы такое делали.

Ежемесячно были встречи в поэтической гостиной,

читали стихи, участвовали в конкурсах чтецов. Толя на районном конкурсе читал Маяковского.

И вот где-то в начале шестого класса Толя подходит ко мне: «Валерий Васильевич, посмотрите». Этих строчек даже он не запомнил, а мне они врезались на всю жизнь, потому что они оказались символическими для всей его жизни:

По берегу крутому
Бегу я налегке,
Малиновые зори
Купаются в реке.

Я говорю: «Ну, Толя, это хорошо-о-о. Это – молодец ты...»

И он увлёкся, ему стало интересно.

С самого начала он был настоящий дикарь. Угрюмый, упрямый, застенчивый. А потом вот это стремление к знаниям, к литературе его как-то стало менять. Чувствовалась в нём внутренняя борьба, работа.

Когда меня и моего товарища Колю Казакова провожали в армию, собрались два старших класса, а из младшеклассников был только один – Толя Чесноков.

Ребята мне в армию писали письма, Толя тоже писал, какие-то обычные вещи.

Памяти Мариам

В ТОМ ДОМЕ ЖЕНЩИНА ЖИЛА

В том доме женщина жила,
худые плечики дрожали,
её соседи уважали,
она приезжею была.

В том доме женщина жила,
кому-то тайны поверяла,
всё чье-то имя повторяла,
и долго,

мучаясь,
ждала.

В том доме женщина жила,
смеясь,

соседям угождала,
с печалью лето провожала,
по вечерам с работы шла.

Блистала ранняя звезда,
И женщина протяжно пела.
Мне до неё – какое дело –
я сам мальчишкой был тогда.

В том доме женщина жила,
потом уехала,

навек...

Но память о человеке –
в том доме женщина жила.

1972

Теньковка

Валерий Кислинский, ветеран педагогического труда:

– Год я прослужил в армии, вернулся в 1966-м в Теньковскую школу. Место учителя литературы было занято, мне предлагали должность директора, но тоже на «живое» место. В общем, уехал я в Сурский район, в село Кирзять.

Толя заканчивал в это время десятый класс. Его одноклассница, которую он любил и которая тоже любила поэзию (Таня Присадкова), в это время переехала с родителями в Ульяновск. И вот в середине десятого класса Таня вместе с родителями приезжают ко мне в Кирзять: «Валерий Васильевич, мы бы хотели, чтобы Таня закончила школу у вас. У неё явное стремление к литературе».

А я тогда уже женился, у нас родился сын, снимали одну комнату. И вот эта Таня поселяется у нас. Через некоторое время приезжает Толя: «Валерий Васильевич, возьмите и меня...» – «Да ты что, Толя, куда?»

 (Эта Таня потом была директором школы в Ульяновске, сейчас она во Франции. Когда муж у неё умер, Толя всё намеревался с ней сойтись).

А потом они вместе поступили в пединститут, на филологию. Не знаю, так не должно быть, ведь я только в средних классах был его учителем. Но Толя потом не раз говорил, да и в каком-то предисловии у него это есть, что больше, чем я, ему никто не дал.

В.В. Кислинскому

ПЕРВАЯ СТРОКА

Дрожит,
 волнуясь,
 детская рука, –
Она ещё не смела,
 не умела,
И на доске
 хрустящим
 белым мелом
Впервые в жизни –
 первая строка.
Уходят годы
 вереницей дней,
Но, отмечая радостные даты,
Мы вспоминаем вдруг
 учителей,
И строки,
 что написаны когда-то.
И пишем
 продолженье
 первых строк
В степях целинных
 россыпями хлеба,
Сияньем ГЭС
 и вихрями дорог

В ракетном гуле
на страницах неба.
И где-то
на пределе наших сил
Увидим вновь:
учитель,
класс застыл,
И на доске
с хрустящим мелом
белым,
Пускай ещё несмело,
неумело
Скользит упрямо
детская рука...
Впервые в жизни –
первая строка.

1970
Ульяновск

Анатолий рассказывает:

– Студентами мы снимали комнату на Радищева, где сейчас Дом Советов, там одни хибары стояли. Жили на квартире у одного алкаша. Но он интересный парень был – инженер по электронике. Жена у него трагически умерла, и он запил.

И там бабка у него жила, его тёща. Мы как-то с ней разговорились. «Слушай, бабушка, откуда ты родом-то?» – «Как откуда? Из Самарской губернии». Оказалась она дочерью священника, которого чапаевцы зарубили шашками.

Потом я спросил у своей матери: «Ты знала таких Благосклоновых?» (Какая-то такая фамилия была, я уж её забыл). – «Как же, они у нас в деревне священники были».

Оказалось, мать моя и его тёща совпали (оказались из одной деревни).

ЗЕМЛЯ

Вновь из земли,
Такой богатой, –
Так повелось
С далёких пор –
Ростки,
Как жёлтые цыплята,
Проклёвываются
На простор.
Её,
Могучую от гула –
Ракет,
Мартенов,
И жилья,
Пахал сохою
Сам Микула,
Ворочал
Муромец Илья.

1972

Ульяновск

**Людмила Ртищева (Евдокимова),
писатель, журналист, педагог:**

«В семидесятые годы параллельно со мной в Ульяновском пединституте учились Анатолий Чесноков, Владимир Янушевский, Михаил Матлин, Александр Рассадин, Владимир Мартышкин, Владимир Миронов.

Вся пишущая братия крутилась возле Петра Сергеевича Бейсова, сурового преподавателя литературы, но при этом бесконечно внимательного и бережно относящегося ко всем, в ком он видел проблески таланта. Он и студентов хотел заразить своим восторгом творческими личностями. И однажды вместо лекции по литературе устроил нам, первокурсникам, встречу с бывшим выпускником пе-

динститута поэтом Владимиром Пырковым. «На разогрев» поставили пишущих стихи студентов: Анатолия Чеснокова и, кажется, Владимира Мартышкина.

Толя был тогда институтской знаменитостью. Внешне он походил на молодого Блока (на том, хрестоматийном портрете) – у него была такая же копна чёрных волос и отстранённая мечтательность во взгляде. Он и одевался так же – почти во всё чёрное. И носил шляпу. Фамилию свою он тогда писал с буквой «т» посередине, утверждая, что она произошла от слова «честь», а не «чеснок».

Не помню, что он тогда читал, но в памяти крутится более позднее стихотворение, посвящённое послевузовскому распределению:

«Ну что тебе надо ещё от меня?

Барыш и Кулатка, в запасе Цильна,

Сказал мне декан, предо мной

не темня, –

Я знаю, ты справишься – парень

что надо!

Ну что тебе надо ещё от меня...»

...Стихи Чеснокова и Мартышкина были приняты на ура. А потом начал читать Пырков. И нам показалось, что всё не то и не так: какие-то цветочки-лепесточки. Не то чтобы мы его освистали, но слушали явно невнимательно. Пётр Сергеевич не вмешивался, но когда проводил гостя и вернулся, он сказал нам всего одну фразу тихо и ласково: «Зря вы так! Он ПОЭТ, настоящий поэт!». К сожалению, нам тогда были по душе те поэты, что могли «завести» стадионы, а тихая, акварельная поэзия не сразу пробивалась в наши сердца. Потом, конечно, мы поняли, что Бейсов был прав».

*Литературный журнал «Симбирскъ»,
№ 1, 2015*

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Ветер северный.

Вечер.

Закат

Чуть разбавлен

расплывчатой охрой.

Здесь всё так же,

как пять лет назад,

Бродят лошади

в травах промокших.

Тяжелеет роса в лебеде,

От росы

поседел

подорожник,

И плеснувшая

рыба

в воде

Бьётся сердцем

речным

так тревожно.

Ветер северный

взял всё в полон.

По низинам

туманы расстелятся.

И склонённый

над заводью

клён

К ночи станет

черней погорельца.

Непролазную глушь ивняка

Ежевичник запутал колючий,

Где могучей природы рука

Держит пламя заката над кручей.

Непролазную глушь ивняка

Ежевичник запутал так сложно...

И уйти от тебя

невозможно,

Подступившая

к сердцу

строка.

1972

Теньковка

**Светлана Матлина, поэт,
член Союза писателей России:**

– Кажется, Анатолий Чесноков присутствовал в моей жизни всегда. По крайней мере, начиная с первого курса учёбы в пединституте. Подошёл знакомиться: красивый, похожий на Блока, с буйным светлым ореолом кудрей, в белой рубашке. Его стараниями мои стихи впервые напечатала институтская многотиражка. Так началась наша многолетняя дружба.

Много грустного и весёлого вспоминается. Но самое главное, на чём держалась эта дружба, была, несомненно, приверженность к поэзии. И удивительным образом наши пути постоянно пересекались, вне зависимости от времени и обстоятельств. Как бы дышали одним воздухом, и даже в стихах перекликались. Общего было немало: и я, и Анатолий родились и выросли в деревне, оба оказались внутренне одиноки в городе, несмотря на массу приятелей. Оба лирики, и птенцы гнезда Бейсовского, ибо Пётр Сергеевич отправил Толю и меня со стихами в местное отделение Союза писателей России к поэтам Н. Благову и В. Пыркову, которые отнесли по-доброму. Пётр Сергеевич и впоследствии пёкся о нас, светлая ему память. И в самом начале мы оба пережили крушение надежд, оказались не у дел, не вписались в советскую поэзию: у Чеснокова была рассыпана уже набранная первая книга стихов, она так и не вышла. У меня тоже первая, подготовленная к печати книга, была отвергнута издательством, так как я,

как мне заявили, лирик, что не приветствуется, (следующий за Блоком, Есениным, Цветаевой, Ахматовой, а это дурное влияние), да ещё и не пишу про соцстроительство. Думаю, и Анатолий выслушал что-то подобное.

– Какой же поэт без лирики? – недоумевала я. – Это же как без сердца!

Переживали тяжело, пошла полная неустроенность и в быту, и в душе. Но идеалам своим мы остались верны.

Журнал «Карамзинский сад», № 1-2, 2010

*Матери моей,
Марии Евлампиевне,
с любовью*

РОДИНА

Стынувшие деревья
в раме осенних небес...

Вижу заката перья,
огненные,
их блеск.

Тихо в предзимнем поле,
где в колеях от телег
в лужах замёрзших –
солью

светится ранний снег.
Вот он, родной посёлок,
весь в облетевших кустах,
месяца рыжий осколок
путается в облаках.

Там,
за холмами,
деревня,
там,
забывая о сне,

мать моя снова,
наверно,
мысли прядёт —
обо мне.

Над полевым бездорожьем
в горах тревог и забот
по-над озимую рожью
небо седое плывёт.

И понимая,
что рядом
стужа метельной зимы,
я согреваю вас взглядом
ивы,
стога
и холмы.

Родина!..
Путь неблизкий..
Вновь проплывёшь на заре
деревом,
обелиском,
матерью на горе.

1973

Языково-Теньковка

**Рассказ преподавательницы пединститута,
пожелавшей не называть своего имени:**

— Толя — мой ученик. На первом курсе это был прелестный, скромный, воспитанный мальчик. Он тогда уже подавал надежды, но талант его, безусловно, развился позже.

На втором курсе с ним произошёл этот жуткий случай, который, по-моему, надломил его жизнь. В какой-то компании он оказался в ресторане, и там случилась драка,

в которой Толя, по-моему, ни сном, ни духом замешан не был. Но его задержала милиция, отправила в КПЗ.

Он там просидел несколько дней, мы с Петром Сергеевичем Бейсовым ходили его оттуда вызволять, доказывали милиционерскому начальству, что это хороший студент и нормальный парень. Его вскоре освободили, не предъявив никаких обвинений. Но Толя... он вернулся оттуда другим. Он был какой-то перевернутый. Его слова были: «Там в камере одни насильники и...» (забыла, какое он ещё слово употребил).

Вот с тех пор он стал просто другим человеком. Начал пить, манеры его резко изменились. Какая-то нервность появилась, склонность к истеричности. Что-то с ним там сделали...

Но талант он, конечно, большой. Большой поэт. И как же много он успел прочесть, как много помнил. Это при его-то образе жизни! Удивительно. И очень печально.

* * *

Радуга после дождя...
И в отдаленье –
Песня лесного дрозда
Там,
за селеньем.

Солнце идёт на закат
За перелески.
Чуткие бабочки спят
На занавеске.

1973

Теньковка

СЕНТЯБРЬ

Покрытая мохом резба,
Наличников ветхое кружево,
И листья,

ся (*смеётся*). Так вот приехал в Ульяновск Евтушенко с хоровой капеллой. И был с ними Лёва Лещенко. Выступали они в Мемцентре, жили в гостинице «Венец».

Идём мы с моим другом Володей Мартышкиным (он учился на курс попозже, тоже стихи писал, потом работал на «Контакторе» электриком, откуда-то упал или его уронили, в общем, он уже покойный). А Евтушенко тогда гремел (сейчас уже нет, прошли те времена, сейчас другие культы).

Я говорю: «Володя, пойдём, найдём этого Евтушенко перед его концертом. Посмотрим хоть на него». А мы знали, что остановились они в «Венце». Пришли туда в фойе, сидим, ждём.

Вдруг из лифта выходит вот такой парень двухметрового почти роста (я метр восемьдесят, а он намного выше), я сразу его узнал. С коньками. Видимо, пошёл кататься. Где-то возле первой школы был каток. Мы не подошли к нему. Ладно, говорю, завтра мы увидим его на концерте.

А редактором нашей институтской многотиражки была Жанна Тихонова (она повесилась потом). Странная она была баба, курила, стихи любила. Она, по-моему, МГУ заканчивала – журналистику тоже. В общем, с придурью была бабёнка. Я и сам дурак.

Я говорю: «Жанна, у тебя какие-нибудь книги Евтушенко есть?» – «Есть». – «Дай мне, я с наглостью к нему подойду, чтоб он расписался». Она дала мне синий сборник «Взмах руки», где он в футболке клетчатой стоит. (Найдёшь, во Дворце книги он, наверное, есть). Это ранний сборник, но не первый. Первые у него плохие очень стихи, он там подражал кому-то. Там поэзии-то никакой не было, какие-то всё лозунги: социалистические, коммунистические.

Взял я эту книгу и иду на встречу с ним в актальный зал пединститута.

**Сергей Петров, кандидат философских наук,
преподаватель УлГУ,
в 1973 году «городской диссидент»,
почасовик в пединституте:**

– Евтушенко в Ульяновске стали затирать. Устроили ему встречу во Дворце книги. И даже не в Торжественном, а так называемом Ленинском зале. Получилась как бы стихийная встреча поэта с библиотекарями. Он хотел устроить концерт в Мемориале, но ему не разрешили.

А я думаю: ну как же так, такой большой поэт, нужно организовать с ним большую встречу. Это было трудно. Нужно было разрешение какой-то партийной фигуры. И я воспользовался тем, что учился в школе и сидел за одной партией с Людмилой Афанасьевой. А её мать – Галина Николаевна – была секретарём горкома партии по идеологии и очень влиятельной фигурой.

Я набрался смелости и позвонил ей на работу, в горком (он помещался в нынешнем Дворце бракосочетаний). Спрашиваю: «Можно ли мне, Галина Николаевна, в пединституте организовать встречу с поэтом Евтушенко?» Она ко мне всегда очень хорошо относилась и сказала: «Ну, проводи, Серёж». И я пошёл к Евтушенко.

Познакомились мы с ним накануне. Я подошёл после концерта, говорю: «Хочется организовать ваше выступление». А он мне: «Хорошо, пойдёмте со мной на каток покатаемся. У вас есть тут каток?» Я говорю: «Пойдёмте на "Труд"».

Он очень смело разговаривал. Спросил меня, как я отношусь к вводу наших войск в Чехословакию. Я ответил, что не приветствую. (Ему это понравилось). Спросил, что я читаю. Я назвал несколько авторов. Ему это тоже понравилось, хотя он мне назвал ещё несколько имён американских писателей.

Поговорили на другие темы. Он сказал, что у нас нет идеологии. У нас креслология.

...И вот я привёл его на стадион «Труд». Он снял свою заграничную дорожную шубу, а я взялся её стеречь. Он катался, а я кричал: «Хея! Хея!» (Так тогда шведские болельщики подбадривали своих хоккеистов. Это ему тоже понравилось).

Он спросил меня, какие здесь есть поэты. Я назвал фамилию Бунина. Он сказал: «Опасно писать стихи с такой фамилией».

...И вот он дал согласие на встречу в пединституте. Я назначил время и повесил объявление. (Это был мой авантюризм). Зал был набит битком, люди стояли вдоль стен. Я подготовился к тому, чтобы вечер был записан. Принёс свою плёнку, отдал её Лёне Гегельскому, моему приятелю, он сидел в радиорубке. (Лёня записал эту встречу, но плёнка была уничтожена по распоряжению заведующей кафедрой г-жи Алексеевой).

Анатолий Чесноков:

– Зал набит битком, человек 500 народу, если не больше, проходы тоже все забиты.

Евтушенко вышел на сцену – высокий, симпатичный – и сразу снял пиджак, как Маяковский бывалоча. И я запомнил – пиджак у него был с красной подкладкой, коммунистический. Вешает пиджак на стул и говорит: «Позвольте, я закурю». Ему позволили.

«Так, ну что вам прочитать?» Я кричу ему: «Таланты русские, откуда вы берётесь?» Он говорит: «Нет, это потом». Начал он читать из «Братской ГЭС»: «В Симбирске ярмарка! Почтище Гамбурга! Держи карман! Шарманки шамкают, а шали шаркают, и глотки гаркают: «К нам, к нам!»

(...) «И, продав свою картошку да хвативши первача, баба пляшет под гармошку, еле ноги волоча».

Ну, я так, как Евтушенко, не читаю. Читал он нормально и всё наизусть.

«И какой-то мальчик подходит, эту пьяную бабу из лужи вытаскивает... И это Ульянов, гимназист».

Потом он ещё стихи читал, что-то рассказывал. Все были, конечно, в эйфории. И долго это продолжалось.

Сергей Петров:

– Всё прошло замечательно. Евтушенко вышел на сцену, снял пиджак, у него оказалась красная подкладка (это ему не было прощено). Великолепно читал свои стихи. Потом ему стали задавать дурацкие вопросы (не было ни одного хорошего). Его только и спрашивали: «Как вы относитесь к поэту такому-то? Как вы относитесь к поэту вот такому-то?» Он отвечал вяло, потому что глупо спрашивать о ком-то, когда перед вами стоит самый популярный поэт страны.

Он был очень эффектен: рослый, во всём иностранном, чрезвычайно демократичен... После этого вечера он пригласил меня в ресторан «Венец».

А у меня было напрочь испорченное настроение: когда мы вышли из зала, на меня напала Алексеева вместе со своим мужем Торбяком и начали мне угрожать, как это я посмел организовать эту встречу. (Хотя предварительно я консультировался с Алексеевой, и она была не против. Но потом, когда о встрече доложили Сверкалову, секретарю обкома по идеологии, он устроил дикий скандал. Он орал и скорее всего матом, но спасло дело то, что разрешившая встречу Г.Н. Афанасьева была под защитой первого секретаря горкома партии Золотова).

КГБ ситуацию проспал, а меня окончательно объявили диссидентом. И поскольку в 1972-м году в местном КГБ со мной уже проводили профилактическую беседу, то я собрал шмотки-манатки и уехал из Ульяновска в Москву. На 16 лет. Потому что был я здесь совершенно одиозной фигурой, на меня пальцем показывали. И делать мне в Ульяновске было совершенно нечего.

Анатолий Чесноков:

– Там был Серёжа Петров, знаешь ты его, я его называю не краевед, а короед. Говорю ему: «Ты забрался на дерево симбирской литературы и грызёшь его». Он не обижается, говорит: «Чего на тебя обижаться?» Я ему так всегда говорю, когда мы встречаемся во Дворце книги. (Я там шесть лет не был). Вот сегодня опять там был, снова его встретил. Он говорит, недавно из Вены вернулся. Чего он там забыл? (*Смеётся*).

И вот когда всё закончилось, Евтушенко с Серёжей Петровым (он всегда при деле) стали уходить вместе. Я пробился к Евтушенко, думаю, может никогда больше не увижу его, говорю: «Евгений Александрович, напишите чё-нибудь». Он берёт книжку, чё-то небрежно пишет. Я и сам потом не разобрал. (*Смеётся*). Тут толпа его подхватила, и Серёжа взял его под руку – и они уходят.

Я за ними наблюдаю, они одеваются (у Евтушенко красный шарф до полу) и идут в сторону гостиницы «Венец».

Думаю: «Чё же мне делать? С этим мужиком мне надо встретиться. Больше, наверное, я его не увижу никогда». Денег у меня нет – как всегда. Думаю: надо пойти рублей десять у кого-то стрелкнуть. Потому что они наверное идут в кабак, «в кабарэ». (Ну, Серёжа-то он – не пьяница, я знаю).

Я пошёл к Люде Ткаченко, это первая жена Жени Мельникова, они жили напротив драмтеатра, в Кошкином доме. Женя тогда писал «Углы прицела» всякие. Мы с ним были в хороших отношениях. Он даже стихи пописывал...

Хорошие стихи он писал бывалоча.

Так я – к этой Люде. Я знал, что она со своим маленьким Денисом дома, а Женьки нету. Пришёл, говорю: «Людка, дай мне червонец». – «Куда тебе? Шас пойдёшь где-нибудь пропьёшь». Я говорю: «Нет. Мне нужно встретиться с Евтушенко». – «А где они?» – «В гостинице, где-нибудь в кабарэ сидят».

Дала она мне этот червонец: «На, подлец, иди». (*Смеётся*). Она, эта Люда, отравилась потом.

Пошёл я туда один. По дороге встретил Саню Ерёмина, он сейчас священником где-то служит. А чё я, деревня деревней, почти в лаптях. А Евтушенко всё-таки поэт и по шарикку катается. Говорю Сане: «Дай-ка мне жабо». Жабо из кружев, из брюссельских. (*Смеётся*). Я с него снял, на себя нацепил и с своей крестьянской рожей – вперёд.

Сергей Петров:

– Так вот Евтушенко пригласил меня в ресторан. Заказал шампанское, пельмени. Тут много знаменитого народу ходило: актёр Плотников, красавец Лещенко... И тут же ходил, выворачивая шею, ульяновский поэт Толя Чесноков. Евтушенко смотрит на него, но за стол не приглашает. Я говорю: а это наш поэт Анатолий Чесноков. Тогда Евтушенко: «Давайте, садитесь, молодой человек. Какие стихи пишете?» Толя дал почитать. И ему понравилась одна строчка.

Евтушенко говорит: «Подарите мне эту строчку» (так иногда делали большие поэты). А Толя отвечает: «Я вам её не дам, я сам опубликую».

После этого Чесноков 25 лет рассказывал о том, как он с Евтушенко кутил в ресторане «Венец» и тот выпрашивал у него стихи. (Никакого Петрова в этих эпизодах, конечно, не было)...

Анатолий Чесноков:

– Прихожу в «Венец», они сидят в верхнем зале: Евтушенко, Серёжа Петров, какая-то мадемуазель с ними. Народу в зале почти никого нет – день ещё, часа два или три. Сел я за соседний столик...

А потом про меня писали хрен знает что. Будто я и водку пил с Евтушенко в сквере Карамзина. Не было этого! Потом ещё писали, что когда приезжала Камбурова, то ка-

кой-то Антон Чесноков, лохматый, из местной богемы, провался к певиче. Этого тоже не было! Я к этой Елене Антоновне нормально подошёл, поговорил, сфотографировался с ней. Потом стихи написал. Она мне адрес свой написала: Беговая какая-то, Театр песни, поэзии и музыки...

Вот сел я за соседний столик. Они балдеют, курят, разговаривают. Я тоже закурил, у меня был «Беломор». Сижку, ничего не заказываю. Потом набрался смелости, подхожу. «Евгений Александрович, извините. С вами можно присесть?» – «Пожалуйста». А Серёжа: «Это Анатолий Чесноков, наш поэт».

Евтушенко говорит: «Так, сейчас мы будем пельмени есть. Правда, не наши сибирские, не как в Зиме». Я говорю: «Правильно: симбирские, а не сибирские». Он спрашивает: «Ты водку пьёшь?» Я пил тогда, но говорю: «Не пью». Из-за принципа соврал, а то ещё подумает: какой-то тут бродяга, алкоголик пришёл...

Официанты тут прибегают с книжечками: «Евгений Александрович, подпишите». На полусогнутых. Он подписывает, а им говорит: «Принесите шампанского». Они принесли. Пельмени с шампанским. Почти ананасы в шампанском – из Игоря Северянина.

Что там дальше-то? Щас припомню. «Что-то с памятью моей стало». (*Смеётся*). С этим дуремаром Робертом Рождественским. Что с ним стало-то? «Всё, что было не со мной», он помнит! Когда я был в Петрозаводске, там была экскурсия. Экскурсовод, какая-то финка, говорит: «Вот здесь, в Карельском университете, учился наша знаменитость – Роберт Рождественский». А потом он оттуда ва поехал в литрфак, в Москву. Он сначала в Петрозаводске учился. Ты не знал об этом? Я знаю. Меня пора убивать. (*Смеётся*).

Так. Сидим мы. Евтушенко говорит: «Стихов мне можешь своих не читать. Я вижу, что ты с завихрениями, у тебя волосы такие. Потом чего-нибудь прочтёшь».

Я говорю: «Евгений Александрович, ну вы расскажите чего-нибудь. Как вы там за границей-то». Он было начал. Но тут подходит какой-то парнишка, симпатичный, стройный, в чёрном свитере. Без всякого разрешения садится к нам.

Евтушенко мне на него пальцем показывает: «Ты не знаешь этого парня?» Нет, он на «Вы», культурный, конечно. Вы, говорит, не знаете этого парня? Я говорю: «Не знаю, первый раз вижу». Да это, говорит, Лёва, хороший парень. (Это оказался Лев Лещенко). Это потом он оказался таким жирным.

Ну и сидим мы. Я говорю: «Евгений Александрович, так как там за границей?» Он говорит: «Щас я расскажу, как первый раз выехал». Это было в каком-то году, он ещё учился с Беллой Ахмадулиной в литинституте. (По-моему, он ещё не женат был на ней). В Софии намечался международный фестиваль молодёжи. И его туда пригласили, дали путёвочку. Он уже на вокзале (на Киевском, по-моему). Вся делегация садится, а ему ребята в галстучках, в белых рубашках говорят: «Евгений Александрович, вы не едете». (Ребятишки, видимо, из КГБ).

Он говорит: «Я сильно расстроился и пошёл в Московский Союз писателей». А тогда председателем этой московской писательской шараги (или секретарём партийной организации) был Степан Щипачёв, ваш уральский мужичок. Евтушенко говорит: «Я знал, он плохой поэт, но хороший мужик». «Любовь – не вздохи на скамейке» – это его лирические шлягеры. Но потом он отошёл от поэзии и стал чиновником. Партийный, не пьяница, вот и руководил, говорит, нами.

Вот Евтушенко и говорит ему: «Степан – как его – Иваныч или Василич, вот так и так, меня не пустили». Тот говорит: «Женя, не расстраивайся. Щас я пойду в ЦК, и, если они мне не поверят, что Евтушенко никаких слов не скажет за границей против России, я тогда там в ЦК кину партбилет. И хрен с ними».

И он пошёл и сделал. Конечно, он не кидал никаких партийных билетов. Но ему верили. Он сказал: «Пустите Евгения». Так Евтушенко первый раз оказался за границей, в Софии. Хотя, конечно, Болгария – это невесть какая за граница. Но после сибирской глухомани и послевоенной Москвы – ясно: что-то европейское на него пахнуло.

И вот с тех пор, говорит, его стали пускать.

Да, а курил Евтушенко «Винстон». Тогда их можно было только в «Берёзке» купить. Я достаю свой «Беломор», он мне говорит: «Чё ты куришь эту дрянь? Кури эти». Я говорю: «Можно что ли?» – «Можно, кури».

Он говорит: «Ну-ка, почитай чё-нибудь своё». Я тогда начинал «Забывтый романс», поэму о декабристах. И были там такие строки: «Вы пришли, вы простили, Вас забыли тогда. Над судьбою России затыжные снега». (Я, подлец, тогда маленький был. На третьем курсе или на втором).

Он говорит: «Ага, молодец, вот именно затыжные снега. А не затыжные дожди».

Я говорю: «У нас есть хороший поэт Благов Николай. Но у него слишком сложные для восприятия метафоры, почти Пастернак. Его без бутылки хрен поймёшь, надо ещё головой подумать маленько». Евтушенко: «Ну это меня не касается. Одно точно найденное слово заменит тысячи метафор». Правильно сказал, молодец. «Над метафорой надо ещё думать. А это сразу: затыжные снега. Можно я использую эту вашу строчку?» Я говорю: «Евгений Александрович, нет, это я написал. А вы чего-нибудь по-другому пишете».

– *А он не предлагал эту строчку у тебя купить?*

– Да нет, это уже потом сочиняли. Вот так мы и расстались. Всё нормально. «Будешь в Москве, заезжай. Найдёшь там меня». Я говорю: «Где я вас найду там?»

Я дальше Теньковки, своей Чемурдаевки, никуда и не ездил». (*Смеётся*).

Из записок Составителя

Когда эта книга готовилась к печати, позвонил С.Б. Петров и рассказал занятную историю. В эти дни Ульяновск снова ожидает Евтушенко – Евгений Александрович приглашён правительством области. Будет поэтический вечер в Большом зале Ленинского Мемориала. Но неугомонный Сергей Петров решил срежиссировать «ремейк» того памятного вечера в Ульяновском пединституте.

Начал хлопотать и что же? Получил решительный отлуп. Мало того, что руководство педвуза выступило категорически против («Этот Евтушенко может выкинуть всё, что угодно»). Резко возразили преподаватели кафедры литературы (!) и первая среди них – г-жа Алексеева, которой уже за 80, но она до сих пор преподаёт.

Сергей Борисович Петров был потрясён: «Сорок два года прошло! И страны уже той нет, и общественный строй сменился. Евтушенко – всемирно известный поэт. А в ульяновском педвузе – всё по-прежнему. И алексеевы на месте».

Евгению Евтушенко

ЗАБЫТЫЙ РОМАНС

Неужели всё было:
Юность, Пушкин, Лицей?...
Синь тревожная стыла
На прекрасном лице.

Взбунтовавшийся ветер
Рвал осеннюю даль,
В пролетавшей карете
Белым снегом –
вуаль.

Тучи низкие плыли.
Ночь в крестьянской избе...
Неужели вы были
Не во сне,
а в судьбе?

...Яркий блеск эполетов,
Взор доверчивых глаз,
Молодые корнеты,
Смех, мазурки
и вальс.

Свечи,
струны гитары,
Зов свободы в крови,
Страстный голос гусара,
Слёзы первой любви.
Над декабрьской Россией
Мысли –

вольный полёт...
Вы пришли?

Вас просили
Боли бед
и невзгод

Просветлённо
и мудро
В тот пророческий год...

Но разбавлен поутру
Кровью –
мглистый восход.

И Сенатская площадь
Опрокинулась вниз,
Как родимая роща
У подстреленных птиц.

НИИ

Истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Страшный миг эшафота.
Затухали слова.
В вихрях кануло что-то,
В седине голова.
Вы пришли?..
Вас простили?..
Вас забыли тогда?
Над судьбою России
Затяжные снега.

1971
Ульяновск

**Александр Рассадин, литературовед,
доцент педагогического университета:**

– Мы с Михаилом Матлиным поступили на истфил в 1974-м, а Чесноков и Светлана (в последующем Матлина) в том году выпускались. И в первые месяцы учёбы в институтской газете «Призвание» мне попались на глаза стихи Чеснокова:

Когда умирает философ,
Рукой подпирая висок,
С ним тьма нерешённых вопросов
Уходит в могильный песок.

Меня это поразило, я подумал: «Боже, как здорово написано!». Это было первое наше, заочное, знакомство.

Через какое-то время мы познакомились лично, и я не могу сказать, что были мы с ним в дружеских отношениях, скорее, приятельствовали. Он приходил ко мне на литературное объединение, приходил трезвый, садился на последнюю парту, внимательно слушал и давал очень точные комментарии к стихам, которые мы со студентами обсуждали.

Но со временем его образ жизни и характер резко изменились, появились беспардонность, грубость.

Я изменил к нему отношение как к человеку. Я ему очень сочувствовал, я иногда на него обижался, и всё это не способствовало нашему сближению.

Но моё отношение к нему как к поэту во все эти годы (и в 70-е, и в 80-е, и в 90-е, и сейчас) абсолютно не менялось. Это большой поэт второй половины XX века. И только в силу разных, не зависящих от него обстоятельств, он не получил всероссийской известности.

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– После института он работал в родной школе в Теньковке. Потом мне его ученики рассказывали: «Учителем он был никудышным. Вот как вы, Валерий Васильевич, учили их... А он нас – наоборот». В смысле, не было у него такой связи с ребяташками.

**Игорь Сазонов,
учитель Теньковской школы:**

– Ну, а если сказать, как он нас учил русскому языку – так это проблематично. Вспоминаю один такой случай. Оставил он нас как-то после уроков – меня, Саньку Барашникова, Саньку Сидоранова и Ваньку Хамова. А Ванька Хам – он года на два нас постарше был – два раза на второй год оставался и дошёл до нас.

И вот Хам до таких пор доводил Анатолий Петровича... А у нас школа дровами отапливалась – такие поленья здоровые привозили, мы его вдвоём двигали. И вот Хам до такой степени его довёл, что он это полено схватил, поднял и бросил. И если бы Хам оказался чуть-чуть медленнее, его бы не было. А так полено с треском врезалось в дверь – Хам успел её за собой закрыть.

А насчёт русского языка – я не знаю... Может, были у него свои заботы, молодость, дарование, стихи... На детишек, я думаю, он мало внимания обращал.

Анатолий рассказывает:

– «Всё правильно, молодец. Садись, два. Завтра с родителями придёшь». Это так я преподавал в школе.

Я говорю: «Ну, ладно, Пушкина вы знаете, прочитаете. Лермонтова тоже. Давайте частушки сочинять». Или начинаю им рассказывать про Кнута Гамсуна – каким-нибудь шестиклассникам. Или про Томаса Вулфа. Говорю: тоже молодец парень был, рано умер, в 39 лет. Но кое-что написал. Сумел, подлец.

Они смотрели на меня как на придурка на какого-то. (Смеётся).

Г. Зотову

Россия начинается с дождя,
пролившегося бурною рекою,
и с крепкого

калёного гвоздя,
забитого Петровскою рукою.
Россия начинается с путей
железных
и простых тропинок.
Россия начинается с речей
о матери,
о детях,

о любимых.

Россия...

Перекрёстки,

поезда,

привязанные рельсами
к вокзалам.

Зелёная вечерняя звезда
над грудью зацелованной
причала.

Россия...

Древний иней –
светлый прах
на чёрных ветках
длинными ночами.
Да что там!
Снова чистыми ручьями
она в сердцах,
в задумчивых словах.

1973

Ульяновск

Из дневника Составителя

Апрель 1977 г. Свердловск. «Россия во многих направлениях развивается непомерно быстро... У нас что ни год, то эпоха». (В. Белинский).

«Сия жизнь – один час, а потому употребим его на дела». (Надпись на камне с могилы сибирского хана).

Апрель 1978 г. А.И. Куприн, «Поединок». Назанский: «(...) физиологическое действие алкоголя на нервную систему. Сначала, когда я впервые испытал этот чудный подъём внутренней жизни, я думал, что это само вдохновение. Но нет, в нём нет ничего творческого, нет даже ничего прочного. Это просто болезненный процесс».

«Всё, что есть талантливого, способного – стивается».

Лето 1978 г. Корней Чуковский. «Чехов». Детгиз, 1958 г. «Когда он умер, после него осталось не только 20 томов всемирно прославленной прозы, но четыре деревенских школы, да шоссе на Лопасню, да библиотека для целого города (Таганрога), да памятник Петру, да посеянный на пустоши лес, да два замечательных сада».

**Анатолий рассказывает
(диктофонная запись 8 декабря 2007 года
на кухне у Дёмочкиных):**

– «Умом ты можешь не блистать, но сапогом блистать обязан». Это нас на Северном флоте учили. И правильно учили.

Отбой. «Чесноков! Иди сюда! Вот 20 километров казарм. Ты бери тряпку и драй их. От заката до рассвета». А что мне делать? Приходилось драить. Иначе – гауптвахта, губа. И я там бывал. Много раз. *(Смеётся)*.

«Не буду я казармы эти ваши драить! Надоело мне!» – «Ну, извините, сэр. Езжайте на губу». Я говорю: «Спасибо». На губе я пишу романсы о Коле Рубцове. Класс! *(Смеётся)*.

Я сейчас без сожаления вспоминаю эту мурманскую романтику. Выходят покурить. Залив. Зима. Скалы. Всё в снегу. Но вода не замерзает. Пар от неё идёт. Почему? Северо-атлантическое течение Гольфстрим, которое зарождается возле пламенной Кубы в Мексиканском заливе. Идёт через всю Атлантику, берега Скандинавии, Норвегию, Байген, места моего любимого Кнута Гамсуна – и сюда, к нам: Кола, Мурманск.

Русские земли у Новгорода всегда были в Норвегии почему-то. Они там, как братья, были всегда. Там норвежец к русскому всегда приходил. Они даже не норвежцами назывались. А норды какие-то: северные люди.

У наших там в Печенге на Трифоновом ручье всегда был монастырь. Он сгорел недавно – по телевидению я видел. Трифонов ручей (по Савве Мамонтову) рисовал Коровин Костя. Ты не знал такого художника? А Савва Мамонтов тогда строил дорогу на... Мурманск он тогда не назывался. Он назывался... Никольское, что ли, какое-то на Мурмане⁹.

⁹ На самом деле: Романов-на-Мурмане – (прим.ред.).

Новгородцы эту дорогу тыщу лет до этого проехали. Это наша земля. Никакой Норвегии мы не отдадим её. (*Смеётся*). Мы будем стоять там всегда. С Новгородским флагом.

И интересно, что во время войны Гитлер завоевал почти весь Мурманск. Но на территории норвежско-советской границы мы стояли, никогда не сдавали этим фашистам проклятым. И будем стоять. Как господин Великий Новгород сказал, так и будем стоять. На Трифоновом ручье.

Там скалы, чайки летают. Заполярье. Ты не был в Заполярье? Я – полтора года. Ну, например, в 3 часа ночи просыпаешься. Светло, как днём. Примерно с марта по август – белые полярные ночи.

Ген, ну какой ты тёмный человек! С тобой неинтересно даже говорить. Ты просвещайся иногда! Я тебя люблю, дурака. Но, по-моему, я интересней тебя. Я проехал кое-что в этой жизни. Но я живу в Теньковке. Я простой советский крестьянин. (*Смеётся*). И если ты не приедешь ко мне, я тебя убью. (*Смеётся*). Расстреляю.

Ген, я вас всех жду. И не сплю ночами. Когда этот Гена Дёмочкин приедет. Проклятый. (*Смеётся*). Серьёзно. Приедешь, что-нибудь напишешь. А можешь и ничего не писать, только приедь...

Л.К.

А на рассвете ты была,
Пусть это утро повторится!
Свистели радостные птицы,
и лодка по реке плыла.

И в полдень ты ещё была.
Под солнцем голубели дали,

смеялось лето в краснотале,
ромашка белая цвела.

Но, будто вспомнив про дела,
куда-то птицы улетели...
Была ли ты на самом деле,
а может,
вовсе не была?

И лишь вечерняя звезда
мне ничего не обещала.
И только память возвращала,
всю ночь шумевшая вода.

Ты,
словно эхо
вдалеке,
ступала по моим тропинкам.
Я даже помню:
две росинки
светились на твоей щеке.

Лето 1974
Ульяновск

Из дневника Составителя
Октябрь 1978 г. Свердловск. По-
весть И. Грековой «Кафедра». «Новый
мир», № 9, 1978 г. «Как бы ни обидела судь-
ба человека, она не в силах отнять у него дет-
ство. Если оно было светлое, сияющее, чело-
век счастлив до конца дней своих».

19 июня 1979 г. Об одиночестве. Человек,
в сущности, всю жизнь остаётся одиноким.
Один на один с собой. Это ответственно, это
трудно. Это страшно. Человеку надо держаться
за жизнь. Связи с жизнью многолики. Чем их
больше, тем увереннее человек живёт.

Август 1979 г. Москва. Жизнь такова, что хитрить и бегать от трудностей, ища лёгкой жизни, можно только до одной поры. Сроки её наступления зависят от душевной тонкости человека. По наступлении её человек теряет покой и уверенность на всю жизнь. Это величайшее несчастье.

Только частично испытав всё это на себе, я это понял. Слов, советов мудрых и даже литературных образов оказалось недостаточно.

**Виктор Конов,
житель с. Теньковки:**

– Вижу я, человек ходит. Ну, бродит... Я говорю: «Толь, айда мне помоги косить». Он говорит: «Айда».

Я заезжаю за ним на мотоцикле – поехали. Смотрю – видно, «хороший» он. Ну, ладно. Молчком садится, всё, поехали. Приехали. Конечно, природа там – чудо. Дуб, крапива и берёза. Яблони ещё рядом. Ну, ладно. Пока мы это настраиваем косы, смотрю, подходит этот товарищ. Думаю: «Что он будет делать?»

Достаёт пузырёк, отвинчивает, раз – в какую-то плоску... Одеколон...

Голос Толи: – Было. Чё тут скрывать...

– Начали косить. Косили-косили, гляжу – чё-то пищет. Я говорю: «Ты чего, Толя, пишешь?» – «Стихотворение тебе вот посвящаю». – «Пиши, – говорю, – Бог с тобой!»

Пошёл дальше косить. Потом смотрю: чё это он там делает? Сначала испугался. Он набирает в горсть землянику и клубнику и вот так себе на лице размазывает. Вы представляете? Жара! Мухи! Я говорю: «Ты чё делаешь?» Он говорит: «А есть же земляничный крем». – «Ну и чо?» – «А вот у меня ещё и с клубникой маска». Я говорю: «Господь с тобой».

А он не вытирается, так весь день и ходит.

Приезжаем домой. Валя выходит. «Чё с ним такое? Это негритос какой-то!»

И тут же он присел к подоконнику, раз-раз-раз, написал что-то и нам читает...

Голос Анатолия: «Стихотворение называется «И спросил я у кукушки». И посвящается Виктору Конову.

Виктору Конову

И СПРОСИЛ Я У КУКУШКИ

И спросил я у кукушки
На родимой стороне:
«Отвечай же ты, подружка,
Сколько жить осталось мне?
Расскажи, что будет в жизни,
Как вещунья угадай,
Сколько лет в родной Отчизне
Воспевать мне отчий край?
Сколько радости, печали
И кручины – впереди?
Что, кукушка, замолчала?
Счёт годам моим веди».
И спросил я у кукушки
Средь красы лесных равнин,
Сколько мне осталось слушать
Музыку берёз, рябин?
Средь лугов, нарядных, сочных
(Глаз от них –
 не оторвать!)
Сколько дней мне,
 сколько ночек
Здесь осталось жить,
 гулять?..
И ответила кукушка
В яркой белизне берёз

На лесной цветной опушке:
«Не печалься ты всерьёз.
Среди солнечного света
Здесь – такая благодать!
Посреди цветов и лета
Разве можно умирать?..
В сенокосные угодья
Разливайся, песнь косы!
Ты живи в своём народе
Средь берёзовой красоты,
Посреди большой России,
Посреди её дорог...
Где бы в жизни ни носило,
Ты хлебни её тревог...
Земляничные поляны.
Радость –
жизнью не собрать!

Мой дружище,
слишком рано
Ты собрался умирать.
В бедах,
собственных ошибках
Никого ты не жури.
Провожая их с улыбкой,
Сколько нужно, столь живи.
Как свои, прими ненастья
У другого на пути.
И познаешь цену счастья,
Только слишком не грусти.
Ты хлебни его печали,
Горше горького вина...»
И кукушка замолчала.
На опушке – тишина.
Светлой радости опушка
И берёзовый рассвет...
Нагадала мне кукушка

НИИ

искусств и культуры

имени Н.М. Карамзина

Море счастья, море бед.
Ты, кукушка, слишком мудро
Рассудила мой вопрос.
А в России – снова утро.
А в России – сенокос.
На поляне Мокрой Прорвы,
В свете утренних берёз,
Я задумался всерьёз:
Вновь в России –
дел по горло.
Значит, ушки на макушку,
Значит –
в сторону вопрос,
Что задал я вдруг кукушке
На родной лесной опушке,
Где в разгаре – сенокос.
Пусть мелькают, словно птицы,
Годы, улетая вдаль,
Но пускай мне вечно снится
Прорвы – светлая печаль.
Где любви, как ягод, –
прорва,
Счастья – розовый налив,
И прекрасно, очень здорово
Посреди лесов и нив.
Если буду вдруг разорван
Я – на жизненном пути, –
Пусть поляна Мокрой Прорвы
Запоёт в моей груди.
Всем берёзовым раскладом,
Красотой своей цветной
Над бедламом, диким адом
Новой бойни мировой...
В жизнь иду влюблённо,
гордо,
Позабыв свои года,

И поляна Мокрой Прорвы
Светится в душе – всегда.
За ручьём – Сухая Прорва,
Лета красного – зенит.
И в серебряные горны
Жаворонков – жизнь звенит.
На поляне, здесь у Прорвы,
Где нарядные луга,
Жизнь не входит в берега,
Радости с работой –
поровну,
Счастья светлого – стога.
Счастья – радости опушка.
Свет России – по лесам...
Не гадай мне жизнь,
кукушка!
Я её познаю –
сам...

**Светлана Матлина, поэт,
член Союза писателей России:**

– Вспоминается такой случай: ранним утром приехала на ЖБИ, что в Засвияжье. В голове стихи крутятся, в руках – блокнот и ручка. И навстречу Толя, радостно всплеснул руками, подбежал ко мне.

– Ты как тут оказалась?

– Репортаж писать послали из строительной газеты, а ты как?

– И я тоже, из автозаводской.

Уселись на какую-то бетонную конструкцию, и давай про стихи, про любимых «проклятых» (было такое литературное течение, крупнейшие представители Рембо, Верлен, Бодлер) французских поэтов и бесценный русский Серебряный век поэзии. Потом свои стихи друг другу читали, какой там репортаж! И оказалось, что и он, и я пишем в данный момент одно и то же: поэмы про Марину

Цветаеву. Само собой, он по-своему, я по-своему. Такие неожиданные переключки случались не раз. Взять хотя бы поэмы о Верлене, циклы стихов о Карсуне... Как бы одни и те же мысли в одно и то же время приходили в наши буйные головы.

Пересекались и наши жизненные пути в самые напряжённые моменты, и получалось – для того, чтобы мы помогали друг другу, когда те, кто называл себя другом, отворачивались.

Журнал «Карамзинский сад», № 1-2, 2010

Из дневника Составителя
15 декабря 1979 г. Свердловск. *Кончил сегодня «Прощание с Матёрой». И в том месте, где бабка Марья рассуждает о жизни своей и смерти, задумался о себе и я.*

Эта мысль уже несколько дней настойчива во мне: надо иметь мужество, чтобы отказаться от места в жизни, тобой несуразно занятого. Даже если и другим от этого не плохо, а ты чувствуешь, что не твоё – уйти надо. И, может быть, будут сплошные переходы с работы на работу, ну и что? Главное – чувствовать свою индивидуальность, прислушиваться к себе.

Ульяновск. 1980 год. *В «Литературке» за 8 октября слова В.М. Шукшина: «Ни ты, ни я Львами Толстыми не будем. Мы с тобой уйдём в навоз. Только ты вот чего должен понять... Только на честном навозе может произрасти когда-нибудь ещё что-то подобное Льву Николаевичу. Только на честном!»*

Октябрь 1980 г. *Биограф Толстого писал: «Судя по дневникам этого великого знатока человеческой души, можно подумать, что он был хуже других. А он был просто честнее».*

Ощущением потери
Сосны возле оград...
В грозовой атмосфере
Прокатился разряд.

А потом в изначальной
Тишине всех округ
Что-то птицей печальной
Упорхнуло из рук.

Капли,
 точно подвески,
Тронь рукой –
 зазвенят.
В доме на занавесках
Чутко бабочки спят.

Ощущением потери
Месяц в окнах застыл...
Лепестки,
 словно двери,
Одуванчик закрыл.

1974

Кузоватово

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– Когда он собрался жениться, привозил к нам свою невесту. Они даже ночевали у нас, он и его будущая жена. А когда у него появился сын, он возьмёт его маленького в коляске и уедет к нам в Новоульяновск. Приедет... «Толь, да как ты осмелился?» – «А чего такого?»

Тогда он ещё так не пил.

Светлана Матлина, поэт:

– Приводил он и ко мне свою «гордую полячку», как он её называл. (Знаешь, когда человек купит собачку или какую-то обновку и ему хочется её показать. Детское что-то). И вот он мне её привёл. А у меня глаз намётанный, я в психушке патопсихологом работала, считалась хорошим диагностиком.

У них был первый месяц, Толя сияет, а я смотрю на неё, слушаю... Она молоденькая, хорошенькая, только странно как-то ходила, как будто у неё не в порядке двигательный аппарат. И когда она начала говорить... Я смотрю: у неё речь замедленная и трудная. Видимо, с девушкой не всё в порядке было.

Я Тольке ничего не сказала, а сама подумала: «Ой, мама родная... Это же по нашему профилю...». Ну и не вышло у них ничего. Она же его в результате и заложила, в милицию на него накатала...

Анатолий рассказывает:

– Хочу давно написать мемуары. С кем я только не встречался! Например, с Виктором Борисовичем Шкловским. Он говорил: «Серёжа – мой друг», «Володя – мой друг». Я его спрашиваю: «Кто это такие?» – «Серёжа Есенин, Володя Маяковский».

Я с ним встречался в Юрмале, в Дубултах, на совещании молодых писателей. Он приезжал туда к нам. Ему было тогда около 90 лет. А когда умер, ему было, по моему, 96.

...С моей молдавской женой у меня были какие-то нелады (да я с ней и не расписывался). Думаю: «Доколе мне пред гордою полячкой унижаться?» Помнишь, из «Бориса Годунова?» Тёще я всегда говорил стихами Пушкина. Её имя было Казимира Лодзинская, полячка. Её дочь прискакала в Теньковку, я её сразу охмурил. Она была на десять с половиной лет меня моложе: мне было 29, ей 18.

Я пошёл в библиотеку Лескова сдавать, он тогда мне нравился, да и сейчас нравится. Ну кому он не нравится, у него оригинальный язык. непохожий ни на кого. Вот сейчас «современный Лесков» в какой-то мере – это Володя Личутин. Он родом из Мезени, ученик Фёдора Абрамова, в какой-то мере.

Оттуда же родом Виталий Маслов, они друзья. Ты не знаешь такого писателя? Он лауреат Госпремии, а когда-то был командиром атомного ледокола «Ленин». Все они с Севера, с Белого моря.

И мы оттуда. Наши предки тоже оттуда. Этиарии. Потому ледник надвинулся, они, видно, остались, а мы «уехали»: кто в Индию, кто на Волгу. Кто куда разбежались. Это у меня написано: «Этиарии в Теньковке».

Я женился в первый раз в 1981 году, 24 января. На этой полячке. И потом я уехал туда, к ним, на Западную Украину, в Хмельницкую губернию, там раньше, до войны, была как раз граница с Польшей. Есть такой фильм, «Граница».

Так я стоял на этом мосту через реку Южный Буг, где эти пулемётчики бегали. Костелов там много, сейчас они действуют, а тогда закрыты были.

Кстати, знаешь, кто там был? На вокзале там стояла дореволюционная будка, на которой было написано, что здесь служил писатель Куприн. Это Проскуров бывший. Я думаю: да, Александр Иваныч, вот где мы с тобой встретились. Он там после кадетского училища служил и писал «Поединок».

Потом я разругался с этими поляками и вернулся в Теньковку. Приехал, дома ещё маманя была. Я просыпаюсь в три часа ночи, там метель, всё задуло. Никакие автобусы не ходят: ни до Языкова, ни до Ульяновска.

Я матери говорю: «Мне надо съездить в Саратов». Она: «Ты чё, очумел что ли совсем? Смотри, какая метель на улице! Ты как хочешь, а денег я тебе в Саратов не дам.

Давай поезжай в Хохляндию, помирись там со всеми. Чё ты: только женился – и вдруг концерты такие устраиваешь. Мне стыдно даже по деревне пройти».

Я говорю: «Да я в гости к вам приехал. Ты не говори, что я там разругался с кем-то... Значит, ты не даёшь мне денег до Саратова? Я всё равно уеду, пешком уйду. Мне нужно там встретиться с Володей Пырковым. Я послал ему свои стихи – ни ответа, ни привета».

Тогда Володя был зав. отделом поэзии в журнале «Волга». Ты не застал его в Ульяновске? Он здесь жил, работал, возглавлял отделение Союза писателей. Я с ним в хороших отношениях. Не знаю, жив ли он, ему где-то за 70. У меня его книжки есть с его автографами. Неплохие стихи, между прочим.

Пошёл я по этим сугробам, пришёл в Языково. Сел на автобус, доехал до Ульяновска, на вокзал поехал. Надо ехать до Саратова, без билета, без всего. Сажусь в какой-то рабочий поезд, забился на верхнюю полку. Там все двери нараспашку, метёт, ветер свищет. «Мело по всей земле...» Свечей только не было. Я взял несколько матрацев, накрылся ими и лёг. Думаю, ни одна сволочь меня тут не найдёт. Всё равно я приеду в Саратов.

И точно: проснулся, мы уже подъезжаем. «Степь и степь кругом». Ночью подъезжаем к саратовскому вокзалу. (Я первый раз там, да, может, и последний. Больше там и не бывал). Остаток ночи провёл на вокзале.

Я знал, что редакция журнала «Волга» на проспекте Космонавтов (или набережная Космонавтов) на берегу Волги. Ты там не бывал? Ну, ещё побудешь, какие твои годы. Там же Гагарин учился бывалоча, поэтому и набережная Космонавтов. Там как раз через Волгу мост.

Доехал утром на троллейбусе, вышел. Нашёл здание редакции. Спрашиваю: «Где тут заведомо поэзии? Где мне Володю Пыркова, землячка, найти?» – «Да вон он, там». Я захожу: «О, Владимир Иваныч! Привет!» – «Привет».

Он спрашивает: «Ты когда приехал?» Я говорю: «Вчера». (Хотя приехал сегодня). «Слушай, а ты где ночевал-то? Ты почему не позвонил?» – «Да кто тебя знает, куда тебе звонить» – «А где ты ночевал? В гостинице, что ли?» – «Да, в гостинице! Какая гостиница? У меня ни копейки денег! Кантовался с какими-то бродягами на вокзале».

«Так, – говорю, – Владимир Иванович, вы стихи мои с Украины получали?» – «Как же, вон они.» – «Что ж вы молчите? Я жду-жду какого-нибудь ответа. Или привета». – «Слушай, Анатолий, ты посмотри на эти стеллажи». А там во все стены, как у тебя в корпункте, полки с папками. «Это, говорит, мне ещё нужно прочитать. Это всё стихи. И я не знаю, когда до тебя очередь дойдёт». Я говорю: «Понял юмор».

Он: «Ну, ладно, ты посиди здесь, мне на совещание к редактору нужно идти». Сажу, курю «Беломор» саратовский. Заходит какой-то мужичок, в телогрейке и в тельнике. Я его сразу узнал, это был Григорий Коновалов. Но я прикинулся таким дурачком.

Он спрашивает: «А где Володя-то?» Я говорю: «Ушёл на совещание». – «Слушай, а ты откуда? Дай-ка закурить». – Я говорю: «Пожалуйста, у меня только «Беломор». – «Я курю всё подряд. Так ты откуда такой кудрявый?» Я говорю: «Как откуда? Из Симбирска, там все такие у нас. Что Чесноков, что Коля Благов – похмелялся брагой».

Он говорит: «Ты оставь этот свой юмор симбирский». А я ему: «Вы же Коновалов. Хрена ли Вы тут прикидываетесь простачком из оренбургской степи? Я всю Вашу подноготную знаю. Читали мы эти «Университеты» и прочие «Истоки». Экранизацию даже видели».

Я когда-то Вальдемару Янушевскому написал:

«Мы периферийные,
Быт наш – стилизация.
Жизнь многосерийная.
Без экранизаций!»

Он говорит: «Ну, ладно, хорошо». А я ему: «Григорий Иваныч? А как Вы в литературу-то эту заехали? Я знаю, что Вы на Тихом океане Россию защищали. С кортиком ходили с офицерским. До войны, до Великой Отечественной». — «Да, было, служил. Вот там я и стал пописывать: рассказы»...

(На этом плёнка в кассете закончилась).

Александр Зинину

СВЕТ МОЙ ВЕЧЕРНИЙ

Голос протяжный
вечерней воды
Переполняет
горла кувшинов.
Запах сырой
бузины и крушины
Скоро наполнит
ночные сады.
Свет мой вечерний...
Стою и молчу.
Ярко горит
облаков вереница.
— Сколько же будет, —
вдруг закричу, —
Жизнь моя длиться?

Г.Ф. Матвееву Карамзина

Надо мною горит золотая звезда.
Подо мною поёт голубая вода.
Но печали слова мне роняет листва,
Горевую беду мне приносит молва.

Предо мной по ночам разверзается ад,
Только звёзды златые во мраке горят.
С каждым днём всё темней голубая вода,
Всё тревожней шумят над Россией года.

И живу я в тревоге от листвы и воды,
От полночной звезды, от народной беды.
Пусть уносятся годы – голубая вода,
Да не меркнет в России золотая звезда.

Из дневника Составителя

Январь 1981 г. Писатель Леонид Жуховицкий в № 1 «Журналиста» пишет: «Первая составная часть таланта – способность остро чувствовать боль».

17 февраля 1981 года. Прочитал о писателе Юрии Олеше: «Он одолел такой культурный подъём, откуда мог любоваться не только сегодняшним, но и завтрашним днём мировой и советской литературы».

Владимир Лидин вспоминает: «Вернувшись в Москву, я рассказал Юрию Карловичу, что встретился с его родителями в Гродно. Я выразил уверенность, что он к ним поедет.

– Не сейчас, – сказал Олеша. – Я поеду к ним, когда у меня будет слава и много денег, чтобы весь город говорил: «К Олешам приехал сын».

Ещё автор «Зависти» и «Трёх толстяков» писал: «У меня будет золотой день, много денег. С утра, позавтракав двумястами граммами любительской колбасы и закулив гаванскую сигару, я найду лучшую машину, закуплю вагон цветов и поеду на кладбище. Там я вспомню тех, кого уже нет, и кто оказывал мне добро».

Март 1981 г. Ромен Роллан, «Жан-Крис-

тоф». «Нельзя создать ничего великого, не рискуя быть смешным. Кто хочет проникнуть в глубину вещей, должен не считаться с людским уважением, с учтивостью, целомудренной скромностью, с социальной ложью, под которой нашедшее приют сердце задыхается».

**Виктор Малахов,
член Союза писателей России, поэт:**

– Мы с Анатолием одногодки и познакомились довольно давно: была встреча литературного объединения «Надежда», которое посещал я, и литературного объединения автозавода, куда ходил Анатолий.

Встреча эта запала в память. Анатолия трудно было не заметить: рослый, красивый, хорошо начитанный, знающий литературу, пишущий хорошие, яркие стихи.

Нас и в Союз писателей приняли в один день (меня, Александра Лайкова и Анатолия Чеснокова). Это было решение нашей областной писательской организации. Надо было подготовить и отослать документы в Москву. Но Анатолий рукопись свою потерял, документы не послал. Так он и не получил заветное удостоверение члена Союза писателей.

Но главное не это. Главное, что даже в то время мне было ясно, что это крепкий и сильный поэт.

Матери моей

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Расцвети,
цветок мой маленький,
Синий,
самый голубой,
Красный самый,
самый аленький,

Над стремительной водой.

Расцветай,

цветок,

под грозами,

Светом ясным

полыхай,

Синий самый,

самый розовый

Колокольчик,

иван-чай.

Я тебя найду

под тополем,

В поле чистом

и в бору,

И тебя

руками тёплыми

Лишь разглажу –

не сорву.

Вырасти,

цветок,

красивым,

Повстречайся на пути.

Родина моя,

Россия,

Помоги ему цвести.

Расцвети,

цветок мой маленький,

Синий,

самый голубой,

Красный самый,

самый аленький,

Над стремительной водой.

1974

Ульяновск

**Вера Матвеева, главный редактор
еженедельника «АиФ-Ульяновск»:**

– Первый раз я увидела Чеснокова в 1983 году в редакции карсунской районной газеты «Коммунистическая новь». Я работала там литсотрудником после литфака и года в школе. Толя в тот день вернулся из пионерского лагеря, где у него была встреча как с поэтом.

Внешне это был Блок. Тогда он, видимо, ещё не пил или пил мало. С лёту стал читать свои стихи и оказывать мне всяческие знаки внимания. (Я в него почти влюбилась).

Я по наивности подумала, что это просто один из местных поэтов, и все остальные карсунские авторы – примерно такого же уровня. Меня, как недавнюю выпускницу педа, обязали в редакции вести районное литобъединение, и я вдоволь потом начиталась разного графоманства. А по поводу стихов Толи у меня стойкое ощущение того, что его рукой кто-то водил.

Памяти П.С. Бейсова

Когда умирает философ,
Рукой подпирая висок,
С ним тьма нерешённых вопросов
Уходит в могильный песок.
Уходит...

Прощанья минута,
В минуту скорбей и утрат
Я вздрогну.

Я вспомню цикуту,
Которой отравлен Сократ.
Ведь знал,

что умом холодеет
Рукою взмахнул он –
и пьёт,

Презрев все усмешки злодея
Губительный яд,
а не мёд.
И понял последнюю мыслью:
Презрев,
всё же надо прозреть
Извечную истину истин
С коротким названием –
смерть.

1976

Ульяновск

Из дневника Составителя

Апрель 1984 г. «Роман Кармен как-то сказал: "Знаешь, если написать два тома воспоминаний и каждому из ушедших друзей посвятить по маленькой главе, жить будет не так пакостно, ты отдал долг тем, с кем перешёл поле..."».

"Не успел. Как это страшно – не успеть, нет ничего страшнее" ...».

Юлиан Семёнов. Роман «Пресс-центр»

Август 1984 г. Писатель Юлиан Семёнов написал в журнале «Студенческий меридиан» (№ 5, 1984 г.):

«Я всё равно убеждён, что никакая книга в доме зря не живёт. Возьмите современников Петра I. Они читали мало, им было попросту некогда – прорубали окна в Европу, закладывали города, строили государство и свозили книги в свои поместья. Там подрастали их сыновья, читали эти книги, обуревались страстями, на которые была богата европейская литература XVII-XVIII веков, книги будоражили, заставляли спорить или соглашаться, ликовать или гневаться – с карандашом в руках – заметьте!

Правнуки петровских орлов превратили день 14 декабря в день чести нации.

Были бы книги... Рано или поздно, найдутся читатели».

Январь 1985 г. Леонид Жуховицкий написал в «Комсомолке»: «Все бурильщики начинают приблизительно одинаково: запускают станок и ввинчиваются буром в землю. На первых порах это не работа, а удовольствие: почву – насквозь, песок – насквозь, глину – насквозь.

А дальше начинается неприятное и некрасивое: бур упирается в твёрдое. Поди, догадайся, что ему мешает: базальт, гранит или что-то каменное – но замечательно налаженный механизм вдруг начинает буксовать.

И у неопытного человека тут же возникает идея, что с самого начала была допущена некая ошибка. Что место явно не то. Что надо было взять чуть левее или правее, вот тогда бы наверняка пошло бы как по маслу. Вдохновлённый этим соображением, начинающий бурильщик хватается всю свою установку и бежит на другое место, где тут же пронзает буром почву победоносно как иголкой бумагу. Но метров через десять, к большому сожалению, вновь начинается базальт.

Вот так и бегают по жизни бурильщики своей судьбы, а за спиной у них остаются одинаково мелкие дырки в земле...

Вокруг нас много людей не таких, как все... Жизнь у них разная, ремёсла разные, характеры разные. Но непременно есть общее: все они пробрили базальт».

**Николай Благов, поэт, лауреат
Государственной премии России
имени Горького:**

«Речь пойдёт о поэте, талант которого грешно не заметить, талант этот не всякий раз поворачивается к читателю самой ослепительной стороной, но есть у него вещи, неоспоримо превосходные и по-своему неповторимые.

...Газета «Ульяновский комсомолец» напечатала 12 стихотворений Чеснокова, среди которых я не заметил ни одного откровенно слабого, случайного... У Чеснокова достаточно, просто много дивных стихов для издания хорошей книги. Как ему не удалось это раньше, объясняется невезением что ли. Прилипчивым на редкость».

*Из предисловия к книге «В сердце России»,
«Симбирская книга», 1994*

Светлана Матлина, поэт:

– Толя тогда работал в многотиражке на автозаводе. И у них с редактором какой-то скандал случился, Толик попросту запил и несколько дней прогулял. Редактор Теленков решил его уволить. А Толик, он же вспыльчивый, говорит: «А я редакцию твою подожгу». И самое ужасное, что именно в следующую ночь эта редакция загорелась.

Толик не имел к этому никакого отношения (он брякнул и всё), но подозрения, естественно, пали на него. И его начали разыскивать как поджигателя. А Толя стал прятаться – приехал ко мне в «Карамзинку», целыми днями сидел со мной на приёме больных, а вечером волочился ко мне домой. Ну что с ним делать? Ужином покормлю, на раскладушку спать уложу.

Так длилось недели две. Муж у меня тогда в Питере кандидатскую защищал, свёкр со свекровью всё это терпели, а потом говорят: «Может, хватит ему у нас жить?». И я стала о чём-то догадываться. Говорю: «Толь, ты скрываешься, что ли, от кого-то?» Он мне всё и рассказал.

Первый снег в октябре.
Отдалённое озеро.
Вы к себе на заре
Навсегда приморозили.
Чайка,
 шорох ветлы,
Снова ветер густой.
Только думы светлы
У берёзки простой,
Так и жить вот, и жить,
И сиять сквозь года,
Словно снежная нить
Иль над полем – звезда.

Так и жить бы в тревоге,
Подсмотрев по утрам,
Как запутает ноги
Звонкий лёд тростникам.
Стать бы озером,
 снегом,
Ветлой над рекой,
До высокого неба
Дотянуться рукой.

Из записок Составителя

Не помню, как мы познакомились с Толей Чесноковым. Теперь мне кажется, что мы были знакомы всегда. Но если начать вспоминать и разбираться, то окажется, что первое ульяновское десятилетие (я приехал сюда в 1980-м) Толю я не знал.

У него был период странствий, и как раз тогда он жил на Украине и в Молдавии, и в первые встречи нашего знакомства в конце 80-х часто повторял фразу: «Моя молдавская

жена...». И называл имя и фамилию. Их я, конечно, уже забыл, но вот недавно, выбирая для этой книги стихи Анатолия, встретил в его молдавском цикле посвящение Вере Пасэреску. Да, это именно она, та, которую Толя называл своей молдавской женой (не знаю, были они «расписаны» или нет).

Не буду ничего выдумывать о первых впечатлениях – не помню. Очень плотные, бедовые, лихие 90-е многое вытеснили из памяти прежних лет, столько они всего вместили: и художого, и радостного.

... В 80-е мы дружили с Володей Топорковым, он тоже писал хорошие стихи, к тому же был язвителен и остроумен. Когда однажды зашла речь о поэзии Чеснокова, Володя сострил: «Стихи Чеснокова пахнут чесноком».

Родные места на реке.
В зиме утонула округа.
Как мельница в дымной муке,
Поёт белоснежная выюга.

Над Родиной – истории и культуры
белые нити
Пушистых и длинных снегов.
Над Родиной – имени Н. М. Карамзина
солнце в зените.
На Родине –
праздник цветов.
На Родине –
вешние ливни

И песни берёз
и раки,
И солнце,
как золото гривны,
На мокрой дороге
блестит.
На Родине –
праздник работы –
Звенит сенокос
на лугах:
Рубахи промокли
от пота
И солнцем пропахли
стога.
И вот снова рощи багряны,
Над Родиной –
гуси летят,
И лёгкие пряди тумана,
И светел
твой радостный взгляд.
Хочу, чтоб озёра
и реки,
Леса
и снегов серебро
Остались с тобою –
навек,
Рождали
в душе человека
Надежду,
восторг
и добро.

1978
Заполярье

Николай Марянин, член Союза писателей России, поэт, краевед:

– Личная жизнь его как-то не сложилась, и получилось так, что на земле его держала только поэзия. Постоянно его тянуло во всё новые места – как будто он что-то потерял и никак не мог найти.

Он скитался и по Северу, и в Сибири, и на Украине, и в Молдавии. Везде писал стихи и публиковал их в местных изданиях.

В конце 80-х годов, когда он вернулся в родную Теньковку, то уже не мог усидеть в родном доме. Его постоянно тянуло в путь: он мог неделями пропадать в Самаре, в Димитровграде, в Барыше. Ну и больше всего, конечно, в Ульяновске.

Многие его помнят: в любое время года – без шапки, с развевающимися кудрями, нараспашку...

Что со мною делается?
Сердце жмёт до боли.
Молодое деревце,
Словно красна девица,
Вышло в чисто поле.

Ленты и серёжки.
В золоте – монисто.
Милая берёзка
Вышла на дорожку
С песней гармониста.

И прошла ты плавно –
Никуда не деться –
Улыбнувшись славно,
По дороге главной,
Где душа и сердце.

Николаю Марянину

На исходе двадцатого века,
 На излёте бегущего дня,
 Человек, не забудь человека.
 Эй, прохожий, оклихни меня!

Из дневника Составителя

Июнь 1986 г. Виктор Астафьев написал в «Комсомолке»: «Чем больше дано человеку ума, совести, образования, тем более сложно, более тревожно он порой живёт. Я вот честно вам скажу, доходишь иногда до какого-то края, болеешь, переживаешь, охватывает чувство депрессии, и думаешь, ну как хорошо живётся просто обывателю. Даже завидуешь – живут же люди: купили ковёр, телевизор, завели в доме 150 модных книг, мясо добыли, сидят тихо. Всё им нравится, всё их устраивает. Никого они не критикуют, а их хоть закритикуй...

Спят они спокойно, работают от и до, за полчаса до гудка складывают инструменты, в пятницу в шесть они все уже на дачах. Но они же в час иной могут перебить цепью от лодки позвоночник ребёнку за то, что он, не заметив перегородку между участками, сорвал на их грядке ягоду...».

Октябрь 1987 г. «Те, которые знали его в это время, замечали в нём значительную перемену. Вместо того, чтобы с жадностью пожирать романы и заграничные журналы, которые некогда занимали его исключительно, он ныне любил вслушиваться в рассказы народных былин и песни и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он оконча-

тельно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву».

(Адам Мицкевич о 30-летнем Пушкине).

Апрель 1989 г. Андрей Тарковский написал: «Человек живёт не для того, чтобы быть счастливым. Есть вещи гораздо более важные, чем счастье».

**Игорь Сазонов,
учитель Теньковской школы:**

– Как-то мы поехали на сенокос с отцом в лес, скотины было полно и косили – где трава есть, тут и косим. Утром по росе поехали...

И видим: Анатолий Петрович из своего дома выходит, а у них тут трава «костёр» посеяна и огорожена забором. И он по этому «костру», по пояс, пошёл. Я говорю отцу: «О, Анатолий Петрович тоже папашке своему помогает – пошёл косить».

Обратно едем, смотрю: он по этому «костру» туда-сюда, туда-сюда ходит. Я отцу говорю: «Погоди, я его спрошу, чего это он ходит». Остановились, подхожу. «Анатолий Петрович, ты чего ходишь?» Он говорит: «Вдохновения ищущу». – «Дак что, разве чтоб вдохновение искать, надо траву хорошую вытоптать? Вон за дорогой – бурьян, крапива, осот, иди там вдохновения ищи!»

Ну он мне объяснил, куда я могу пойти со своим замечанием. Я сел в мотоцикл и дальше уехал.

Так хочется тихо запеть
на этих просторах польнных,
на русских великих равнинах
мелодией русской звенеть.
Так хочется отобразить

в простых и взволнованных строках
могучую поступь эпохи.

Сказать, словно песню сложить.
Пусть голос ещё не окреп,
Хочу, чтоб он выразил, выстрадав,
всю боль от разрывов и выстрелов,
и правду святую, как хлеб.

Так хочется запечатлеть
и мокрые грозди сиреней,
и встречи, и шорох весенний
деревьев... А время ли петь?

Срываюсь, но всё же начну
взволнованно, звонко, высоко,
достигнув урочного срока,
Я трону надежды струну.

Ну, что же, пора запевать
мне песню. Пусть звонко и ново
правдивое русское слово,
ни в чём не позволит солгать...

*Ульяновский комсомолец,
19.8.1979*

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– Когда я был в командировке в ГДР (возглавлял школу в наших частях ВВС), Толя мне написал письмо: «Валерий Васильевич, у меня всё получается, становлюсь профессиональным литератором, мне нужна пишущая машинка». Я послал ему тогда денег, что-то много по тем временам, но машинку он так и не купил.

**Николай Марянин, журналист,
поэт, краевед:**

– В конце 1980-х я был редактором «Ульяновского комсомольца», фамилия «Чесноков» мелькала, но он в это время был в разъездах (по-моему, в Молдавии). Вернулся он оттуда где-то в 1988-м году, когда я работал в «Ульяновской правде».

Однажды иду по Гончарова и вижу издали – Андрей Пчёлкин (мы с ним были хорошо знакомы, он в комсомоле работал, был секретарём райкома), а с ним – человек с нестандартной фигурой, с развевающимися кудрями.

Поздоровались с Андреем, он говорит: «Знакомься, это поэт Анатолий Чесноков». Я говорю: «Вообще-то слышан...» Толя: «Не Чесноков, а Честноков». – «А почему Честноков?» – «Да предки у меня напутали...»

Это был один из «каламбуров» его жизни. Я понял так: он пожил в Молдавии, его там хорошо приняли, печатали его стихи в республиканских журналах, он как бы возгордился... И, вернувшись на родину, он подумал, что у него фамилия для поэта – не очень. А если «Честноков» – это уже от слова «честь» или «честность». Звучит уже весомо.

Или это просто был его очередной «прибамбас». Был он, конечно, уже навеселе... Но через какое-то время я увидел очередную его публикацию и там было написано: «Анатолий Честноков».

Как-то в очередном разговоре я вернулся к этой теме, говорю: «Толь, понимаешь, слово «чесный» по-русски всё равно произносится без буквы «т». Так что вот ты подписываешься «Честноков», но всё равно все будут говорить: Чесноков». Он подумал и говорит: «Да, есть сермяжная правда в этом...».

В. Янушевскому

ПОСЛАНИЕ ДРУГУ

Сколько равнин
мы с тобою прошли.

Сколько туманов!..

Сколько мы умного
в книгах нашли,

Сколько обманов?..

Плакали ветры,
и пела гроза,

Мрак озаряла.

Жизнь всё ласкала нас,
нежно грозя,

И проверяла.

Вот и полжизни,
считай,
пронеслось

Облаком дыма.

Что-то прорвалось,
отозвалось,

Что-то незримо.

Рвётся
с метелью российской –
в окно

Тополя ветка...

В модном романе,
новейшем кино –

Образы века.

Многим знакомым –
среди всех обид

Не доверяю.

С музыкой стран,
деревень

и раки

Время сверяю.

1980

Теньковка

ПОКИДАЯ РОДНЫЕ МЕСТА

Покидая родные места,
Я запомню перед разлукой
Длинный
 выгнутый
 остов моста
Над широкой речною излукой.
Две сосны на обрыве крутом
Над прохладой синеющей бездны.
– Что же будет с тобою потом? –
Прокричат мне гудки с переезда.
Задержусь.

 Постою у воды.
Жёлтый лист.
 Синий дым сигареты.
В ожидании ранней звезды
Дышит в копнах увядшее лето.
По-осеннему даль глубока.
Веет осенью –
 терпко и остро.
Лишь печали возвышенный остров
Намывает за лето река.

Осень 1981
Ульяновск

Из записок Составителя

Периодически я начинал пугать жену разговорами о том, что вот хорошо бы мне «пойти странствовать по Руси» или приобрести избушку в заброшенной деревне и там, отрешившись от всего, писать. Жена не возражала, зная, что это только подстегнёт меня, а про себя думала, что это я таким «мягким» способом хочу с ней развестись.

На самом деле я не лукавил: мне, правда, хотелось иногда уединиться и что-нибудь «выдать на гора». Но выдавать тогда ещё было нечего: талант мой невелик, а «душевного материала» я тогда ещё в достаточном количестве не наработал.

Вспоминаю, как в более поздние годы Толя Чесноков звал меня приехать пожить в Теньковку. «Я тебе целый дом выделю, сиди, пиши, никто тебя не потревожит».

Я и сам вынашивал идею таких вот летних литературных ассамблей. Когда на даче у меня появился гостевой домик, а потом и два, я всё думал: вот позвать каких-то пишущих друзей, пусть живут, работают. Толю звать не хотелось, я был уверен, что там, где поселится он, будет сплошная пьянка. Ну, а если он перестанет пить, тогда и писать перестанет – это мы уже за ним заметили.

ЛЕСНАЯ СТАНЦИЯ

Вдалеке поёт кукушка.
Тишина плывёт сквозная.
Как нарядная игрушка,
Эта станция лесная.

Долго-долго будет сниться
Через годы за плечами,
Через посвисты синицы
Свет улыбки,
свет печали.

Май,
и станция лесная,
Смех загадочной кукушки...

Расстаюсь с тобой,
 родная,
На глухой лесной опушке.
Средь глухой тоски разлуки,
В омуте сердечной смуты,
Поезда заслышав звуки,
Ты заламываешь руки...

Остановка –
 две минуты.
И стоишь ты,
 третья,
 с краю,
В незабудках –
 платье,
 пояс...

У тебя меня украл он
На заре вечерней –
 поезд.
 Весна 1981
 Рязань–Ряжск–Ухалово

Ночная природа трепещет,
И ливень отчаянно хлещет,
Смывая прохожих следы,
И нет ни единой звезды.

Назавтра объявлены вьюги,
И горестный ветер разлуки,
И чудо случайное –
 снег!

Ты плачешь о чём,
 человек?
Зачем на пустынном причале

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Стоять будешь,
 полон печали,
На северной дальней реке
С колючей снежинкой в руке?

**Василий Коробков, член Союза
писателей России, поэт:**

– С Анатолием мы знакомы очень давно. Когда-то соревновались, кто больше за час сена скосит в Теньковке. Если ходили за грибами, – кто больше грибов наберёт. Если начинаем рифму придумывать – кто больше к одному слову подберёт рифм. Так вот проходили наши дни.

Тогда от бюро пропаганды литературы мы ездили по всей области, в сёлах организовывали свои выступления, читали свои стихи. А пока от деревни до деревни пешком идём (тогда попуток мало было), новые стихи придумываем, новые рифмы.

Книгу писал –
 на бегу,
всю –
 о России.
Лягу в траву
 на лугу.
Руки –
 раскину.
В травах
 на летнем лугу,
солнцем заросших,
я никогда –
 не солгу –
вспомню
 о прошлом.
Над облаками волос

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

летнего неба –
музыка белых берёз,
солнца и хлеба.

Р.Л.

На прозрачном тонком льду
Я увижу,
 вдруг увижу
Снега белую звезду,
На строку её нанижу.

Веет холодом с реки,
Облака сияют свежестью,
И сквозят березняки
Самой тихой
 кроткой нежностью.

Мы с тобою в январе
Повстречались, повстречались
В белой роще, на горе,
С одиночеством расстались.

Как прекрасна наша жизнь!
Воздуха вдыхаем сладость.
За мою судьбу держись,
Моя радость,
 моя радость.

1981

Теньковка

НИИ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.М. КАРАМЗИНА

Из дневника Составителя

Владимир Буковский: «Отсутствие у советских людей энтузиазма – это не просто разочарование, апатия или смирение. Это

биологическое истощение, усталость человеческого материала».

«Хроника», № 21, 1989

Ноябрь 1991 г. Выписал из интервью Бориса Панкина, бывшего редактора «Комсомолки» и в какое-то время министра иностранных дел: «Время такое, что нужно наращивать толщину кожи».

Елена Кувшинникова, член Союза писателей России, поэт:

– С Анатолием Чесноковым я познакомилась в начале 90-х годов. Общались, в основном, на заседании Клуба поэтов, который я вела десять лет в Центральной городской библиотеке. Об очередном заседании он узнавал сам, предупредить его было невозможно – звонить ему было некуда: он жил то тут, то там... На воле... То в редакциях ночевал, то у сердобольных терпеливых друзей.

Моё открытие этого человека состоялось именно тогда. Я всегда радуюсь, когда происходит такая встреча... Когда с человеком разговариваешь на одном языке. Мне кажется, что тогда я сердцем почувствовала: это настоящее. И это стало особенно ясно после его ухода.

Мне кажется, что в его сердце не было зла по отношению к другим людям. Я лично никогда не слышала, чтоб он сказал плохо о ком-то. И жил он, внутренне растворившись в поэзии. Цитаты из стихов любимых поэтов всегда были у него на устах. Всегда удивляла его энциклопедическая начитанность в области литературы и поэзии. Он на слух легко ловил строчку и сразу говорил, кто автор.

Так бывало у нас на заседании Клуба поэтов. Он мог, как будто бы не слушая, дремать на «последней парте», и, если кто-то неправильно произносил имя поэта (например, Георгий Иванов), он тут же вскидывался и говорил: Ива́нов.

Я очень доверяла его оценкам стихов других авторов. В Клубе поэтов у нас была традиция – стихи по кругу.

Я всегда старалась всех выслушать, всех понять. И по возможности избегать резких оценок, даже если что-то и не так.

Но однажды один молодой человек взял слово и читал-читал-читал свои стихи. Прервать его не было никакой возможности. Стихи были очень плохие. Я терпела, но не знала, как это всё завершить, чтоб перейти к другому автору...

И вдруг сонный Толя, который почти спал за последним столом, поднимает свою кудлатую голову и громко, чётко, учительским голосом говорит: «Садись, два!»

У меня чуть не вырвалось: «Толя, я тебя люблю!»

ПЕСНЯ ПИРАТОВ

Домой возврата нет...

Томас Вулф

Бушует океан,
Как пьяный боцман в трюме...
Туман...Сплошной туман,
Холодный
и угрюмый.

Пьяны мы без вина
На пьяной каравелле –
Безумствует волна
Которую неделю:

«Мы пропадём во мгле,
Нас океан оглушит.
Эй, люди на земле,
Спасите наши души.

Домой возврата нет.
И нам туда –
не надо!

Зажгите,
люди,
свет,
Все свечи,
все лампы.

Мы белый свет прошли –
Так нож проходит тело, –
Отбросы всей земли,
А вам –
какое дело?!..

Притоны,
кабаки,
Оковы
и галеры...

На тронах –
дураки!
Безумствует холера.

Всё пропадёт во мгле.
Проглотят хляби сушу.
Эй, люди на земле,
Спасайте ваши души!»

*«Ивушка зелёная,
над рекой склонённая...»*

Из песни

Над рекою ивушка,
За рекою – таволга.
Нас друг к другу иволги
Привязали надолго ль?

На тебя я вечером
Засмотрюсь украдкою –

Боль моя сердечная,
Радость моя краткая.

А леса заречные
Веют ароматами
Этим летним вечером
Земляники с мятою.

Ночь чернее ворона,
Вспыхнет за деревьями.
Мы разделим поровну
Счастье за деревнею.

Над рекою ивушка,
За рекою – таволга.
Нас друг к другу иволги
Привязали надолго.

Чесноков

«– Вставай, хватит лежать! Время – без пятнадцати.

Голос у Анатолия грубовато-басистый, громкий. Когда разговариваешь с ним на улице, прохожие оглядываются. Он высок ростом, достаточно широкоплеч. Нос крупный, широко раскрытые, выразительные глаза, подбородок тяжеловатый. Большие уши закрывает барашковая шапка густых, давно не стриженных волос. В одежде небрежен, но не расстаетсЯ с галстуком, как японский служащий.

– Ты поедешь или не поедешь?! Билет ещё надо купить.

– Иди покупай, – говорю я, продолжая лежать на диване.

– Денег нет.

– Тебе и билет купить надо? – Не могу я удержаться от усмешки.

– Отдам, – обещает он. – Ягоды продам и отдам.

Поверить в это трудно. Сколько раз занимал и всё отдаёт. А зовёт он меня в свою родную деревню, в лес по ягоды.

– Всё равно все выходные в постели проваляешься, – продолжает убеждать Анатолий. А там... природа: речка, родники, пруд есть. На пасеке заночуем.

– Иди, покупай билеты, – сдаюсь я и начинаю собираться в дорогу.

Село Теньковка широко разместилось по пологим склонам преогромного овражища. Дома в основном добротные, деревянные. Есть сады. Центр села окультурен кирпичными постройками: клуб, сельский совет, магазин. Налево, на окраине, со стороны Языкова, станция сельхозтехники, бензозаправка. Мы сворачиваем направо, долго идём по широкой немощёной улице. Поленицы дров у дощатых заборов то тут, то там выглядывают со дворов и огородов порыжелые копны сена.

– С запасом живут мужики, – одобряет Анатолий. – А вот там, на горе, – показывает он в противоположную сторону, – кладбище. Мать моя там похоронена.

Прямо по переулку мутный ручеёк, в стороне – покосившаяся колонка водопровода. Приземистый, будто присевший от времени на четвереньки, но вместительный и ещё достаточно крепкий деревянный дом с огородом, заросшим густым смородинником. Справа и сбоку что-то типа парадного крылечка. Слева – ворота и калитка. По фасаду, обшивая завалинку тёсом, возятся с инструментом крупный седой старик и мужчина помоложе, лет сорока пяти, чернявый и быстрый в движениях, слегка под хмельком. Завидев нас, они оставили работу, смотрят на гостей с выжиданием и некоторым любопытством.

– Пришли, – докладывает Анатолий. – Отец, брат Николай. А это друг мой, Александр, – представляет он меня родственникам.

Заметно, что приезд наш их не очень-то обрадовал.

– Да-ачник явился, – не смог удержаться от колкости Николай. – Опять по грибы, али как?

– По ягоды, – буркнул в ответ Анатолий.

Поздоровались.

– А я думал, по ремонту помочь, – не уставал язвить брат. – Завалинка совсем сгнила. Да и дровишек отцу наколоть надо. Я вон привёз, распилил. Или некогда?! Всё стишки кропаешь. Понятно. Нормальные люди работают – он куплеты сочиняет.

Отец больше молчал, но по виду чувствовалось, что и он согласен с выводами старшего сына.

– Помыться бы дали с дороги, – обиделся Анатолий.

– Ты хоть бутылку привези разок вместо подарка. В городе живёшь, – не унимался Николай.

Поздно ночью, когда все уже улеглись спать, я нечаянно подслушал, как отец воспитывал Анатолия, научал уму-разуму.

– Хватит дорогу деньгами мостить. К месту прибываться надо. А то ни здесь, ни там, – с хрипотцой прорывался в сени его сипловатый голос. – И я ослаб. Не под силу стало одному.

– Возьми какую-нибудь старуху, веселее и сподручней будет, – советовал Анатолий.

– Чать не рехнулся. Ещё чужую старуху кормить. Нужна она мне.

Но это перед нашим отъездом обратно в город.

В тот день мы долго в родительском доме не задержались. Прихватили несколько картофелин, хлеба, соли, луку и потопали в сторону Малиновского на пасеку. Километров семь будет, может больше. Спасибо, на попутной машине подкинули. Анатолий родные места знал хорошо. Рассказывал по дороге, где какая ягода родится, где грибы водятся, где рыба ловится, какая дичь на лесном пруду гнездится. До пасеки добрались затемно, переночевали в сарае, а утром – по ягоды.

Против ожидания, клубники оказалось мало. То ли не уродилась в этом году, то ли кто опередил и до нас все ягодные места прочесал – не знаю. Анатолий всё-таки ведро набрал. Я больше в рот собирал. Мне такие вылазки на природу в диковину. В автобусе по пути в Ульяновск он не уставал хвастаться:

– Я летом в лесу целый месяц без пищи могу прожить. Все травы лекарственные знаю, все съедобные грибы-ягоды. И огольцов в Урене хоть отбавляй. Уметь ловить надо. А в пруду караси – во, – показывал он на руке чуть не до локтя.

Любит Анатолий Чесноков свою Теньковку. У остановки «Автозавод» он из автобуса вышел.

– Продать надо клубнику-то, деньги нужны, обанкротился совсем, – как бы извиняясь, объяснил Анатолий причину своей базарной лихорадки.

Часа через три в дверь моей квартиры позвонили. Открываю – Чесноков. Ведро пустое. На дне буханка чёрного хлеба и бутылка коньяку.

– Продал что ли? – спрашиваю, пропуская его на кухню.

– А, – отрешённо машет он рукой. – Какой из меня торговец? Стоял, стоял – не берут. И мелковата ягода, и дорого. А того не понимают, что клубника луговая, настоящая. Это тебе не виктория с огородной грядки. Один запах чего стоит.

– Ну и?

– Попался один понимающий. Загнал за три тысячи всё ведро, купил вот, – показывает хлеб и бутылку.

– Так ведь продешевил же! – ругаюсь я. – На что жить-то будешь?

– Как-нибудь. Нет денег и это не деньги. Пока стоял, стихи написал.

Калинник, малинник,
Терновник, шиповник... –

читает он мне новую поэтическую зарисовку. Не да-

лее, как завтра, будет добротное стихотворение. Я уверен в этом, знаю наверняка, но продолжаю воспитывать:

– Правильно твой отец говорит, на работу надо устраиваться, прибиваться к берегу.

– Не могу, – возражает Анатолий. – Муза не велит. Чтобы не потерять профессионализм, не отстать от ритма жизни, необходимо каждый день писать минимум по стихотворению. А на производстве уработаешься за день, не до поэзии. Да и где сейчас хорошую работу найдёшь?

– У тебя же высшее образование, – не сдаюсь я.

– Пустое, – снова машет он рукой. – Кому это надо?

Да, с культурой и искусством у нас туговато. Раньше профессиональная писательская элита в печать не пускала. Сами стояли в очереди. Сейчас вроде бы свобода – печатайся. Но если есть деньги. У Чеснокова их сроду не было. Где взять? А душа поёт. Вот и мотается Анатолий от города к селу, из села в город, как перекаати-поле, в надежде на удачу, на доброго, понимающего толк в поэзии спонсора. Доколе?»

*Александр Козлов.
«Ульяновская правда», 1.01.1994*

Александр Лайкову

И словно под сердце иголка,
когда за раскрытым окном
дохнёт осенняя Волга
своим прощальным теплом.

А музыка на причале,
сплетаясь с теплоходным гудком,
смешает людские печали
с весёлым своим языком.

1983
Ульяновск

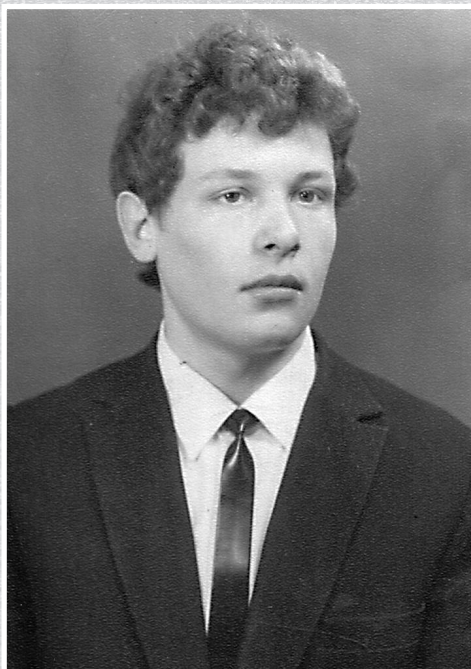

Семья Чесноковых

1968 год, с. Кирзять Сурского района. С учителями Кислинскими

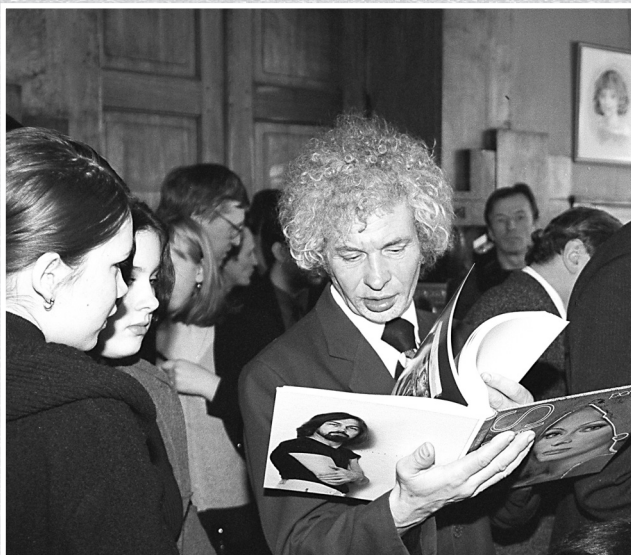
Студент истфила Ульяновского пединститута

Февраль 1973 года. Ульяновск.
Евгений Евтушенко во Дворце книги

Июль 1978 года.
Заполярье,
Североморск.
Матрос
Краснознамённого
Северного флота
Анатолий Чесноков

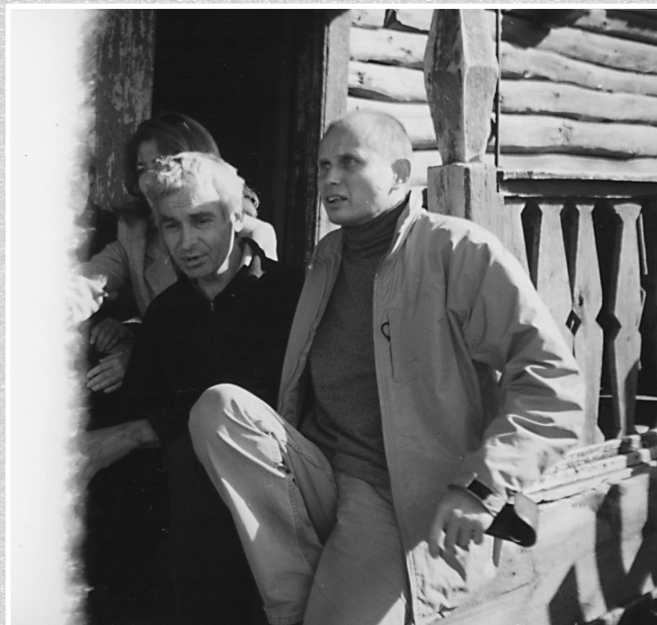
Февраль 2001 года

Октябрь 2003 года.
Поездка с друзьями к Толе в Теньковку

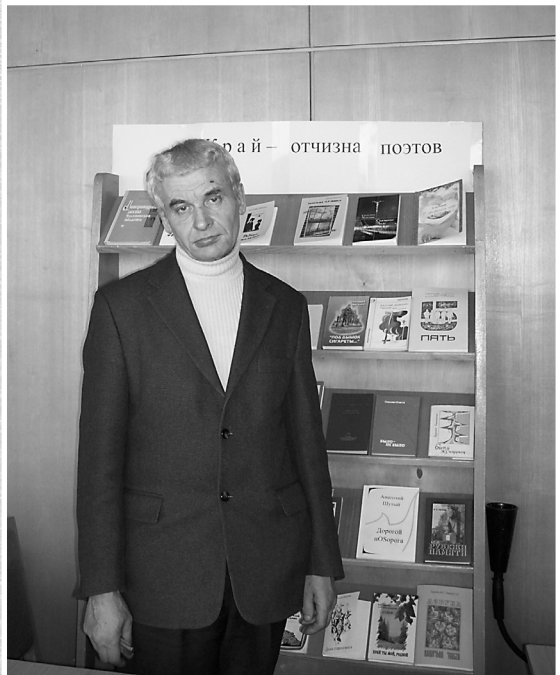
Родной дом Анатолия

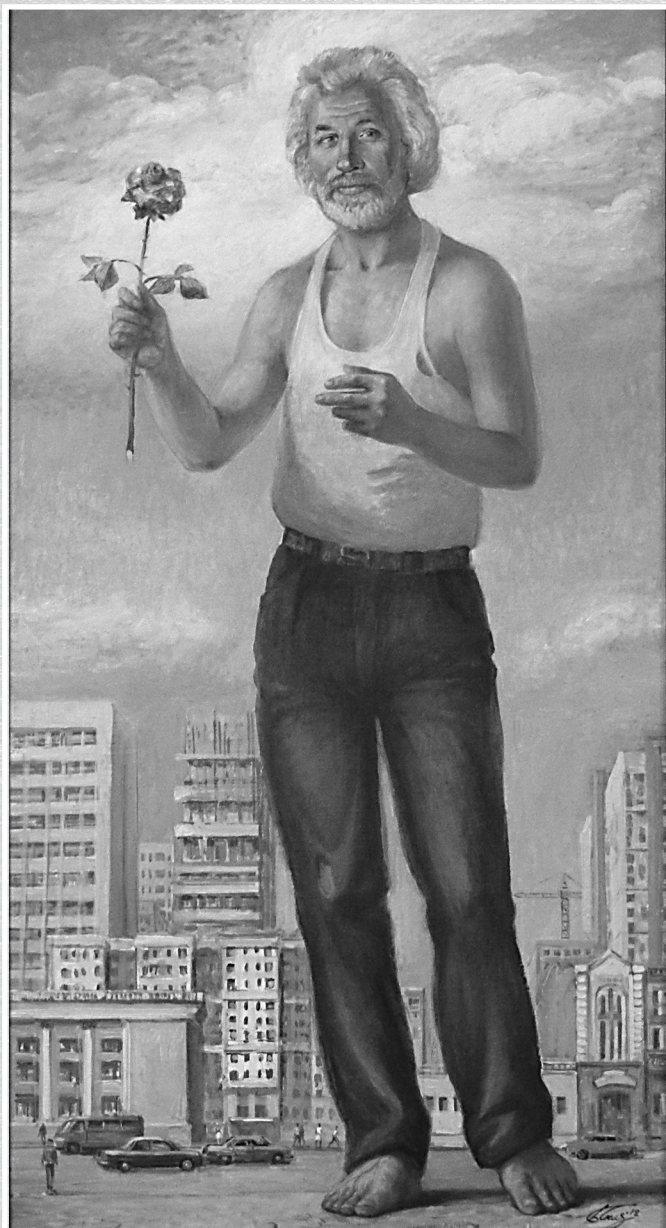
На крылечке

В теньковском лесу

В редакции
журнала
“Мономах”

Таким увидел Анатолия Чеснокова
Заслуженный художник России Борис Скляр

Там, за холмами...

Школа в Теньковке

С Владимиром
Селянкиным
в Карсуне,
“на задворках”
Дома культуры

Декабрь 2008 года

Анатоль Чесноков

Тверь

Татьяне Суховой

"Шушка зелёная,
Над рекой склонённая..."

Над рекою шушка. Из песни

За рекою - таволга.

Нам друг к другу шлола

Кратиница назло ли?

На тебя украдкою

Тоскую я вечерам.

Разговаривай ли краткий,

Счастье ли встретилков?

В траве, и не ведая,

Мелочу ли речеши?...

Сердце мое - струе

Не пытай вопроша.

Ночь, черны берёны,

Заверкает первыми...

Мы разделим поровну

Счастье над дубовыми.

А луна зарею

Ветер земляничною.

Болье чинишь сердечная.

Стак, любовь, великою.

За рекою шушка

Уточила в таволге.

Нам друг к другу шлола

Кратиница назло.

19-21.07.99

Пеньковка - Карсун

Анатоль Чесноков

Рукопись А. Чеснокова на обороте
оттиска газеты "Карсунский вестник"

АНАТОЛИЙ ЧЕСОКОВ

**АВТОРСКАЯ ПРАВКА ПОЭМЫ
«ПОД СОСНАМИ АКШУАТА»**

Анатолий Чесок

По поэме Акшуата
Поэма — версия

Посвящается Борису Филиппу
Нашумову

В селе Акшута, бывшего Карсукского уезда Сибирской губернии, в родовом поместье потомственных дворян Поливановых, бывал гениальный русский поэт М.Ю. Лермонтов. С юными из Поливановых, прекрасным живописцем, юный Михаил Лермонтов учился в Юсуповской школе в Петербурге.

Автор поэмы излагает версию о возможности посещения Лермонтовым вместе с Поливановым Акшута.

Юные годы бабушки М.Ю. Лермонтова, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, так же связаны с Сибирским краем.

В своей поэме «Самка» М.Ю. Лермонтов повествует о Сибирских и сибиряках. В Акшуте, ныне Барышского района Ульяновской области, до наших дней сохранились уникальный дендропарк дедовской и растительный сад (лиственница, Азия, Австралия) и единственный в России фонтан «Самка» Лермонтова, ведущий из родника.

В настоящее время исследованы и описаны многие уникальные природные заповедники — в запущенном Ушинского амфиитее, в лесном которых находится этот удивительный дендропарк природы, гуки и горы до него не долетят. Именно случаи варварско-хищнического погрома склепного обогащения, безжалостных порубок реликтовых сосен, выданных авантюризмом герцога России поэта Михаила Лермонтова, так и замышляемых «предпринимателями» и «бизнесменами».

Итак, друзья, если вы не верите, бездумно уничтожая и вырубая — для таких дендропарков — амфиитее, связанное с именем России, безжалостно обогатившим себя вырубавшим в себе и в стране, вырубавшим и уничтожившим Россию. Надо и сейчас бороться с такими вырубавшими и уничтожившими своим, вырубавшим, легко обманывавшим, вырубавшим, вырубавшим авантюризмом и хищничеством. Черной злобой своей кружится она же и над большой и прекрасной (в которой рая!) Россией.

«Вспомните об Акшуте и о ее истории»
1800г. 1810г. 1820г.
Посвящается Борису Филиппу
Нашумову

Эта поэма была...
впервые опубликована...
в журнале «Земляк»...

*Но, дорогие люди
Кто-то полагает здесь
Сосны рубить порабы
Сосны рубить порабы
Ведь сосна была бы родом,
Сосна, сосна и сосна сосна и сосна,
Кто-то бы погубил сосну,
Будь выли бы и сосна — не сосна!
Но всё и сосна бы, сосна бы рубили,
Сосны рубили бы — не сосны!*

И даже —
при нашем захвате —
на вечерней заре,
в Акшуте —
«О как мне хочется сохнуть всеюстью их
И бросить им в глаза желтый стик,
в Обветшал горельцо и злобу...»
М. Лермонтов

*Всем людям —
Землякам,
Кто-то...*

Здесь —
на сосны под Акшутым —
Идем в лесоруб!
Всем Акшутам — аксолитрам,
Безземельным денегартам,
Продающим Россию,
как мать,
Даже сосны под Акшутым —
Или на Россию —

«Как было в конце 1800 г.»

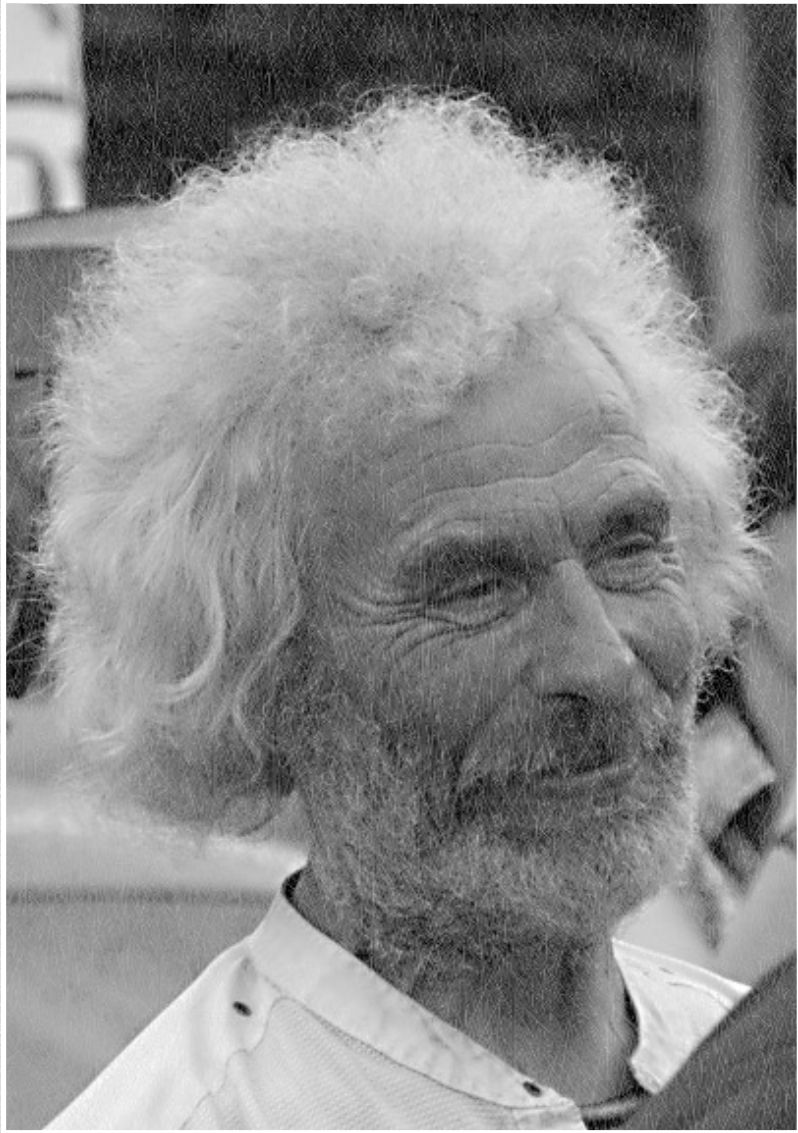
Авторская правка поэмы
«Под соснами Акшута»

С ученицами Теньковской школы
у "именного" стенда

В мае 2009 года на площади Ленина

Один из последних снимков

Теньковская церковь, где отпевали Анатолия

Рядом с могилой матери

Сёстры Чесноковы и Татьяна Эйхман
на вечере памяти поэта

Участники Чесноковских чтений.
Карсун, 23 октября 2015 года

Остались стихи...

Евг. Тихому

ЗАВОДСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Заводские деревья
За моей проходной
Скоро сердце согреют
Молодою листвою.
Вновь рабочему люду
В светлый час новизны
Вы подарите чудо –
Яркий праздник весны.
И зелёные ветви,
Майский,
 праздничный цвет,
Словно добрые вести,
Словно дружбы привет.
На заводе деревья,
Где станки и металл...
Не от них ли добрее
Каждый чуточку стал?

Заводские аллеи,
Встречи добрых друзей
Средь берёзок
 и елей,
Клёнов,
 лип,
 тополей.

В сентябре
И в июле,
В листопаде,
В снегу,
Позабыть вас
 смогу ли?..
Никогда –
 не смогу.

1983

Ульяновск, УАЗ

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Ещё и леса,
и овраги
От снежных сугробов –
тесны.
Напишем пока на бумаге
О флагах зелёных –
весны.
Пусть нет о ней –
даже полстрочки,

Но вот –
через несколько дней –
Весна,
как зелёная почка,
Распустится в речи твоей.
К нам в гости
весёлой соседкой
Приедет с околиц села
Черёмухи белая ветка
С той песней,
что пела пчела.

1984
Ульяновск

**Евгений Мельников, литератор,
член Союза писателей России
(из рецензии на первую книгу
Анатолия Чеснокова «В сердце России»):**

«Эту книгу я ждал давно. Впрочем, не я один. Хотелось убедиться, что создававшийся в течение многих лет милый провинциальный миф вокруг поэта Анатолия Чеснокова соответствует действительности. Ведь одно дело – разбросанные по газетам, не всегда удачные стихи, озвученные микрофоном и сильным голосом на всяких меро-

приятных, и другое – книга, прочитанная в тишине беспристрастными глазами...

Прочитал и успокоился: да, соответствует. Общее впечатление: это действительно поэт, а не производитель стихов, пускай и хороших, как часто бывает. Он чувствует это таинственное поэтическое «вещество».

(...) Эстетического удовольствия чтение его стихов лично мне особо не доставляет: много неряшливости, беглости, банальности, которые, как шелуха на ветру, засоряют глаза... Да поэт и сам признаётся: книгу писал – на бегу, всю – о России. Где уж тут остановиться, сосредоточиться, обкатать каждое слово, как леденец во рту.

К сожалению, этих «трали-вали», этих местных патристических слюней, уже набивших оскомину, многовато в сборнике. Но странное дело: эта шелуха порой работает на внутреннюю мелодию стихотворения, её заглатываешь вместе с главной «наживкой». Подчёркиваю: на мелодию, на интонацию, а не на музыку.

Настоящей музыки у А. Чеснокова пока нет, ибо за ней стоит Бог, духовное начало, тайна и глубина, а не душевные звуки, пластические размеры, нотный ряд и т.д. Но Анатолий Чесноков умеет настраивать свои слова, свою мелодию на сердечную волну читателей, а иногда просто завораживает тонкой струной, обезоруживает своей неподдельной искренностью, какой-то детской чистотой и непосредственностью. Скажу больше: иногда в его стихотворении светятся отблески пушкинской гармоничности, цельности.

(...) Таких текстов у А. Чеснокова достаточно, чтобы составить отличную поэтическую книжку на всероссийском уровне. Но, к сожалению, этого не произошло: слишком велик разрыв между прелестными стихотворениями и откровенно слабыми, которых тоже достаточно.

Этот сборник лишний раз доказывает, как трудно поэту самому составлять свою первую книгу, без внутренне-

го и внешнего редактора. Но и винить автора тоже вроде грешно: как долго он ждал выхода этой книги и поэтому не удержался от искушения втиснуть в неё каждую строку. И, разумеется, просчитался. А жаль! Не учат его чужие ошибки.

(...) Признаюсь: я по-белому завидую десятку прекрасных стихотворений, утонувших в массе обыденных. А сержусь потому, что у нас, на милой Родине, можно легко не заметить вовремя талант, не дать ему расцвести в свой срок, а то и погубить его самому. Но, слава Богу, А. Чесноков, кажется, начинает выбираться из волчьей ямы невезения на свою родную тропинку... Я многого жду от этого поэта, верю в его звезду и поэтому так придирчив (...)

*Газета «Симбирский курьер»,
27.08.1994*

В день рождения Есенина
Я уйду в октябрьский лес.
Листьев золото осеннее.
Паутин прощальный блеск.

Мне напомнят о Есенине
В тишине лесных равнин
Алое калин горение,
Угли красные рябин.

В день рождения Есенина
Засмотрюсь в родную даль.
И прихлынет настроение –
Радость, светлая печаль.

Запоёт душа, как горлица,
И зальётся соловьём
Средь берёзок, словно в горнице,
Унесётся окоём.

И подарок от Есенина
Вновь и мне октябрь принёс:
Листьев золото осеннее
В белой горнице берёз.

Приснилось мне,
что умерла природа
апрельской ночью
в беспокойном сне,
и взрыв
со страшной силой водорода
раздался в мирной,
сонной тишине.
Так думал я,
в ночи объятый страхом,
запомнил это чётко –
не солгу:
неужто всё,
что было,
стало прахом
и кануло в космическую мглу?
Тревожно занавеску отдирая,
увидел я,
как с хрустом на реке
теснились льдины
вспугнутой стаей
И с грохотом ломались
вдалеке.
Я вышел в ночь.
Легонько с крыш сараев
сочились капли в ноздреватый снег.
Весна,
как прачка,
старый хлам стирая,
расплёскивала синеву из рек.

НИИ

Истории и культуры

Истории и культуры
И.И. Карамзина

Затрепетали,
сонные,
под ветром
деревья...
Солнца луч возник...
И проступал
на сотни километров
природы
светлый
и бессмертный лик.

Людмила Дягилева, журналист:

– Кто знает, как сложилась бы судьба первого сборника Чеснокова, если бы не Светлана Матлина. Стихи, написанные то в редакционном кабинете, то просто на лавочке на улице, или в родном доме в Теньковке, Анатолий носил – попеременно с книгами и чистой бумагой – в одном пакете, который в шутку называл торбой.

Однажды пакет украли мальчишки и, поняв, что содержат ценное «торбы» имеет ценность, стали вымогать за неё... бутылку водки. Как вспоминает Светлана Ивановна, пришлось отдать не одну бутылку.

Разобрав «спасённые» стихи, Матлина показала их директору завода «Автозапчасть», поэту Геннадию Матвееву и убедила его помочь с деньгами на издание стихов Анатолия Чеснокова.

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Когда в Карсуне вышла его первая книжка («В сердце России» называется), он притащил в «Град Симбирск» огромный пакет этих сборников. Ходил по городу и всем хорошим людям (каких он считал хорошими) эти книги раздавал.

А я на страницах газеты вёл целую кучу разных конкурсов (чёрт знает, что напридумывали). И я говорю: «Толь, твоя задача сейчас какая? Чтобы побольше людей узнали

твоя стихи. Давай мне штук 20 твоих книг. Пиши на всех: «Читателю газеты «Град Симбирск» и я буду их вручать в качестве призов. – «Ну на. А то мне их таскать тяжело...».

НА МОТИВ Н. РЕРИХА

Русь. Снова утро,
И рубят сруб.
Светло и мудро
Затесан дуб.

В пути к победе
Крепка рука.
Свинцом и медью
Блестит река.

Пусть нет и пахоты, –
Не кован плуг,
Но есть пропахший весь
Ромашкой луг.

А если тихо –
Есть свежесть губ,
Зачёсан лихо
Славянский чуб.

Цветёт цикорий –
И синь огней.
Святой Егорий
Пасёт коней.

ИВОЛГИ

«Спой мне, иволга...»
Н. Заблоцкий

Молодые иволги
Здесь всё лето жили.
Золотыми иглами

Нас с тобой пришили.
К перелескам
и садам,
И тропинкам в травах,
К летним рощам
и стадам
Облаков курчавых.
В летний полдень
голубой
Улыбнись,
подруга.
Пришивают нас с тобой
Иволги
друг к другу.
Пусть бежит
печаль-беда
Вдаль от нас,
тоскует.
Пусть весёлая вода
По ручьям токует.
Мы пройдем
с тобой вдвоём
Рощей,
полям хлебным,
Где сияет водоём
Солнечного неба.
Золотые голоса
К зелени у рощи
Пришивают небеса
В голубых полотнищах.
Пришивают иволги
С песнею над лугом
Золотыми иглами
Нас с тобой –
друг к другу.

НИИ

истории и культуры

ени Н.М. Карамзина

**Николай Полотнянко,
член Союза писателей России:**

– Знаю поэта Анатолия Чеснокова более двадцати лет. Его творческая судьба – яркий пример бесребреннического отношения к литературе, в нём нет ни тени деляческой раздвоенности, что делает его фигуру на фоне нашей провинциальной культуры непонятной для многих благополучных людей. Меня очень привлекает в поэте Анатолии Чеснокове его беззаветная преданность поэзии, он ей живёт, и в этом нет ни тени преувеличения. К сожалению, таких людей становится всё меньше.

1995

Евгений Мельников, поэт, прозаик:

– Стихи ульяновского поэта Анатолия Чеснокова удивительно музыкальны и воздушны. В них нет навязчивой содержательной тяжести и громоздкой живописности. Они берут в свой плен сразу и долго не отпускают, как лесной чистый воздух. Они патриотичны в самом высоком и благородном смысле этого понятия, ибо питаются глубоким чувством и настроением, рождены адекватным внутренним состоянием души.

1995

Галине Жихаревой

ЭТА ПЕСНЯ – ТАКАЯ ПРОСТАЯ

На русском Севере

Калина красная...

А. Жигулин

Эта песня – такая простая,
Вот услышу – и спать не могу.
Эта песня – из нашего края,
Про калину на белом снегу.

Про калину, российскую долю,
В ней поёт, нет, рыдает метель.
Выйду вечером в чистое поле,
Бренной жизни забыв канитель.
Запою и заплачу с метелью, –
Так весной разольётся вода,
И закружатся каруселью –
Время, мысли: в России – беда.
Ярко светится, не сгорая,
Кровь калины на белом снегу...
Эта песня – такая простая,
Эта песня – из нашего края,
Вот услышу – и спать не могу.

* * *

Продутые леса.
Размытые дороги.
Здесь вера в чудеса
И вечные тревоги.
Посмотришь на закат
И на багрец осины...

Я –
 нищ,
 я –
 так богат,
Как странник Палестины.
И в дыме –
 небеса,
И в золоте –
 опушки.
Прощальная краса, –
Счастливо молвил Пушкин.
О сердце,
 не спеши!

НИИ

Истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Споткнёшься снова оземь
В родной лесной глуши,
В полях,
 где бархат озими.

Осенняя душа,
Ты птица на болоте
Над гривой камыша
В старинной позолоте.

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Однажды в газете «Град Симбирск», где я был редактором, Толя появился с настоящим «картофельным» мешком на плече. Оказалось, что там была горбушка хлеба, полтора-два десятка его книг и большая пачка рукописей.

В тот период, в середине 90-х годов, может быть, ему надоела эта бесприютность, захотелось что-то изменить. Он попросил: «Мне бы устроиться на работу, мне бы жильё...». Он устроился к одной бабушке на квартиру, а мы его приняли в штат редакции ночным сторожем. Продолжалось это около двух лет, он в то время совсем «завязал» со спиртным...

Но когда мы начинали собирать очередную литературную страницу, и я ему говорил: «Толя, давай стихи», он разводил руками: «Нет ничего». За два года он тогда не написал ни одной новой строчки.

А потом он сорвался, снова стал пить, бросил работу в редакции, начал бродяжничать и... снова стал писать стихи.

Лето.

Вечер над Окой.
Луг белеет от ромашки.
И Есенин молодой
В белой праздничной рубашке.

И поёт огонь в крови
В летний вечер за деревней
От языческой любви
К водам,

коням

и деревьям.

В чистом зеркале реки
Сердцем бьются осторожным
Окуни и судаки.

Вечер.

В росах подорожник.

Зорька в даях расцвела,
И гуляет по окрестности
И румяна,

и светла,

Как на выданье невеста.

Пой,

Есенин молодой,

Как тальянка

или гусли.

Вечер.

Месяц голубой

Бубенцом звенит над Русью.

Лето 1988

Рязань

День,

словно серенький зайка.

Осень.

Сентябрь-хмаросей.

Наша деревня,

как стайка

Неотлетевших гусей.
Стоит лишь мне
приглядеться:
Будто бы это
к беде –
Лист,
как багряное сердце,
В стынувшей бьётся воде.

1988

Теньковка

Из дневника Составителя
15 ноября 1996 г. Некий Роберт Эн-
тони написал занятные фразы:

*«Ваши желания исполнимы, и воплоще-
ние их – в ваших руках. Помните: вы – един-
ственный, кто удерживает вас на месте».*

*«Я сам сделал себя тем, чем являюсь в эту
самую минуту».*

*«Принимайте свои ошибки. Прощайте и
любите себя за эти ошибки».*

*«Все неприятности нашей жизни произош-
ли, потому что мы на них наприсились».*

Светлана Матлина,
член Союза писателей России:

«Лежу после инфаркта, с работы уволилась за несколько дней до болезни – кто же знал, что меня так пригрохает. В больницу не желаю, будь что будет. И вдруг в комнату заходит Чесноков: стремительный, полный энергии, злой: «Где стихи?». Машу рукой на незастеклённый балкон: там, в мешке. Половину мыши изгрызли, дождь обесцветил чернила. Но Толя старательно выбрал сохранившееся и унёс с собой. Главное для него было сохранить стихи – в

этом весь он, ведь только поэзии он служил, и только стихи его на земле держали. Не был завистлив, мелочен, радовался чужим поэтическим находкам и публикациям, как своим. Редкое качество.

И он влил в меня новую силу жить тем, что отослал большую подборку из отобранного в издательство «Современник», где они и вышли.

Я же сделала всё, чтобы вышла его первая книга, а затем и большая публикация в сборнике «Беседка муз».

«Так жили поэты...» совсем не по этой блоковской знаменитой строке, борясь за выживание и поддерживая друг друга.

Толя называл меня сестрой, повторял, что я ему родная, наверное, имея в виду по поэтическому духу. Дома у меня к нему привыкли, и он был действительно свой, даже мама моя его всегда привечала, старалась всегда накормить, одеть и жалела, поскольку тяжёлая жизнь оставила на нём свой неизгладимый след и продолжала корёжить. И всё-таки он умел оставаться светлым человеком, добрым, умным, а талант его, несмотря на передраги и запои, набирал высоту. Удивлял всех своей эрудицией и цепкой памятью, просто ничему этому не находилось достойного применения.

Никогда не пытался возвеличивать себя, хотя цену себе, как настоящий труженик, знал. Никогда не рвался за деньгой, за карьерой, хотя смог бы добиться, если б поставил такую цель. Но если взялся за святое ремесло, каким является поэзия, – запрет на измену, иначе она сама тебе изменит и останешься безголосым соловьём!»

«Карамзинский сад»,

№ 1-2, 2010

ГОНЦЫ ВЕСНЫ

*«Мы – молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд...»*

Ф.И. Тютчев

Видели склепы царей
И пирамиды Египта
И над пучиной морей
Вы пронеслись, как реликты.

Синь крокодильих озёр,
Блеск палестинских нагорий
Видел ваш пристальный взор, –
Всё отразилось во взоре.

Чудо сирийской весны,
Лотосов нильских цветенье...
Пламя афганской войны
Вам обожгло оперенье.

Даже просторы свои
Встретили визгом картечи...
Ласточки, соловьи,
Вы не утратили речи?

А над весенней рекой
Рощицы в сердце стучатся...
Над деревенской стрехой
Вы задохнётесь от счастья.

В зарослях камыша
И в придорожных лозинах
Певчая ваша душа
Вновь запоёт над равниной

Всей журавлиной тоской,
Удалю соловьиной,

НИИ

Истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Начиная работу в «Граде Симбирск», Толя решил восстановить в очередной раз потерянный паспорт. Восстановил, наконец, пришёл с новеньким паспортом и говорит мне: «Слушай, Николай, куда бы его деть? Я ведь его потеряю». Я говорю: «Ну давай мне». – «Правда? Давай, возьми, пожалуйста». – «Ты сейчас хорошо понимаешь, что мне его отдал? Не забудешь?» – «Да нет, конечно».

Проходит какое-то время, Толя решил начать новую жизнь, нашёл какую-то бабушку, которая сдавала комнату, а та говорит: «Давай покажи паспорт». Приходит он ко мне: «Слушай, Николай, бабка требует паспорт. Был ведь он у меня... А где...»

Я давай хохотать. А он: «Чего смеёшься?» Я вытаскиваю паспорт: «Этот что ли?» – «А-а! Откуда?».

* * *

Я не люблю болота:
 где-то в их
Тягучести
 и меркнушем свеченьи
Как-будто бы заметил отраженье
Огня страстей,
 который поутих.
Мне по душе весенняя вода,
Бегущая вперёд,
 а не по кругу –
Не зарастающая
 тростником и лугом,
Она не затихает никогда.
Бурлит,
 бежит,
 вращает жернова,

НИИ

Истории и культуры

Н.М. Карамзина

Натруженной струёй бьёт по турбинам,
И в этой диалектике глубинной
Стремления –

по-своему права.

Пусть мутною,
со щепками,
с землёй,

С былинками засохшими осота –
Люблю её,

как вызов всем болотам,
И чувствую движенье,
не застой.

1988

Молдова

Вл. Соколову

УРОКИ

Листва провинциальных лип
Поёт,
как в детстве.

И полулепет,
Полувсхлип
Волнует сердце.

А я –
мальчишкой на углу,

Принципиально,
Опять тоскую
и люблю

Провинциально.

Я через годы –
не забыл

Весны уроки:
И золотистый девясил,
Черёмух строки.

Полукрестьянский городок
Я помню вечно,
Птиц

Торопливый

Говорок

В кустах заречья.

Всех галок –

на траве,

листве

Весенней ранью,

Как будто кляксы –

на листке

С чистописаньем.

Я буду помнить тот вокзал,

Деревья,

зданья,

Где я любил

и тосковал,

И миг прощанья.

Как бесконечно дорога

Из тьмы забвенья,

Росой омытая строка

Стихотворенья.

1988

Кишинёв-Ульяновск

Людмила Дягилева, журналист:

– Вспоминается одна история. Чесноков был дружен с живущим в Центре для ветеранов поэтом Александром Полежаевым. Кто не знает, напомню, что Полежаев был инвалидом-колясочником. Однажды Анатолий вывез Сашу во двор интерната, а потом и за его пределы. Каким-то образом затащил коляску с Сашей в автобус и довёз до центра города. Встреча с ними повергла меня в шок. Саша и смеялся, и беспокоился, сумеет ли Чесноков «вернуть

его обратно». «Ты же сам говорил, что давно не был в городе, вот и побывал», – басил Анатолий.

СКЛОНЮСЬ НАД СТОЛОМ

Этот стол был когда-то стволом
Дуба,
ясеня,
кедра...
Корни рыскали –
в недрах.
Ветви –
все в голубом.
И шумела листва
На стремительных ветках
В дни минувшего века,
Как людская молва.

Я склонюсь над столом –
Тихо в полночь глухую –
Слышу песнь о былом,
Слышу душу живую.

1988

Кишинёв

Памяти матери

ОБЛАКА

Горизонта далёкая линия.
Синь июльская –
глубока.
И плывут из соседней Румынии
Трансильванские облака.
Я стою у Днестра
под Тирасполем,

И струится,
 как юность,
 река.
И проносятся –
 мысли разные,
Словно
 лёгкие
 облака.
Облака
 пролетят
 над Украиною
Через Днепр
 и певчий Дон,
А потом –
 через даль
 бескрайнюю –
К нам
 на Волгу,

 где отчий дом.
И раскинутся
 белой скатертью
В синих глубях –
 мои облака,
Как привет
 моей старой матери
Из далёкого далека.
Она выйдет
 на берег вечером.
Синь июльская –
 глубока...
И облепят её доверчиво,
Словно письма мои –
 облака.

1988

Приднестровье

Татьяна Эйхман, врач, поэт:

– Написать хорошие стихи нельзя, не узнав огромного количества того, что написано до тебя. Он читал серьёзную литературу, он знал и классику, и современных авторов. Он наизусть цитировал отрывки из Льва Толстого и Томаса Вулфа, кусками читал Есенина, Верлена, Элюара, Маяковского, Цветаеву.

Я глубоко уважаю его работу над стихом. Стихи его лёгкие, летящие, как воздух. Вот про Пластова искусствоведы говорят: «Он умел писать воздух». Мы на его картинах видим море, видим туман, высокие облака, осенние низкие облака, сухой воздух, жаркий воздух во время работы на току...

И вот Анатолий мог писать лёгкие, как ручеек стихи, или такие вот тягучие, раздумчивые, длинные. Но всегда слог очень лёгкий. Я у него многому учусь и буду учиться.

Олегу Максимова

Иорданской купелью
и чудскою волной,
Бухенвальдскою мглой
нас крестили с тобой.
От монгольских арканов
наши выи —
горят.
От ливонских мечей наши груди —
звенят.
От французских пожаров
Пол-Отчизны —
в огне.
От фашизма,

ГУЛАГов

все печали –
во мне.

И болят наши песни
полонной тоской,
Но вздымается голос
над рассветной Москвой.
И растёт всюду клич,
как под снегом –
трава:
– Нет,
ни шагу назад!
Ведь за нами –
Москва!
Это возглас Донского,
это мольв Калиты,
Это слово Клочкова,
это – я,
это – ты.

И цветёт в небесах
славных
ратных полей
Наш андреевский стяг
над Россией моей.
1988
Кишинёв

Светлана Матлина, поэт:

– У него, видимо, есть какие-то молдавские корни. У него же этот акцент гортанный – не случайно. Он изучал румынский язык, делал переводы – у него это легко, как на русском. У Толи в Молдавии есть какая-то дальняя родня. И вот он туда рванул – он же любил путешествовать.

И там Толя влюбился. Её звали Вера, Вера Папэреску... Было ей 18 или не было, она была хорошенькая, он мне показывал фотографию, жила в деревне. И вот он в неё безумно влюбился, женился...

Они-то думали: писатель, при деньгах... И вот он через год или через два передо мной является и говорит: «Света, пока я там все погребя у всех в деревне не выпил, я не уехал. Они уж меня выгоняли, когда поняли, что денег у меня нет и я только стихи пишу, которые никому не нужны...».

Он упорно ходил от дома к дому, со всеми разговаривал, расспрашивал. Там же тепло, хорошо... В общем, всю деревню выпил, тогда вернулся. Но он о Вере очень тосковал, он её любил.

Владимиру Цыбину

ГЕОГРАФИЯ ДУШИ

География души...

Опиши её,
попробуй.

По просёлкам,
по чащобам

Знойным воздухом –
дыши.

Табуны
степных
ветров

Я ловил –
за Оренбургом.

Улетали –
стаи слов

Холодом
дохнули
пурги.

И меня
унёс
на Дон

Ветер –
с азиатской речью.

Я оставил сельский дом,
Где маманя –
 у крылечка.
Где спокойна,
 как душа
В счастье
 кратком
 и недолгом,
Теплотой своей –
 дыша,
Расплеснулась
 в осень
 Волга.
Знал –
 и север,
 знал –
 и юг,
Украину знал
 и Мурманск,
Задышался –
 от разлук
В тундрах,
 безнадёжно
 хмурых.
Древний мне
 сиял Урал
Снегом первым –
 за Ашою.
Я Россию
 постигал,
К ней
 стремился –
 всей душою.

Поезд
 уносил
 за Мгу

НИИ

Истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Все сомнения –
осенние.

Видел

Заполярья

мглу

Я за станцией –
Оленьей.

Но рассвет,

как белый Псков,

Над моей

дорогой

длинной

Голосом

колоколов

Разговаривал –

былинно.

Не шумел

девятый

вал,

Но, внимая

птичьим крикам,

В ноябре

себя искал

В сонной Юрмале –

под Ригой.

Все

сломал

карандаши,

Облака

бумаги

вздыбил...

– География души, –

мне сказал

Владимир Цыбин.

– Пой свободно

и пиши,

И не бойся опоздания,
И открой
 страну души,
Имена ей дай,
 названия...
...Посреди
 моих дорог
Солнечной Молдовы –
 краски:
Искромётный танец –
 жок,
Сырба
 и молдовеняска.
Но родная сторона,
Наша
 русская
 держава
Мне звенела,
 как струна,
Обняла,
 к себе прижала.
Теплотою вековой,
Задушевым
 русским словом,
Нашей песней
 молодой
К Родине
 привязан снова.
...Был на Западной Двине,
На реке сибирской
 Лене...
Я летал
 по всей стране
В дни
 великих
 потрясений.

НИИ

и культуры
имени Н.М. Карамзина

И на Волхове,
Оке,
И в лесах
на Средней Волге, –
В самом дальнем
далеке
Я раздумывал
подолгу
О России,
о судьбе,
О путях её
суровых
И в заброшенной избе,
Во дворцах,
модерно-новых...
На Днестре
и на Днестре,
На Хопре
и на Чульме...
В ярком
лунном
серебре
Были мысли
молодыми.
И в столицах,
и в глуши,
И зимой,
весной
и летом
Повторял
слова поэта:
– География души...
Эти краткие слова
Вспоминал
на Южном Буге.
Повторяла синева

НИИ

Истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Мне их в Таллине,
в Калуге...

Вот сейчас –
разъедини

У меня,
как у кочевника,

Географию страны
С географией учебника.

...Геометрия глуши
И прямая речь
просторов.

Среди
разных
разговоров –

География души.
Так сплелись
в родной глуши

В поле чистом –
за Рязанью

География души
С географией
скитаний.

1988

Ульяновск-Москва-Кишинёв

Из дневника Составителя

7 октября 1998 года. Утром, часов в шесть, позвонила полужнакомая женщина из Нового города и сказала, что умер Анатолий Бармин. (Этих ночных или неуверенно ранних звонков мы с недавних пор с женой стали бояться). Толя несколько последних лет сильно болел – почки. Ездил раза три в неделю в областную больницу на диализ. Пытался собрать деньги на какие-то современные лекарства, которые (он верил) могли его вылечить. При этом иногда запивал, что в его положении

диализника иначе как самоубийством не назовёшь.

Остались у Бармина две девочки от второго и одна от первого брака. Успел он вступить в Союз писателей, выпустил несколько книжек с рассказами. Потом вдове Людмиле это поможет (при поддержке Ю.Ф. Горячева) выбить на «Авиастаре» нормальную квартиру.

Хоронить Толю помогало общество каких-то заграничных евангелистов, которые заняли в последнее время в Новом городе определённое влияние. Американский пастор года два до того окрестил Анатолия и Людмилу, всей семьёй они посещали собрания и пели в хоре. Этот самый пастор отпевал Толю.

Кроме родни и соседей, приехали на похороны ульяновские литераторы, журналисты. Председатель местного отделения Союза писателей Светлана Матлина формально, по должности, была самой старшей и конечно же ей надлежало открыть и провести гражданскую панихиду, но и она, и все остальные на кладбище как-то растерялись и кончилось тем, что церемонию прощания, как мог, организовал пьяненький Анатолий Чесноков. Странно как-то было: Чесноков, которого в расчёт никто не брал, в своём естестве, при свободе говорить где и что попало, стал поочерёдно давать слово то одному, то другому: «Ну, ты, Света, скажи... Ну, ты, Коля...» А потом он же и скомандовал: «Прощайтесь».

Ощущение неловкости осталось. Потом вспомнился эпизод из фильма «Холодное лето 53-го», где зек, доходяга по кличке Лузга, которого никто уже не брал в расчёт, вдруг оказался

фронтовиком-разведчиком с соответствующими навыками и со стальным стержнем внутри.

Наверное, всё дело в том, что я не знал Чеснокова в его лучшие годы. А всегда знал только такого – пьяного и бомжеватого...

Октябрь-ноябрь 2000 года будет датировать Толя своё пронзительное стихотворение «Памяти друзей-симбирских поэтов».

...Дней печальный мавзолей
Памяти сгущает тучи,
Хоронить своих друзей –
Выпадет такая участь.

Где вы, Пчёлкин и Козлов,
Вы, симбирские поэты?..
В наилучшем из миров
Теплотою вы согреты?
Что мне скажете, Бурдин
И поэт России – Благов?
Посреди каких равнин
Вы рассказываете сагу?

Посреди каких миров
Запевае вы снова:
Ты, Бармин, и ты, Козлов,
Ты, Людмила Бурлакова?
Посреди каких светил
Пролетаешь звёздным клином?
Расскажи, как ты любил,
Незабвенный Лёня Климов.

Где ты, Осипов Сергей?
Где ты, Михаил Небыков?
Я приеду в Сенгилей –
Расскажите о Великой.

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

О Великой той войне,
Бедах нашего народа.
Расскажите в тишине
Мне про огненные годы.

Где ты, Гена Зимняков?
Прочитай мне сочно, ярко
Про любимых земляков –
Лесорубов и доярок.

(...) Вы со мною – до конца:
У любви бывают сроки?
У симбирского Венца
Я читаю ваши строки.

2000

**Анатолий рассказывает
(диктофонная запись 8 декабря 2007 года
на кухне у Дёмочкиных):**

– Я всегда вспоминаю и плачу знаешь о ком? О Толе Бармине. Ведь хороший парень был какой, а? Это мой друг. И несостоявшийся великий русский писатель, в какой-то мере. Потенциал огромнейший. Из народной жизни. Потом он Тита Ливия читал, римскую историю. Я ему говорил: «Бармин, х...й не занимайся. На ... тебе эта римская история? У тебя же опыт».

Он любил Булгакова. Я говорил: «Не прыгнешь ты дальше своего Заволжья никуда. На хрен тебе эти Булгаковы и Титы Ливии?» Он говорит: «Я необразованный парень, я хочу эрудитом быть». Не нужна была ему эта римская история. Он бытописатель был этой нашей жизни. Правильно я сказал?

Больше него никто не писал. Он кое-что отразил, успел. А мог бы и более.

Я плакал над его могилой. Ты был? Я свечи зажигал.
...Но я всегда вспоминаю Геннадия Дёмочкина (где бы

я ни был). Ген, я тебе лести никогда не говорю. Я прямой человек: что у меня на уме, то и на языке.

Твой друг Саша Кирилин спросил: «Ты зачем доверил Гене читать свои стихи? Ты бы лучше прочитал». Да, Гена, ты плохо читал. Я бы в 100 раз лучше это сделал. Но я постеснялся. Вот, скажут, опять Чесноков. Я ушёл в тень. (*Смеётся*). Все ведь знают, кто такой Анатолий Чесноков. Кто-нибудь чего-нибудь бы сказал. Я бы ответил. И на твоём юбилее был бы бардак. А так всё было тихомирно. Ты ведь меня просил: веди себя тихо, аккуратно. Что я и сделал. По твоему указу. (*Смеётся*).

Я помню: Гена Дёмочкин в торжественном зале читает мои стихи. Неужели они тебе понравились? Я рад, что мои какие-то глупые стихи... Я и лучше могу написать. И многое написал. И многое потерял. Но вот эти стихи я посвятил тебе. И вторые, и третьи. «Ветер с востока». Ты это знаешь? Я их восстановлю. Это пяти- или шестилетней давности, я их тоже посвятил Дёмочкину. Фрагменты я цитировал вчера. Написано было ещё до этих взрывов в Нью-Йорке.

Нужно постигнуть Блока,
Сердцем его добывать.
Ветер дохнул с Востока.
Этого не бывать!
Ветер судьбы жестокой
Мчится за океан.
Дует на Ориноко,
Всё превращая в туман.

Написал это до взрывов торгового центра. То есть я предвидел кое-что.

Я не знаю... Пушкин предвидел на тысячи лет русской истории, что с нами будет. Лермонтов тоже. «О чём шумите вы, народные витии?» Почитай пристальней Пушкина.

«А вечно любить невозможно». Это кто писал? Мишель Лермонтов. Прав как всегда, подлец.

Я и говорю: русские классики, они уже нас предвидели. Ну, гении, чего ж тут сказать.

Вере Пасэреску

ВСТРЕЧА

Свежих листьев прохлада
Над головой.
Милая, ты ли не рада
Встрече со мной?

Снова в июньских Трушенах,
Где зеленеют холмы,
Солнцем пропахших
и сеном,
Милая, встретились мы.

Встретились мы в переулке
В солнечный летний разлив.
С веток срываются гулко
Яблоки – белый налив.

Лета зелёное дело.
Светит луч горячо.
Бабочка прилетела
С цветка
на твоё плечо.

Веронике Кожакару

ВРЕМЯ СБОРА ВИНОГРАДА

По утрам –
туман в низине.
От воды –
ползёт прохлада.

Светит гроздьями в корзине
Время сбора винограда.
И бежит, спешит дорога

К сёлам,
 среди холмов
 и пашен.
Кистью зрелого Ван-Гога
Виноградник изукрашен.
Каждый двор наполнен хрустом:
От давлен и
 от прессов
Бродит терпкий запах муста*,
Веет свежестью
 и лесом.
И спешат шмели
 и пчёлы
В нашей голубой ограде
С песней,
 звонкой и весёлой,
К сладкой плоти виноградин.
Скоро свадьба у Ленуцы,
У Иляны,
 Виорики...
Не печалься,
 к нам вернуться
Счастья радостные блики.
Не грусти,
 моя отрада,
На просёлочной дороге:
Время сбора винограда.
Время –
 подводить итоги.
Дни летят,
 моя отрада,
Разноцветной каруселью...
Время сбора винограда.
Дни работы.
 Дни веселья.

*Муст – виноградный сок.

Людмила Дягилева, журналист:

– Однажды на вечере памяти Анатолия Чеснокова в библиотеке № 12 пишущий на чувашском языке поэт Михаил Сердэ рассказал о том, что Чесноков помогал ему с переводом его стихов на русский язык. Михаил Андреевич давал стихи с подстрочником. Одно из прочитанных на встрече стихотворений Сердэ в переводе Чеснокова до сих пор вызывает у автора «спазмы в горле»: Анатолий не просто перевёл, но и внёс в его стихотворение такие пронзительные мысли, в которых угадывалось его отношение к своей матери.

Из Михаила Сердэ*

МАТЕРИ

Дом родительский так постарел,
Посетил я родные пределы,
Облетает со стен тусклый мел, –
И тоска в моём сердце запела.

Вот в углу сковородник, ухват –
Их знавала хозяйка Мария.
В дом звала, кто душою богат:
– Где вы, гости мои дорогие?!

А на зорьке, коров подоив,
Уходила в поля на работу.
Там до вечера среди нив,
А до ночи по дому заботы.

То стирала, то мыла полы,
Мыть полы нас учила осокой...
Столько нежности нам от любви,
Материнской любви высокой.

* Вольный перевод с чувашского А. Чеснокова.

Мне так хочется зарыдать
В твой передник, что счастьем был вышит.
Мама! – хочется снова позвать,
Но никто здесь меня не услышит.

Пустота в нашем доме и тлен.
Паутины плетутся прилежно.
Тусклый мел облетает со стен.
Он при матери был белоснежный.

**Светлана Матлина,
член Союза писателей России:**

«Личная жизнь не складывалась, декабристок, готовых разделить пополам непонятную им судьбу русского поэта, не находилось, а женился Толя только по любви, и ждал в ответ такого же чувства. Любовная лодка разбивалась о быт, как писал Маяковский, и Чесноков изливал душу в стихах. Никогда не забуду, как он приезжал прочесть их мне, и до того однажды увлёкся, декламируя, что придавил своим ботинком лапу моей собачонке. Жестикулируя и всё громче и громче читая наизусть, он не слышал жалобного воя собаки, а я не решалась убрать его ногу с бедной лапы... Кстати, тец он был превосходный.

Анатолий полюбил странствовать. Россия, Прибалтика, Молдавия. Жил в Молдавии несколько лет, преподавал в школе русский язык и литературу, попутно изучая молдавскую поэзию. Были новые литературные встречи, публикации в журналах. И снова возник в краю Симбирском, куда возвращался всякий раз с новыми стихами. Вообще, биография его вся выстроилась на географии путешествий. А во время службы в армии (был моряком) он активно участвовал в литературной жизни Мурманска.

Все мы, поэты Ульяновска и области, стали для него одной родной семьёй. Чесноков кочевал из дома в дом, из редакции в редакцию, иногда надоедая, ведь у каждого

свои заботы. Но когда долго не приходил, все спрашивали: «Куда подевался наш Толя? Почему не появляется?»
«Карамзинский сад», № 1-2, 2010

* * *

Александрю Миляху

Словно золотистая синичка,
Выпорхнуло пламя в темноту,
Полетело...

Догорает спичка,
Высветив на время
– суету.

И летит –
всего одну минуту,
Миг короткий,
словно чей-то крик...

По всему поэтому кому-то
Ни о чём не скажет этот миг.

Я смотрю,
как пламя убывает, –

Позабыв текущие дела, –
Как его нещадно убивают

Сумрак,
темень
и ночная мгла.

Забываю вредные привычки,

Отвергаю
ложь

и суету...

Вот и всё.
И догорела спичка.

Улетело пламя в темноту.

1989

Кишинёв

Моим друзьям посвящаю

ГОРОД ТЫСЯЧИ НАДЕЖД

В этот город
тысячи надежд,
В этот город
тысячи тревог,
Где деревья
ждут весенних одежд,
Все с причёсками ветров –
у дорог.
Я принёс ещё
тревогу свою,
Я принёс ещё
надежду одну,
Чтоб разлить для вас
печали струю,
Чтобы тронуть –
веселья струну.
В этом городе
рисует мороз
Голубые узоры зимы.
В этот город я влюбился
всерьёз –
Здесь когда-то
были счастливы мы.
Уезжал я
далеко-далеко,
Залетал
повыше облаков.
Пил закатов
золотое молоко,
Слушал песни
охрипших ветров.
Нежно пела
молдаванская лоза,

НИИ

Истории и культуры

М. Карамзина

Дико выла
заполярная пурга.
И грустили по России –
стога,
Беспричинная катилась слеза.
Мне карельская
шумела тайга,
И днестровская
смеялась волна,
И синели мне
уральские снега –
Я тобою жил,
огромная страна.
В этот город
тысячи надежд,
В этот город
продутых домов,
Где так много
различных невежд,
Где так много
недозревших умов,
Я приехал,
я пришёл,
прилетел.
Оказалось,
здесь я прочно забыт.
Оказался здесь я просто –
не у дел,
Будто умер я
и где-то зарыт.
Может быть,
ещё сказать не сумел
Всё,
над чем задумался я.

Пролетел,
просмотрел,
не успел...

Вы меня поймите,
друзья.

В этом городе
тысячи тревог

Мне сегодня не уснуть –
не до сна.

В этом городе
не столь я одинок –

В этот город
приходит весна.

Весна 1989

Ульяновск

Елена Кувшинникова, поэт:

– Стихи Чеснокова – это чистая нота любви к Родине. То, о чём, может быть, много говорят, призывая к патриотизму. А в нём это жило настолько естественно... Мало кто может писать о родине, о любви к ней с такой естественной интонацией и с такой настоящей любовью, которые передаются вот как народная песня – из уст в уста.

Поддаёшься обаянию этих строк, иногда кажется очень простых строк, безыскусных. Но они-то и доходят до сердца и остаются в сердце.

Николай Марянин, поэт, краевед:

– В его стихах – сама Россия. И что поразительно. Если у Есенина в стихах часто прорывается образ жизни, какой он иногда вёл (разгульный, кабацкий), то у Чеснокова в стихах этого мы не найдём. Вроде бы вёл такую же («есенинскую») жизнь, а писал о нежном, о природе, об окружающем мире на таких щемящих нотках, что люди, читая это, плачут.

РАННИЙ СНЕГ

Это пух или снег на равнинах
Неожиданно ранней зимы?..
Ближе к вечеру,
 знаю,
 седины
Заштрихуют родные холмы.
Это мать моя собиралась
Молодой,
 беззаботною стать.
Всё же,
 бедная,
 как ни старалась, –
Пробивается памяти прядь.
Прядь волос из-под полущалка
Серебрится –
 и память жива!
Слышишь,
 мама,
 ни капли не жалко,
Что седы у зимы кружева.
Над седою былинною Русью,
Где мечтаем,
 тоскуем,
 живём,
Наши думы –
 как белые гуси,
Пролетают над жёлтым жнивьём.
Как равнины засветятся ночью –
Это первый пуржит снегопад...
Спотыкаясь о времени кочки,
Наши светлые мысли –
 летят.

1989

Кишинёв-Ульяновск

СОНЕТ

Осень поздняя.
Серость.
Неярко –
Отпылала пожары листвы.
Для тебя буду
новым Петраркой.
Я приеду к тебе –
из Литвы.
А сегодня –
так бледно
и хмуро.
И царит –
октября диктатура,
И унылых
приволжских дождей,
И сырых
журавлиных вожжей...
Но сегодня –
ты станешь Лаурой.
Шлю тебе
свой печальный сонет.
Осень поздняя.
Гаснущий свет.

1989

Ульяновск

Эльвира Ильина, бывший преподаватель Ульяновского пединститута:

– Я о Чеснокове больше слышала. И знаю его только визуально. Стихи читала в газетах, немного. Но стихи меня поразили.

Завкафедрой Нина Владимировна Воронина когда-то училась вместе с ним. И вот она рассказывает. Читает она лекцию, вдруг входит он, босиком, всклокоченный, грязный. «О, Нинуля!»

Она продолжает лекцию, он проходит, что-то говорит, «выступает». В таком же виде он и на кафедру являлся... Девочки-студентки были в шоке, а нам приходилось объяснять: «Это поэт. Да-да, в России такие поэты».

Кажется, что это человек – совершенно «со дна», что там может быть? Тем удивительнее читать его стихи. Многие из них глубокие и, мне кажется, подтверждают его страдания.

СТУДЕНЕЦ **(отрывок из поэмы)**

*«Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви...»*

А. Блок

*«Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши встпхнувших сил...»*

С. Есенин

Глава первая

Словно мятный леденец
Или хвойная иглинка,
За лесами Студенец –
Отдалённая глубинка.
Родники, как сизари,
Здесь воркуют под обрывом,
И вечерний свет зари
Полушалком лёг на ивы.
Полушалком расписным
С аленьким цветком узора...
Облаков клубится дым
Над лесистым косогором.
В отдалённое село
Я забрёл по первопутку.

Русым ветром завело
На мгновенье,
на минутку.

Это русское село
Не отметила нам карта,
А оно росло,
цвело
За века до Бонапарта.
Я когда-то здесь бывал
И в гостях,
и на охоте.

Чай с малиною пивал
Поздним вечером субботним.
Я живу в другом краю –
Завлекли иные дали.
Под обрывом постою –
И пройдут мои печали.
Звонкий,

словно бубенец,
В праздники поёт,
хохочет
Отдалённый Студенец –
Отпускать меня не хочет.
В царстве молодой зимы
Незаметно время длится.
Поле,

рощу и холмы
Снег закутал белолицый.
Мглистым утром в декабре
К роднику иду по воду.
Тихо...

Утром на заре
Крепок зимний сон природы.
Тихо после вьюжных дней.
В студенецких огородах
Спины кряжистых плетней

НИИ

История и культуры

Н.М. Карамзина

Держат снежные зароды.
Лишь вода по родникам,
Льдинки проглотив хрустальные,
Бьёт наперекор снегам,
Звенью оглашает дали.
Сладко губы леденит
Гроздь мороженой рябины.
Так уютен сельский вид
На заснеженной равнине.
Солнце в снежной скорлупе
Лишь на миг проклюнет щёлку.
Хорошо сейчас в избе
Слушать разговоры долгие.
Песни жаркого огня,
Что плывут в печное устье...
В декабре не хватит дня,
Чтобы заскучать,

взгрустнуть ли.

Я живу денёк,
Другой
У Пospelовой Лукерьи.
Разноцветною дугой
Вечером –
Заката перья.

А Лукерья не проста,
Презабавная старушка...
Здесь прекрасные места.
Мне мила моя избушка.
В старенькой живёт избе
С песней, сказками –
Бобылкой.

Вечерами о судьбе
Мне поёт,
как в поле белка...
Бледный отблеск городов –
Говорю ей о столице.

Слушать я её готов
До утра –
 пусть вьюга злится –
О посевах,
 о жнитве,
При известном интересе
О деревне,
 о житье
В пору массовых репрессий.
– Не стесняйся,
 голубок.
Скушай,
 ради уваженья,
Хоть ещё один грибок,
Да испей чайку с вареньем.
На Васильевой горе
Я собирала жар-клубнику,
А опять –

 в сентябре.
Не стесняйся ты,
 бери-ка.
И к Лукерье сказ придёт –
То ли бэль,
 то ль небылица.
Разговор она ведёт,
Словно пряду –
 мастерица.
– Ах, прости же, Бог ты мой,
Старую ты дурачину!
Познакомится с тобой
Хочет здесь одна дивчина.

И румяна,
 и нежна –
Девушка –
 твоя картина –

НИИ

Историй и культуры
имени Н.М. Карамзина

Студенецкая княжна
Волгина Екатерина.
– Где работает она?
– Да учительствует в школе.
...Зимний вечер.

Тишина.

Снежный свет
синеет в поле.

– Есть,
наверное, жених,
Раз красавица такая?
– Что ты, милый!

Аль ты псих?

Помолчи.

Я Катю знаю.

Нет ей пары здесь в глуши –

Эх, попутал бес нечистый!

Хватит ль для её души

Скотника иль тракториста?

Расспроси весь Студенец,

И тебе ответят прямо:

Добрый у неё отец

И светла душою мама.

Впрочем, вся её родня,

И братишка,

и сестренка –

Неплохая ребятня –

На дела и песни –

звонки.

Уваженье и почёт

Катерине

свет Петровне.

Всё расскажет

и прочтёт –

Не чета своей же ровне.

Катерина –

свет, душа,

Уважительная к людям.
Всем мила
и хороша –

Не охает,
не осудим.

Только нет ей жениха –
Не сменяет Катя книжки
На пьянчугу-питуха
И за маковы коврижки.
Ты ж закончил институт,
Пишешь ты свои сказанья,
И тебя все узнают
В Кишинёве

и в Казани.

Ты ведь парень –
хоть куда, –
И к тому ж служил на флоте.
Остальное – ерунда!
Время слюбит вас,

поймёте.

Что уставился в окно
И свои тылдычишь книги?
Женишься ведь всё равно
На какой-нибудь шишиге!

Лучше уж жениться тут, –
Повторяет мне Лукерья. –
Ин, наденет свой хомут
Пава на тебя –
без перьев.

Своего-то мужика
Я жалела и любила.
Память стала коротка...
На войне его убило.
Тьмой застился

жизни свет,

НИИ

Истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Как вручили похоронку.
Вот уж сорок с лишним лет
На чужой лежит сторонке.
Незабвенный Алексей
Тимофеевич Поспелов
По природе был своей
Хлеборобом,
парнем смелым.
Ну, а в праздник –
гармонист
Был он по округе первый...
Взор старухи
светел, чист –
Доверяет мне Лукерья:
Провожали всем селом
На войну...
Махнув с откоса,
Улыбнулся веселó:
«Ждите, братья,
к сенокосу!»
На прощание обнял
Он меня, и,
словно в душу
Заглянул,
потом сказал:
«Жди меня,
родная Луша!»
...И умчался паровоз,
Заглушив мольбу,
рыданья...
Вот который сенокос
Я,
как прежде, в ожиданьи.
Травы в каждый сенокос,
Словно дети тянут шеи.
В светлой горнице берёз

Поджидаю Алексея...
И вздохнёт старушка вновь
И, беседа со мною,
Вспомнит юность
и любовь,
Убиенные войною.
...Посмотрю я на портрет
У простенка над окошком:
Девушка,
как майский цвет,
Рядом –
паренёк с гармошкой...

Глава третья
РУССКАЯ ПЕСНЯ

Белым снегом,
видишь,
маменька,
Все дорожки замело...
Ах,
доколь ты будешь маяться,
Отдалённое село?
С тополями ты
и с вязами,
С лёгкой стайкой облаков...
Я к тебе
навек привязанный,
Где бы ни был далеко.
Ты –
село моё глубинное,
По весне –
черёмух свет,
С голубями и рябинами, –
Здесь я не был –
столько лет!

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Детства дым

плывёт колечками

В небе утреннем из труб.

Я пройду над нашей речкою,

Сяду на замшелый сруб.

Заросли поля бурьянами,

Все дороги замело...

Где ты,

счастье окаянное,

Детства давнего село?

Ты,

село родное, –

пёрышко

Голубинового крыла.

Посижу в тоске

на брёвнышках

За околицей села.

Посижу один

на брёвнышках,

Призадумавшись на миг.

Не из этой ли сторонюшки

Твой архангельский мужик?

Здесь ли

с думою высокою

Вдаль,

к вершинам всех наук,

Выпускало ясна сокола

Ты,

село моё, из рук?

Здесь любил читать я Пушкина,

Здесь с невестой шёл в кино...

Но высокими чинушами

Позабыто ты давно.

Позабыто,

позаброшено

Отдалённое село...

Чистым снегом припорошено
Детство,
что давно ушло.

Всё забыто,
всё заброшено

И порушено вокруг.
Лебединый пух порошеньки
Сядет на декабрьский луг.

Я хожу до самой полночи
По лугам,
где бродит мгла.

Как больной,
кричу о помощи
Для забытого села.

Лишь печально поле инится,
Догорает свет любви.
Стихла ты,

моя провинция, –

Улетели соловьи.

Я хожу,
сгибая веточки.

Даль моя –
белым-бела.

Нет давненько
доброй весточки

Для российского села.

Всё забыто,
всё порушено,

Всё забвеньем замело...
Как твою сгубили душеньку,

Голубиное село?

Расскажи мне

в мглистой сутеми,

О своей проплачь судьбе,

Чтобы я дошёл до сути

НИИ

и культуры

имени Н.М. Карамзина

В русской песне –
о тебе.
Твоему ль поможешь горяшку
В эти сумрачные дни?..
Родникам прочисть ты горлышки –
И заплачь,
и зазвени.

Белым снегом,
видишь,
маменька,

Все дорожки замело...
Ах,
доколь ты будешь маяться,

Позабывтое село?
Здесь мне многое припомнится
В эти сумрачные дни.
Пусть надеждой сердце полнится,
Пусть горят вдали огни.

Пусть сияют светом горницы,
Светом радости,
любви,

Родники воркуют горлицами,
Пусть зальются соловьи.

И тогда,
село любимое,

Выйдем мы на путь иной.
Выйдем на дорогу длинную
В летний полдень голубой.
И взлетит тогда над нивами
Жаворонок –

к небесам...
Только будет ль жизнь –
счастливою,

Я не ведаю –
и сам. (...)

1989

Из записок Составителя

В 1999 году я был довольно заметной фигурой: давал репортажи на «Радио России» и на программу «Вести», возглавлял «Объединённый корреспондентский пункт по Ульяновской области» и числился советником губернатора на общественных началах.

Пользуясь прямым каналом общения с главой области Ю.Ф. Горячевым, подавал ему аналитические записки, касающиеся и экономики, и политики, и культуры. Дружили мы тогда с А.Н. Чернышовым, актёром и многолетним ульяновским Дедом Морозом. У него была мечта-идея: открыть круглогодичную резиденцию Деда Мороза и сделать её чуть ли не главной в стране.

В это же время местные писатели тоже жаловались на отсутствие достойного помещения. Мы присмотрели чудесный дом писателя Скитальца на самой кромке Венца. Там можно было поместить и литераторов, и Деда Мороза.

Написал Горячеву записку, по-моему, даже две. Многоопытный Юрий Фролович ответил: «Нельзя им давать этот дом – напьются и сожгут». Наверное, так бы оно и случилось. Толя Чесноков там точно бы поселился. И, значит, ситуация сразу бы вышла из-под контроля.

А всероссийская резиденция Деда Мороза вскоре обосновалась в Великом Устюге.

«Снег идёт, и все в смятенье...»

Б. Пастернак

Снег спешит, как человек,
Приглашать нас к новоселью.
Светлый праздник – он для всех –
Новогоднее веселье.

Снег идёт. Уходит лес –
Размывается в просторах,
Будто свесили с небес
Длинную, в снежинках, штору.

Между веток в декабре
Льдистое роится племя.
Снег идёт... И во дворе
Белый вальс танцует время.

Снег спешит, как акробат
К новогоднему турниру.
Будь смелей, мой белый брат!
Мы себя покажем миру.

Снег идёт. И в белой мгле
Ожиданье чуда, сказки.
По сияющей земле
Снег скользит, нежнее ласки.

И, затерянный в зиме,
Слыша дивные сказанья,
Вижу: в белой вьюжной тьме
Исчезают люди, зданья.

Снег то плачет, то грустит,
Потемнеет – и растает,
То смеётся и свистит –
Лёгкой бабочкой порхает.

Оторвавшись от земли,
В горные уходит выси,
Задыхаясь от любви,
Он ложится – светлой мыслью.

Снег идёт который день.
Снег висит легко и ладно
На берёзах деревень
Тайной, нитью Ариадны.

Снег идёт – какого века?
Снег идёт из века – в век.
Снег похож – на человека,
Человек похож – на снег.

*Свищет ветер, серебряный ветер
В шёлковом шелесте снежного шума...*

Сергей Есенин

Я приеду в январе
К вам, поля, к тебе, деревня.
Будут зябко на заре
В иней кутаться деревья.
К вам, душистые стога,
Я нагряну средь недели.
К вам, несмятые снега,
К вам, карсунские метели.
Речка, мостик, полынья,
Ивы в светлой, зимней думе...
Здравствуй, родина моя,
В шелесте и в снежном шуме!

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Может быть, он вёл себя иногда эпатажно, может быть, стремился кому-то подражать... С тем же мешком через плечо – это, наверняка, он вычитал про Велимира

Хлебникова. Может быть, оттого, что его называли «карсунским Есениным», он иногда вёл себя «по-есенински».

Я думаю, всё это уйдёт. И для новых поколений, которые лично его не знали, останутся только стихи.

Как это разойдётся на Русь-матушку, тут загадывать сложно...

Виктор Малахов, поэт:

– Анатолий был человеком по-своему легендарным. Очень многие творческие люди его знали. Он бродил от одного к другому, у кого-то оставался на ночлег. Бывал он и у меня. Конечно, он был беспокойным человеком. Всю ночь он мог не спать, непрерывно курил, читал, громко разговаривал, мешал спать другим. Конечно, это не приветствовалось нашими жёнами...

Но когда человек уходит, то всё воспринимается иначе. Всё неглавное, второстепенное, уходит.

Лилия Гребенкова, и.о. главного редактора газеты «Симбирский курьер»:

– К нам в гости приезжал мой дядя, я показывала ему город. И вот на бульваре улицы Гончарова мы встречаем Толю Чеснокова. Он был такой, как всегда в последнее время: не очень трезвый, не очень чистый, но весёлый и очень громкий.

Он меня как-то интересно, по-своему, поприветствовал, по-молдавски или по-румынски, сказал какие-то слова моему дяде и произвёл на него довольно странное впечатление. Когда мы пошли дальше, дядя спросил: «Что это за городской сумасшедший?» – «Это наш местный поэт Анатолий Чесноков. Хороший поэт». – «Ну надо же, у вас в Ульяновске даже сумасшедшие – поэты».

Евг. Мельникову

МЫ – ДЕТИ ВОЛГИ

Мы – дети Волги,
Сыны России,
Жить будем долго
Над волжской синью.

Старинный Углич,
Свияжск,
Саратов...

Рябины угли
Горят на скатах.

Огонь рубиновый
И лист калёный...
Горят рябины,
Пылают клёны.

На Волге осень.
Октябрь сегодня
Трубящим лосем
Идёт по сходням.

Октябрь в Казани.
Октябрь в Тетюшах.
Октябрь касаньем
По нашим душам.

Нет,
Мы не смолкнем
В полях России,
А будем Волгой
И вечной синью.

1992
Ульяновск

ДОЖДЬ В АВГУСТЕ

В зарослях чертополоха,
В зареве пожара
Я пойму тебя,

эпоха,

Не совсем,

пожалуй.

Я ведь плохо разбираюсь
В распрях наций,
стычках.

Извините!

Занимаюсь

Серебром синичек,
Травами,

снегами,

пеньем

Горизонтов,

лифтов.

Я вдали от нетерпенья
Мировых конфликтов.
Только вспыхнет озаренье
Строчкою из Гейне...
Яркий фиолет сирени
На закатной тени.
В сводках радио –

Молдова,

Смутная эпоха...
На заре пылает снова

Кровь чертополоха.

Дикий ужас,

боль

и страх

Пролетят едва ли –

Кочиеры,

Карабах,

Ош
или Цхинвали...
Дождь идёт.
Мой плащ –
хоть выжми.
В струйках –
свежесть,
резкость.
В золотых зрачках у пижмы
Удивленье,
детскость.
И строкою Гесиода,
деревом,
травинкой
Плачет
вечная природа
С каждой дождинкой.
Снова жизнь нависла
низкой
Тучею
иль ночью.
Жизнь,
ты –
Волга под Симбирском,
Винновская роща.

Август 1992

Ульяновск

**Из архива Составителя
Проза одного поэта**

Геннадий Александрович!

Узнал от Св. Матлиной, что ты разыскиваешь меня. Я только сегодня, т.е. 26 мая приехал из Теньковки. Буду завтра у тебя к 9 или 10 утра.

С уважением, Анатолий Чесноков.

Толя частенько забегал к нам в корпункт в Доме Советов. Шумный, грязный, вонючий. Напьётся чаю с пирожками, кого-то подколует, с кем-то пошутит. Долго, правда, никогда не засиживался, всегда сам уходил.

В общей комнате, где хозяйствовал мой друг и заместитель Слава Шатилин, у нас висело зеркало. Толя иногда чесал возле него волосы. Расчёска, по-моему, была у него своя. Густая шевелюра включенных седых волос расчёске поддавалась с трудом...

Помню ставшую классической фразу Валеры Мызникова. Наш рано полысевший телеоператор как-то, после ухода Чеснокова, со вздохом произнёс: «Дал же Бог волосы...».

С.А. Осипову

Обмелели наши речки,
Обезлесили леса, –
Дед пускает дым колечками
И глядит на небеса.

Облака плывут на запад,
Словно стая белых сов.
То ль смеяться,

то ли плакать –

Не пойму, в конце концов.

Всё тревожнее и глуше
Липа жёлтая горит.
– Обмелели наши души, –
Дед с тревогой говорит.

На душе его потёмки,
Ах, осенние деньки...

Жить как будете,
 потомки:
 Внуки...
 Правнуки...

Сынки?
 Сентябрь 1992.
 Сенгилей

ВОЛГЕ

Ты –
 и аварская,
 Ты –
 и болгарская,
 Ты –
 и хазарская,
 Ты –
 и скифская,
 Угро-финская...

Ты –
 широкая,
 Ты –
 и узкая...

Но бежишь ты
 слезой материнскою
 В сердце
 каждого русского.
 Август 1992
 Ульяновск

Из записок Составителя

Помню, как Чеснокову искали невесту. Было очевидно, что талантливый человек погибает. Что с ним в любой день может произойти непоправимое: или убьют, или запьётся, или замёрзнет на улице. От Ольги Шейпак я услышал, что они своим «девичьим коллективом» начали поиски подходящей кандидатуры.

О любви, конечно, речь не шла, но это должна была быть, прежде всего, почитательница Толиного таланта, иначе предлагаемая ноша была бы неподъёмна. Ну, а дальше – женщина со своим жильём, со здоровым образом жизни, заботливая, терпеливая. Последнее качество, на мой взгляд, было наименее необходимым.

Ольга говорила, что на примете были конкретные кандидатуры. Но ничего из этого не получилось. Толя при всей своей внешней заурядности далеко не к каждой пошёл бы жить. И сколько бы они друг друга сумели вытерпеть...

В этой речке тёмная вода,
Не приду сюда я больше никогда.

В этой речке даже не вода,
А с глазами тёмными беда.

И тревожный ветер в камыше,
Словно чёрный вечер на душе.

Буду приходить я лишь туда,
Где от счастья светится вода.

И поют раздольно камыши
Радостную песню для души.

В твоей речи – тёмная вода,
И тоска, и горе, и беда.

Буду ждать я в темени ночей
Неизбывной светлости речей.

Я стою на мглистом берегу,
До тебя добраться не могу.

Я ловлю удачу в невода,
В них надежды светлая вода.

В неводах свет рыбки золотой,
След твоей улыбки дорогой.

Я иду на этот дивный свет
Миллионы беспросветных лет.

**Из архива Составителя
Проза одного поэта**

Господа!

Я оставил до 2 сентября свой мешок, в котором 3 пустых ведра. Возьму завтра с утра.

*С уважением, Анатолий Чесноков.
1 сентября 1999 г.*

Толя пытался как-то зарабатывать деньги. Эта записка – свидетельство того, что он привозил в город грибы. Не знаю уж, кому он их продавал.

Однажды он предложил нам купить у него землянику: он наберёт и привезёт, а мы гарантированно у него купим. Даже просил какой-то аванс.

Помню, мы с коллегами переглянулись и ответили ему отказом. Никому не хотелось ягод, которые собрал Чесноков.

ДЕВИЧЬИ СТРАДАНИЯ

Под небесною дугой
Месяц колокольчиком.
Ты меня, мой дорогой,
Не любил нисколечко.

Под небесною дугой
Звёздочки – горошины.
Почему у нас с тобой
Не вышло по-хорошему?

Горьки слёзыньки утру,
Губочки надую.
Хоть сегодня поутру
Обнимай другую.

Пропадай, подлец, с другой
За метелью-вьюгою.
Почему ж, мой дорогой,
Я реву белугою?

И в какие вечера
Мне выйти на гуляния?
Для тебя любовь – игра,
Сплошные обещания.

Не пойти мне под венец –
Вся я разнесчастная.
Где ты бродишь, молодец,
Солнце моё ясное?

Эле Якубенковой

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я хожу по чистым утренним
Улочкам – в снегу сады.
Но каким-то зреньем внутренним
Вижу я весны следы.

Запуржило, запорошило
Счастье утренней зари...
Только памятью по прошлому
Ты, одна моя хорошая,
Не вини и не кори.

Ты – любовь моя последняя,
Моё счастье и беда.
За тобой повсюду слеую...
Расстаёмся. Навсегда.

Я прощаюсь с этим городом.
Разные у нас пути.
Хватит мне, наверно, гордости,
Чтобы весело уйти.

*17-18 апреля 1993
Симбирск*

Е.И. Никитиной

Орешник, осинник, малинник,
Шиповник, лимонник, рябинник,
Березник, калинник, дубняк.
И ельник, и день понедельник,
Не надо ни славы, ни денег.
Дорога уходит в овраг.

Заросший травую росистой
Ручей здесь журчит с пересвистом,
Сливаясь со щебетом птах.
А сколько веселья – не грусти –
Подарят нам млечные грузди –
Здесь воздух грибами пропах.

Дорога ныряет в осинник,
Орешник, шиповник, калинник,
В лимонное царство синиц...
Не нужно пилюль, поликлиник,
Мне лекарь – весёлый малинник
Вдали от врачей и больниц.

Сентябрь 1993

Ульяновск

**Светлана Матлина,
член Союза писателей России:**

«Хорошо запомнилась одна весна, проведённая с ним. Весна 1999 года. Едва свет, он уже стучался в дверь и обязательно с веточкой в руках черёмухи ли цветущей, вишни ли. В этот раз было вербное воскресенье и Толя пришёл с вербой. Весь простуженный, с воспалившейся ногой, кое-как одетый, как всегда, голодный и... радостный: «С праздником!» Он был похож на знак восклицательный!

Эту весну мы бродили без усталости по улицам и паркам Ульяновска, какое-то легкокрылое настроение она принесла. Как художники выезжают на пленэры, так мы возвращались каждый вечер с навеянными весной стихами. Вот четверостишия из обращённых к Анатолию тогда стихов:

В белых куртках мы оба с тобой,
С белой веткой парим над толпой,
Как вдохнёшь – в сердце плавится лёд,
Верись – Царство черёмух грядёт!

Или:

Мы дети России, мы дети черёмух,
Бредём без копейки к дому родному.
Мадам и месье, Вашингтон, Бухарест,
Подайте поэту трояк на проезд!

Или, когда мы не доехали до его возлюбленной всем сердцем Теньковки, которую он так хотел мне показать, и побывали в гостях в Карсуне у поэта и прозаика В. Селянкина:

Будешь помнить встречу ты,
Радость безыскусную,
У закраинной черты
Государства Русского!

Но именно в ту весну закралось в душу, растревожило предчувствие того, что так долго продолжаться не может. Впервые зазвучала строчка в душе и в стихе: «Осталось совсем немного ему по земле ходить...» (книга «Переполненное эхо», стихотворение «Вербное воскресенье»).

«Карамзинский сад», № 1-2, 2010

*«Вот и лето прошло.
Будто и не бывало...»
Арсений Гарковский*

Вот и кончилось лето...
Реки, нивы, леса,
Ваша песенка спета
И ушла в небеса!

По извечным маршрутам
Журавлиной тропой.
Вновь сентябрь перепутан
Яркой, пёстрой травой.

Остывает планета.
Рвутся птицы на юг.
Вот и кончилось лето.
Где же ты, милый друг?

НИИ

История и культуры
имени Н.М. Карамзина

Вот и кончилось лето.
Дым тумана густой.
Ни письма, ни привета,
Ни записки простой.

Холодеют рассветы.
В первом инее луг.
Вот и кончилось лето.
До свиданья, мой друг!

Закурив сигарету,
Не грусти, старина.
Вот и кончилось лето,
Но ведь будет весна.

Я на празднике света
В ярком буйстве листвы
Здесь живу по приметам
Вдалеке от молвы.

Вот и кончилось лето,
Ускользает из рук.
Отправляется в Лету,
Завершая свой круг.

*Сентябрь 1993
Ульяновск-Теньковка*

Сияет вдали церквушка –
И свет посреди холма.
Старинная деревушка
Сведёт поневоле с ума.

И маленькая речонка,
Гуляя в зелёных кустах,

Всплеснёт,
как младенец,
ручонками,
Звенит серебром на устах.

Я счастлив, что здесь родился,
Что родом из этих мест...
Россия, моя Россия,
Любовь ты моя и крест.

С тобою – на казнь и плаху,
Отринув сомнений блажь.
Последнюю ведь рубаху,
Я знаю, ты мне отдашь.

20.10.1993

Ульяновск-Прислониха

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Когда Толя первый раз пришёл к нам домой... После этого моя супруга сказала: «Коля, пожалуйста, не приводи его больше». Пришёл он и, вправду, в очень нехорошем виде...

Поэтому потом мы всегда встречались только около моего подъезда.

Случаев, конечно, с ним было много. Я не знаю, можно ли, нужно ли это рассказывать... Он, конечно, был всегда голодным. (Это постоянный атрибут его бродяжнической жизни). Когда он жил в Ульяновске, у него было 10-15 адресов, куда он мог свободно прийти – к знакомым, друзьям, по редакциям. Обходил он с утра несколько «точек»: тут его чайком напоят, там он чего-то перекусит, кто-то «денежков» даст. Всё, опять «жизнь удалась...»

И вот поэт Василий Коробков рассказал такой случай. К одному поэту они с Толей приехали в Димитровград. Тот обрадовался: ульяновские поэты в кои-то веки приехали! Засуетился на кухне, вытащил из морозилки кот-

летки, положил их в тарелке на стол – оттаивать, чтобы потом пожарить. А сам с Василием пошёл на балкон курить. (Толю позвали – он не пошёл). Когда они вернулись с балкона, на тарелке ничего не было. То есть Толя, видимо, был голоден до такой степени, что всё это сырое и мёрзлое съел, сгрыз...

Хозяин развёл руками, стал заглядывать в холодильник... «Толя, а ты не видел, я вроде тут вот ставил...» – «Не, ничего не видел...»

Ну, чем-то он их всё же накормил. Они у него переночевали. А на обратном пути Василий Толе высказал: «Ты чего это, гад, делаешь... Ну хоть бы признался: дескать, да, голодный. А ты чего в отмазку-то пошёл?» – «Да я не знаю...».

Ему, видно, было просто стыдно признаться.

Вере

Твоё имя –
из солнца и ветра,
Виноградной лозы
и черешневых веток,
Из полночной грозы,
из больной бирюзы,
Одиноко бегущей
полынной слезы,
Из пустой суеты,
из грудной воркотни
Голубей –
мне напомнит
старинные дни.
Твоё имя –
из листьев ореха...
Твоя жизнь –
для кого-то –
утеха.

В твоей жизни –
 не будет успеха!
Твоя жизнь:
 на прорехе – прореха!
И читаю тебя,
 как чужую тетрадь.
Сердце плачет,
 не хочет,
 проклятое,
 спать.
Ты была мне родной,
 ну, а стала, –
 чужой,
Стала чьей-то женой,
 может, даже –
 судьбой,
Виноградной листвою
 с кудрявой резьбой...
И не знаю,
 что делать мне,
 радость,
 с собой.
И горю я один,
 как свеча на ветру.
Послезавтра воскресну,
 сегодня – умру.
 Июль 1993

Из записок Составителя

В сборнике Юрия Нагибина нашёл в очерке «О Хлебникове» текст, очень созвучный истории Чеснокова:

«Когда Хлебников вернулся из очередных странствий, Брики одели его в поношенные вещи Маяковского: потрёпанный серый костюм, ботинки военного образца, суконный ту-

лулчик тоже военного покроя и круглую меховую шапку. Это было лучшее одеяние будетлянина¹⁰ за всю его жизнь.

Но вещи с чужого плеча друга-соперника ничуть не принижали Велимира. Он был человек внебытовой. Марина Цветаева замечательно определила быт как непреображённую вещь-ственность. Хлебников со своей вознесённой душой был не просто безбытен, а надбытен. Вещи ничего не значили для него, как и чувства, порождаемые вещной стороной существования. Поэтому он легко принимал любое даяние, как и единственный человек, в котором он признавал учителя, – Уолт Уитмен – шапку, сапоги, тулупчик, хламиду или кусок хлеба. Других ценностей ему не дарили, да он бы и не взял за ненадобностью. Всё его имущество находилось при нём – странник может владеть лишь тем, что унесёт на себе. А Хлебников был всегда в пути...

Ему не нужен был даже свой угол, чтобы писать, он умел выкраивать себе сосредоточенную тишину в любой толпе, в редакционном бедламе, посреди сходимки; в чаду, дыму, ругани, спорах любого многочеловечества он вытаскивал свой гротеск и начинал набрасывать колонки цифр (надо было высчитать пульс истории), или стихотворные строчки, или неизменно чеканные формулировки мыслей. Он пребывал в постоянном размышлении, у него не было незаполненных минут».

¹⁰ Будетляне — первая русская футуристическая группа писателей, к которой принадлежал и В. Хлебников. Он же автор этого слова (прим. ред.).

Помню, как хотелось Толю как-то утеплить. В самые морозы вечно ходил в каких-то курточках, без рукавиц и без шапки. Залез я в темнушку, начал доставать какие-то свои старые, вышедшие из обихода тёплые вещи из тех, что вроде и не нужны, и выбросить жалко. Всё сухое, чистое, добротное. Думал, он будет носить.

Толя кое от чего сразу отказывался, что-то брал, но ни одной своей вещи я на нём потом не видел. Он носил вещи хоть и старые, но какие-то броские, оригинальные, стильные. Фасонил.

АНДРЕЮ ПЧЁЛКИНУ

«Я, паяц, у блестящей рамы...»

А. Блок

Жизнь уносилась,
как поезд –
во мглу...

Кто я теперь?..
Я –
паяц на углу.

Вечный паяц мировых площадей,
Мыслями быюсь я –
о память людей.

С вечным отребьем
цифири и дат

Я –
как Отрепьев,
иду наугад.

Но я богат,
я –
богат,
так богат

И встану я в травах росистых
В краю,

где родная изба,

И выдохну тихо:

Россия,

Пусть счастье наполнит тебя.

Лето 1993

Теньковка

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– Толя – это и боль моя, и гордость. На протяжении всей жизни, где бы он ни находился, что бы с ним ни случилось, он приезжал... Мне приходилось его одёргивать... Кстати, я в жизни с ним ни одной рюмки не выпил. Никогда я этого не позволял.

В последние годы появилась ещё такая странность. Приезжает он, и если написаны какие-то новые стихи, он просит: «Валерий Васильевич, прочитайте... Но только вслух. Лучше Вас никто не читает мои стихи». (Я же лауреат многих конкурсов чтецов).

Прочту. Или похвалю, или замечания какие-то сделаю. И он тогда уже уверенно себя чувствует. А то даже просил меня: «Валерий Васильевич, почитайте мои стихи на радио». – «Да что ты, Толя, неудобно».

Из дневника Составителя

– *Вы остаётесь человеком более или менее одиноким?*

– *«Не более-менее», а абсолютно.*

(Из интервью поэта Иосифа Бродского).

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Волга. Утро мая.

Ясный тихий свет.

Мама, дорогая,

Нас на свете нет.
Волга. Май. Самара,
Мама, твой детдом.
Юная гитара.
Песня о былом:

О земной дороге
Лермонтова – вдаль,
О звезде, о Боге...
А в душе – тревоги,
Горькая печаль.

А тебе – лишь десять,
Десять русских лет.
Тихо плачет детство...
Мама, детства нет.

Горький плач сиротский,
Детских русских лет.
А на Волге – лодки.
Утро. Ясный свет.

Впереди – разруха,
Юность и война,
И печаль-разлука,
В зареве – страна.

Тихо догорает
Песня юных лет...
Мама, дорогая,
Нас на свете нет.

НИИ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

имени Н.М. Карамзина

Октябрь 1993
Ульяновск-Самара

Из цикла «Портреты старых русских» Очарованный странник

«Шёл я однажды захоластной улочкой и вдруг замер, заглянул в щель тесовых ворот: в центре затравяневшего двора вокруг пенька сидела бомжеватая братия и внимала церковному басу моего вездесущего приятеля Т., который читал им Франсуа Виньона, яростно разбалтывая кулаками воздух. Юная бомжиха со свежей фиалкой под глазом пожирала его влюблёнными глазами. На пеньке царствовали краюха хлеба и несколько «фанфуриков» с зеленоватой жидкостью.

К нетрадиционному стилю его жизни я давно привык. Не могу представить Т. при галстукке или просто в домашнем халате. Как-то поздней осенью он явился ко мне на работу в одних грязных носках – всё остальное спёрли «братья по классу». Сложно представить Т. и в уютной кровати под тёплым одеялом. Есть ли в городе скамейка, на которой он не коротал бы тёмные симбирские ночи? Оттого каждый привод в вытрезвитель – для него праздник, дом отдыха. Но в последнее время менты уже не забирают его, махнули рукой. Они по горло сыты его бесконечными стихами и речами по-сатински (героя «На дне»), которыми он убажал своих «сокамерников». Но к самому Т. работники правопорядка питали некое уважение: мужик безобидный, безвредный, а главное – очен-но грамотный.

Четверть века назад окончил Т. ульяновский пединститут, но в школе почти не работал. Слишком выламывался из неё, родимой и совковой. Прослушав как-то его урок литературы, директор одной из школ пришёл в ужас, побагровел и потребовал тут же написать заявление об уходе. Добавил: тебе лишь в психушке читать лекции о Достоевском (...)

На политику у Т. аллергия. Для него что Ленин, что Иисус – одно и то же. Разговоры о нациях, о патриотизме – странны, нелепы и бессмысленны. Во время непримиримых застольных диспутов о правых и левых Т. непривычно тих и скупен, но в конце вздохнёт тоскливо и скажет: «А в Теньковке, поди, всюю цветут сады».

Затерянная в глуши Теньковка – сердцевина его неохватной любви к миру, главный источник поэтического вдохновения. А иногда – заработка. Частенько вижу Т. на Центральном рынке то с корзинами отменных грибов, то с ведёрками спелых крупных ягод. Свою торговлю он сопровождает импровизациями в честь изобилия карсунского родового гнезда. Собирается толпа, кто посмеивается, кто аплодирует, а после концерта весь товар мигом раскупается. Выручка, разумеется, так же быстро тает в сигаретном дыму курмышовых пивных и забегаловок. Опять же под неистовую декламацию новых стихов, написанных бессонной ночью где-нибудь на Венце (...)

После работы я часто захожу в маленькую, недавно построенную церковь Михаила Архангела, что в глубине большого двора по ул. Гончарова. Мне она сразу пришлась по сердцу. Подхожу к ней однажды и ещё издали узнаю в фигуре, одетой в какой-то немыслимый балахон, моего Т., калику перехожего. Скрестив на груди длиннопалые руки, он сосредоточенно осматривает скромное деревянное строение. Я знал, что мой экстравагантный приятель весьма неоднозначно относится к религии и вряд ли прочёл хоть страницу из Библии. Но сейчас я застал его врасплох, и он смутился. «Почему в храм не заходишь?» – «Азм вельми грешен и посему недостоин», – под нарочитой усмешкой скрывалось наболевшее. Я улыбнулся: для того и явился Христос на эту землю, чтобы спасти грешников, а не праведников...».

*Е. Мельников.
Народная газета, 15.12.1999*

Из записок Составителя

Когда поэт и крупнейший ульяновский прозаик Евгений Мельников писал в этом тексте: «Явился ко мне на работу», он имел в виду дворницкую. Да, член Союза писателей СССР, автор стихотворных и прозаических сборников, работал дворником в районе ДК Профсоюзов (ныне «Губернаторский»).

Работал за нищенскую зарплату, пока были силы. Потом умер в марте 2011-го в шестьдесят четыре года в болезнях и нищете. Деньги на могильный памятник «с шапкой по кругу» собирал Николай Марянин.

О, как равнодушна и беспощадна ты, ульяновская земля, «Родина талантов».

Л. Бобровой

По лесам – июня свет,
Синева в глазах цветов.
Здесь я не был бездну лет,
Счастья бедный птицелов.

На родимой стороне,
Здесь, у леса на краю,
Так светло сегодня мне, –
Будто побывал в раю.

Вдалеке от маеты,
От сердечной суеты –
Из зелёной темноты –
Синим счастием – цветы.

Слышу трели звонких птах
В косах молодых берёз.

День июньский весь пропах
Свежестью травы и гроз.
Слышу песню родника,
Что стройна и глубока...
Проплывают облака –
Сонной вечности река.

1993

Ульяновск-Теньковка

**Татьяна Эйман, врач Карсунской больницы,
член Союза писателей России:**

– Он много работал. Вот придёт, бывало, ко мне в кабинет. Сидит, потом: «Слушай, ну-ка придумай мне рифму вот к этому слову». А я в конце рабочего дня. «Толь, да ну тебя! Не до этого мне». Он: «А ты знаешь, надо себя тренировать. Я вот на это слово придумал 12 рифм. Но всё это затёрто, забито. Я ищу что-то свежее».

И вот я смотрю, как просто у него написаны стихи. Но у него есть такие рифмы, которых не встретишь ни у кого.

У меня на родине
Студена вода,
Красная смородина,
Калина ягода.

В поле, за окошками,
Даль ясным-ясна.
Золотою кошкою
В облаках луна.

Выйду за деревню я –
Песня не слышна.
Сказочной царевною
Дремлет тишина.

Алой-алой зорькою
Запоёт рассвет.
Стала память зоркою
В песне прошлых лет.

В песне сердцем пройдены
Радость и беда.
На Карсунской родине
Студена вода.

Никасу Сафронову

ПИСЬМО

Приезжай, милый мой, домой –
Дом наш весь позарос бедой.

В огороде – не лебеда,
Гиблым цветом трава – беда.

Чёрный ворон в окне завис,
Зацепился судьбой за карниз.

Где ты бродишь? В какой тоске
Строишь храм на чужом песке?

Чьих ты запах вдыхаешь трав?
У каких стоишь переправ?

Где ты, милый? В каком краю?
Ты – в аду? Я верю – в раю.

У твоих поднебесных врат
Расцветает сад – виноград.

Зреет радость в твоём саду...
Я к тебе и жизнь не дойду.

НИИ

История и культуры

Л.Н.М. Карамзина

Привези домой, приезжай! –
Счастья солнечный каравай.

Без тебя мне и воздух-медынь
Горше, чем вся трава-полынь.

Без тебя мне и зной пустынь –
Антарктида, сплошная ледынь.

С белой вьюгой на виске
Я от гибели на волоске.

Из дневника Составителя

13 июня 2000 г. Эльдар Рязанов написал

стихи:

*Богатства я за годы не скопил,
Порою жил и трудно, и натужно.
В дорогу ничего я не купил.
Да в этот путь и ничего не нужно.*

Татьяна Эйхман, врач, поэт:

– Однажды Анатолий увидел у меня дома двухтомник Давида Самойлова и прямо-таки впился в него: «Подари!». Мне, конечно, трудно было с этими книгами расставаться, но я сказала: «Если тебе это так надо, возьми». Он сразу нашёл вот это, может быть, его любимое стихотворение и стал читать мне его вслух:

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Толя захлёбывался от восторга: «Ты посмотри, как он пишет! «Бодро и морозно». – Я ему: «Толя, успокойся, ты тоже так пишешь: «И просто, и бодро, и морозно».

Эти книги тоже погибли вместе с ним в пожаре...

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Пятнадцать лет назад Валерий Мызников снял об Анатолии фильм, называется он «Поэт Чесноков». Сейчас Мызников известный режиссёр, живёт в Москве, снимает художественные, документальные фильмы, сериалы. Самый известный из них – «Глухарь», который шёл по НТВ.

А пятнадцать лет назад мы вместе работали в Ульяновске, в «Объединённом корпункте», Геннадий Дёмочкин был нашим директором, интересное было время. И Толя Чесноков частенько к нам, в Дом Советов, заглядывал. Весёлый, весь взъерошенный... Заходил, плюхался на редакционный диван, рядом стоял столик, на нём всегда горячий самовар и в тарелке какая-то выпечка. Толя 5-10 минут шумел, о чём-то разговаривал, а в это время наливал себе чаю, закусывал, потом вдруг вставал: «Ну, ариведерчи! Мне пора!» И исчезал. Стол после него был, естественно, пустой – всё он там подьедал.

После одного из таких приходов Валерий Мызников (который видел его впервые) спросил удивлённо: «Это кто?» – «Поэт Чесноков».

Я тогда рассказал Валере несколько историй о Толе – весёлых и грустных – и у него загорелись глаза: в то время он уже начал снимать короткометражки. И вот Валера мне говорит: «Я хочу снять фильм о Чеснокове, уговори его». Я отвечаю: «Уговаривать его не надо, он наверняка согласится. Но уговорить его надо, чтобы во время съёмки он был «в кондиции». В некоторых состояниях его снимать невозможно».

Толя согласился. Недели мы на него галстук, столь не свойственный ему... Поехали в Языково, на пушкинский праздник. Фильм получился, он несколько раз был в эфире

ГТРК «Волга». А сейчас его можно найти в интернете, если в поисковой системе набрать «Фильм «Поэт Чесноков».

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

*«Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать...»*

Сергей Есенин

Облака плывут сырые.
Ливнями цветёт сирень.
Здравствуй, мать моя Мария!
А сегодня над Россией
Ветреный весенний день.
Плещет над твоей могилой
Фиолетовый разлив.
Образ твой, родной и милый,
И улыбчив, и красив.
Я пришёл к тебе покаяться:
Ты – жива, не умерла.
Просто ты пришла на кладбище
И сиренью расцвела.
Как ты смотришь успокаивающе!
Ты – во мне, в моей судьбе...
Я пришёл к тебе на кладбище
С думой светлой о тебе.
Мы с тобой поговорим.
Разбуди, как в те года.
Здравствуй, мать моя Мария! –
Не прощаюсь никогда.
Май. Сирень цветёт. Я с веткою
Фиолетовой – в руке...
Проплывают мысли светлые,
Исчезая вдалеке.

Из записок Составителя

Постепенно в среде работников культуры Ульяновска и области сложилось такое понятие как «фактор Чеснокова». Планируя очередное мероприятие, организаторы держали в уме: что делать, если туда зайвится Анатолий.

Многочисленные эпизоды доказывали, что, если дело пустить на самотёк, впечатление от самого лучшего вечера может быть испорчено. Назначались специальные люди, которые в случае появления Чеснокова должны были «пасти» его, а в случае проявления поэтом излишней активности – тихо удалить из зала или с площадки.

14 декабря 2000 года в областной филармонии проходил творческий вечер Николая Марянина. Коля – в потрясающем светлом костюме, полный зал людей и периодически возникающий в проходах пьяный Чесноков со своими громкими – к месту и не к месту – репликами.

Юбиляр с величайшим тактом и терпением пытался со сцены образумить хмельного собрата. (Он надеялся, что с «фактором Чеснокова» справится сам). На какое-то время это помогало, Толя садился в зале, задрёмывал, потом вскидывал голову, поднимался и снова нёс всякую чушь.

У Николая Марянина среди друзей – не только литераторы, привыкшие к выходкам Чеснокова, но и серьёзные люди, чиновники и бизнесмены. В конце концов, не выдержав издевательства, кто-то из них молча и твёрдо вывел Чеснокова из зала и больше туда не пустил.

ГОРОДСКИМ РОДСТВЕННИКАМ

Не привёз вам калины,
А ведь так обещал!..
Не хочу, чтоб старинный
Край красой обнищал.

Край старинный, былинный
И родимый навек
Алой сказкой калины
Зацветает у рек.

Средь морозных раздолий
Белоснежной зимы
Пусть калины угбляя
Согревают холмы.

Не привёз вам, сестрицы,
Вы простите меня,
Яркой алой зарницы
Среди зимнего дня.

Не привёз я вам, братья,
Алых гроздей калин.
Пусть красуется платье
На плечах у равнин.

Не привёз вам калины
От родного крыльца.
Пусть и присно, и ныне
Среди снежной пустыни,

На холмах и в долине,
Алой сказкой на сини
Чудо русской калины
Согревает сердца.

Из записок Составителя

Одна библиотечная дама рассказала, как однажды в краеведческом отделе Дворца книги она наблюдала такую картинку.

...Распахивается дверь, стремительно входит Чесноков «с остатками пиццы на рубашке». Общается с Ниной Ивановной Никитиной, о чём-то её спрашивает, она ему что-то рассказывает. Наконец, он прощается, уходит, а Нина Ивановна ему так спокойно, даже ласково вслед: «Поэт, застегни ширинку...».

«Спит черёмуха в белой накидке...»

Сергей Есенин

И нагрянули вдруг холода
Среди майской теплыни и света,
Где черёмуха так молода,
В подвенечное платье одета.

Разлила по округе духи,
Море нежности белого цвета,
И читает России стихи
Из Есенина, Пушкина, Фета
День и ночь напролёт, до рассвета.

Не беда – отойдут холода.
Как невеста черёмуха – право!
И красива, и молода,
И закутала ноженьки в травы.

Так душисты и так легки
Устилают в России тропинки
То ли – нежности лепестки,
То ли – краткого снега пушинки.

По околицам – ласковый май.
В нежной вьюге – заречная дрёма.
Раздышалось – на весь русский рай –
Белоснежное сердце черёмух
От Москвы – до родимого дома.

Из записок Составителя

23 декабря 2000 года краеведческий журнал «Мономах» отмечал свой очередной день рождения. Было это в торжественном зале Дворца книги, как всегда пришло много гостей, и желающих выступить было немало.

Когда очередь дошла до меня, я вышел и прочитал стихотворение Анатолия Чеснокова «Зелёным дымом занавесились». Читал по бумажке, но, как мне казалось, раскованно и свободно. Зал бывшего Дворянского собрания не любит микрофонов, но музыка и человеческий голос там звучат необычайно.

Не знаю, может, это я надумываю сейчас, но тогда я ощущал себя юным Пушкиным, который в зале лица вдохновенно читает собственное стихотворение. Голос от волнения звенел и было как-то очень хорошо.

Не помню, был ли в тот момент в зале Толя. По-моему, не был.

Геннадью Дёмочкину

*Анслейские холмы,
Где был я сердцем молод...*

Дж. Байрон

*Зелёным дымом занавесились,
Узорным, в листьях, покрывалом,
Берёзы в рощах – заневестились.
Зимы – как будто не бывало.
А в небе – властвуют жаворонки,*

от него матерного слова, которые так часто срываются сейчас с губ других мужчин – более благородного вида.

На холмах, объятых мраком,
Где уснули сёла,
Жизнь, сверкни мне алым маком
Юности весёлой.

И в полях, что дружат с ветром
И где кони скачут,
Жизнь, блесни мне ярким светом
Молодой удачи.

И зови меня, как прежде,
В дали – маком алым,
Дивной радугой надежды,
Помнишь, как бывало!

И в лесах, где клён и ясень,
У реки широкой,
Жизнь, звени мне песней ясной,
Чистой и высокой.

**Наталья Храмцова, искусствовед,
ветеран педагогического труда:**

– Я всегда считала, что Ульяновск – это город давно ушедших поэтов. Ну, потому что был Языков, был Минаев... А потом – людей, которых здесь превозносили как поэтов, я не считала очень хорошими. У них были хорошие образы и не больше.

В случае с Чесноковым я ожидала увидеть вариант Коли Благова. К Коле я отношусь как к человеку бесспорно способному, но отнюдь не лучшему поэту Ульяновска. У него бывают очень хорошие образы. Но целиком стихотворения, которые бы заняли место, чтобы их

 вспоминать – у меня таких не было. Может быть, я его недооцениваю, не знаю. Не мне судить, как говорится.

А у Чеснокова – когда я слушала стихи, то замечала: вот это хорошо, вот это хорошо. Вот это надо бы чуть сократить, хотя это опять-таки его собственное восприятие. И вот эту самостоятельность я отметила в первую очередь.

Во вторую очередь было другое. Это неожиданное для меня прекрасное знание литературы. Не подражательность, а просто знание. Он отталкивается от этого. В стихах о природе это чувствуется в особенности.

И самое главное, это не «слизывание», не подражание – это своё. И очень часто неожиданное. В этом отношении он мне показался очень значительным поэтом. И хотелось, чтобы он был более известен.

*«И на песни мои прольётся
Молоко твоих ранних коров...»
Сергей Есенин*

Поля ржаная коврига,
Стужа воды родника,
Неба раздольная книга –
Хватит мне вас – на века.
Вот соберусь – и приеду:
Во поле клонится рожь.
С роцей заводит беседу,
Песню протяжную дождь.
К вам – насовсем, а не в гости,
Я воротился назад.
Здесь, на старинном погосте,
Все мои предки лежат.
Сельская тихая местность,
Речка и шелест стрекоз.

Как на венчанье невесты,
Белые стайки берёз.
Знаю любую погоду:
Вьюга февральская, пой!
Снега полны огороды...
Здесь я родился...Я – свой.
...Блеск золотой листопада.
Кринки в руках городьбы...
Лучшей мне доли – не надо,
Лучшей не надо судьбы.
...Жемчуг росы на крапиве,
Крепкие руки корней...
Разве найду я красивей
Родины славной моей?!
Здесь, у родимого крова,
Алой калины пожар,
И материнского слова
Ласка, и нежность, и дар.
Кланяюсь августу, маю,
Рыжим коровам, ручью...
Большей любви – не желаю.
Краше небес – не хочу!

**Ольга Слепова, руководитель Центральной
городской библиотечной системы:**

– Где-то в начале нулевых мы проводили в Карамзинском саду на свежем воздухе вечер, посвящённый Вознесенскому. Предполагалось, что местные поэты и все желающие горожане будут читать его стихи и высказывать свои мысли о его творчестве.

На одной из скамеек лежал с закрытыми глазами лохматый седой бомж (тогда я ещё не знала, что это поэт Чесноков ожидает своей очереди на выступление).

В реальности получалось, что местные поэты наперебой читали свои стихи, рассказывали о своём творчестве, при этом безбожно нарушая установленный регламент.

Когда очередь дошла до Чеснокова, он встал со скамейки, как-то взбодрился, очень хорошо прочитал стихотворение Вознесенского, очень хорошо и лаконично сказал о его творчестве и уложился точно в регламент.

Я наблюдала Чеснокова впервые и была потрясена.

**Ольга Даранова, заместитель директора
областной библиотеки «Дворец книги»:**

– Я тоже помню этот эпизод. Это был день города, в «Нескучном сквере» местные поэты читали свои стихи. А Толя вышел и начал читать Вознесенского: «В человеческом организме девяносто процентов воды, Как, наверное, в Паганини девяносто процентов любви...» Вытянулся перед микрофоном как свечка, голову закинул назад... Он умел чувствовать настоящее, умел отделять зёрна от плевел. Он и сам был настоящий поэт.

Мои коллеги по библиотеке в последнее время иногда вели себя некрасиво по отношению к Анатолию. Ведь он появлялся нетрезвый, неопрятный, нечёсанный. Я всегда им говорила: «Давайте будем более терпимы к нему, давайте себя вести по-человечески».

Николай Марянин, поэт, краевед:

– И ещё одно потрясение, которое я испытал однажды и не раз потом испытывал – это его глубочайшие познания мировой литературы. Казалось бы, бродяга – что он может знать...

Но, видимо, он хорошо учил этот предмет в педагогическом институте, у него хорошая память и он очень много всё время читал.

Однажды мы поехали на пушкинский праздник в Языково (там мы снимали фильм об Анатолии). По дороге туда он, в основном, молчал. Наверное, потому что был трезвым. А обратно был уже навеселе и, как говорится, «Остапа понесло». Со мной была маленькая дочь-пяти-

классница, и я только беспокоился о том, чтобы Толя не начал говорить какой-нибудь ерунды. И вот, чтобы у неё не осталось плохого впечатления о поэте, я ткну его в бок и говорю: «Толя, давай, расскажи об американской литературе». Он тут же начинал говорить и называл имена, которых я даже не слышал. А он называет имя какого-нибудь писателя или поэта и рассказывает о его творчестве, цитирует его строки наизусть.

Выговорится, потом опять перескочит на какую-то ерунду. Я ему опять: «А ну-ка, про английских поэтов расскажи...» И он начинает о них. То есть столько в нём этого было... Ну, видно, очень хорошая память, это тоже редкое качество.

Приехали домой, дочка говорит: «Да-а, пап, сколько он всего знает...»

*«Выхожу я в путь,
открытый взорам...»*

А. Блок

Пламенной осени время
Многое мне говорит:
Жёлтой соломы беремя,
Свечка берёзы горит.

Выйду в широкое поле.
Хмуро. Пустынная даль.
Здравствуй, осенняя воля!
Здравствуй, родная печаль!

Тучи плывут, как гусыни,
И задевают стога.
В воздухе – горечь полыни.
Скоро нагрянут снега.

Ветер бежит по тропинке,
Словно дитя за бугром
Первую радость снежинки
Ловит доверчивым ртом.

*«Свищет ветер, серебряный ветер,
В шёлковом шелесте снежного шума...»
Сергей Есенин*

Я приеду в январе
К вам, поля, к тебе, деревня.
Будут зябко на заре
В иней кутаться деревья.

К вам, душистые стога,
Я нагряну средь недели.
К вам, несмятые снега,
К вам, российские метели.

Речка, мостик, полынья.
Ивы в светлой зимней думе.
Здравствуй, родина моя,
В шелесте и в снежном шуме.

1995

Теньковка

**Светлана Матлина, член Союза
писателей России:**

«От того вдохновенного подростка, унаследовавшего дар от матери (и песни пела, и на гитаре играла, и говорила, как писала), сочинившего свои первые стихи:

По берегу крутому
Бегу я налегке.
Малиновые зори
Купаются в реке.

почти ничего не осталось. Берегом крутым сделалась вся его жизнь, и бежать по ней налегке уже не хватало сил. Спал на скамейках (и на обломовском диванчике!) или прямо на земле, а уж что говорить о пропитании. В морозы часа в два ночи звонок в дверь: «Не дайте помереть, приютите, я есть хочу и замёрз». Или выйдешь, а Толя, подстелив газетку, у порога спит, аж сердце заходится при таком явлении. Верное место его дня – читальный зал библиотек, там читал и писал.

Справедливости ради скажу, что и дом не так давно появился у поэта, и книги выходили одна за другой стараниями земляков-теньковцев и ульяновцев. Но... душа уже сдвинулась с места, как поезд с рельсов.

В Союз писателей не вступил, не смог собрать нужных бумаг. Дважды я, будучи ответственным секретарём нашей писательской организации, отсылала представление к приёму в Москву, в Союз писателей России. Были рекомендации, – не находилось книг, были книги – не хватало документов. Всё терялось во время странствий, как и рукописи. Так и не получил Анатолий членского билета, хотя был принят единогласно на собрании местной писательской организации.

Рада, что хоть удалось провести настоящий творческий юбилейный вечер Анатолия, на котором он присутствовал и очень волновался. Это было событие в культурной жизни Ульяновска».

«Карамзинский сад», № 1-2, 2010

Солнцем пропахшие травы:
Донник, шалфей, зверобой...
Где, у какой переправы
Встречусь я, радость, с тобой?

И у какого колодца,
И у какого плетня
Встреча с тобой отзовётся
Песней любви для меня?

И у какого истока,
И у какого крыльца
Музыкой, нежной, высокой,
Наши зальются сердца?

И у какого причала
Чистых озёр, светлых рек
Вечной надежды начало
Нас обвенчает навек?

И на ромашке гадаю,
И на травинке любой,
Где, моя радость, не знаю,
Встречусь навеки с тобой?

Вьётся тропинка лесная.
Солнце восходит в зенит.
Где, моя радость, не знаю,
Песня любви прозвенит?

Лето. Июль златоглавый
Сон навевает цветной.
Счастьем пропахшие травы:
Донник, шалфей, зверобой.

НИИ

Истории и культуры

И.М. Карамзина

Из записок Составителя

25 октября 2001 года мы отмечали

50-летие Анатолия. Хлопоты взяла на себя Светлана Матлина, тогдашний председатель ульяновского отделения Союза писателей России.

В областном управлении культуры на первом этаже Союзу тогда выделили просторную комнату, а торжественная часть проходила в помещении напротив – в небольшом конференц-зале. Собрались местные литераторы, журналисты, друзья Анатолия. Именинник был презвым, взволнованным, иногда плакал.

Ольга Шейтак, главный редактор журнала «Мономах», снова сказала о своей давней творческой зависти к Анатолию. «Придёт к нам в редакцию в Мемцентр, неухоженный, голодный, чего-нибудь поест, попросит карандаш, бумагу, и вот он уже в зимнем саду (свободный человек!) пишет стихи и какие стихи!

Я подобрал на вечернем снегу,
Где мерцает морозный,
Метельный и выюжный
Забывтый пустырь,

Веточку тонкую вербы
и ставил с надеждой,
с любовью
и с верой

так нежно,
а в мире – так снежно,
в бутылъ,

Так,
чтобы запах

от клейкой,
пахучей –

по-майски зелёной –
листвы,
будто бы нашатырь,
в бронхах –
и пел,
и кричал,
и смеялся, –
струился
и, в сердце
и в душу влетая,
мечтал,
а золотистая пыль
белых серёжек –
пела,
с мечтою улыбки,
по-детски,
из Эдварда Грига мелодию
звонко,
наивно,
напевно –
пчелиную былль...

К Толиному юбилею поспела скромная книжка, персональный сборник стихов. Когда-то С.Н. Рябухин, ещё в кресле председателя Законодательного собрания области, пообещал Анатолию помочь. И вот она, желанная преемственность власти: после отъезда Рябухина в Москву его обещание сотрудники ЗСО по возможности выполняют.

Надо было видеть, с каким азартным желанием успеть шлёпал голую ладонью по ступеню А.И. Палачёв, сброшюровывая последние книжечки.

На обложке – в чёрно-белом варианте – мощный куст одуванчиков под деревенским забором. А первое стихотворение сборника («Надейся!») посвящено почему-то мне.

Школьный учитель литературы Анатолия Чеснокова Валерий Васильевич Кислинский присутствовал на том юбилейном вечере и сделал диктофонную запись. Эту кассету он мне передаст летом 2010 года, после гибели Толи, когда я решу, что буду делать о нём книгу.

Вот что мне удалось расшифровать из этой, технически несовершенной записи.

В.Н. Егоров, начальник Информационно-аналитического управления Законодательного собрания области, ныне советник Губернатора Ульяновской области:

– Толю я знаю очень давно. Из этих 50 лет тридцать я его знаю. Мы с ним вместе учились на историко-филологическом факультете: он литературой занимался, а я грыз исторические науки. И вот с тех пор мы друг друга видим, знаем, за творчеством Толи я постоянно слежу.

Со студенческой скамьи Толя выделялся своей детской непосредственностью, чистотой и искренностью. Вот это самые главные качества человеческие, которые в нём я безмерно ценю и думаю, что и другие ценят.

Ну, а с точки зрения литературного таланта – тут выше всяких похвал. Научиться тому, что умеет делать Толя, по-моему, невозможно ни на каком филологическом факультете – это уже только от Бога. По наитию Божьему творит и слава Богу, что он это делает.

Толя, дорогой, позволь я тебя обниму... Жить тебе ещё не меньше, а может быть и больше, чем прожил...

**А.П. Рассадин, зав. кафедрой литературы
Ульяновского педуниверситета:**

– (...) Знаете, литературный процесс, он неравномерен: где-то пусто, где-то густо. Сколько симбирских имён, причём общероссийского масштаба, дал XIX век!!! А вот в двадцатом веке совсем другая картина вырисовывается. Ну кто назовёт хотя бы одного поэта Симбирска-Ульяновска, допустим, тридцатых годов. Сороковых...

Какое-то движение в нашей ульяновской литературе, я имею в виду поэзию, начинается с конца 50-х годов – с Благова, с Краснова...

А если брать 70-е годы, вне всякой преемственности, на мой взгляд, с вышеуказанными поэтами, как-то особо, под первым номером выделился Анатолий Чесноков. (Аплодисменты).

Я тоже учился тогда на филфаке, чуть позже Толи. Нашими кумирами были поэты военных лет – от Кульчицкого до Самойлова и Межирова. С наших уст не сходили строчки Евтушенко, Вознесенского, Рубцова...

Голос Чеснокова: – Беллы Ахмадулиной...

– Беллы Ахмадулиной и так далее. Толя может без труда продолжить этот список. Их влияние отразилось в его творчестве. Мне кажется, в своих стихах Чесноков идёт по пути синтеза разных традиций – в русской поэзии этого времени. При этом не теряя своей только ему присущей интонации, своего голоса. Тут ещё важно место рождения. Карсунский район – это место, освящённое пребыванием здесь Пушкина, здесь родина Языкова...

Голос Чеснокова: – И художников! Аркадий Пластов – не забывайте!

– И художников, конечно. Если суждено было родиться такому поэту, как Чесноков, то он должен был родиться в этом краю...

Спасибо тебе, что ты есть, что ты жив и здоров, работаешь и надеемся, что у тебя будет ещё немало хороших стихов. (Аплодисменты).

О.Г. Шейпак, редактор журнала «Мономах»:

– Я немножечко продолжу тему, которую начал Александр Павлович. В редакцию приходят очень много поэтов: молодых, может быть, талантливых, время покажет... Приходит молодёжь, приносит стихи, у меня их такие сумки уже хранятся.

И вы знаете, пусто: что-то рифмуют, какие-то эмоции, какие-то свои чувства выражают. Но: нет поэзии, нет поэзии. Начинаешь объяснять, – не понимают. Задаёшь вопрос: «А кто твой любимый поэт?» – «Асадов». – «А чьи ты ещё стихи читаешь? Кого ты любишь?» – Пожимают плечами.

Александр Павлович, это, в основном, студенты педагогического университета! И вот на этом фоне приход Толи Чеснокова... Он же не может молчать. Он постоянно что-то читает, цитирует других поэтов. Поражает его преданность поэзии, его любовь к поэзии. Знание стихов: мне кажется, он помнит наизусть километры строчек.

А когда открываешь его стихи и начинаешь читать, то вот эти кружева непередаваемо-красивых метафор... Это то, что невозможно придумать. Там, где разум не говорит, – поёт душа. Это как рисунок на замороженном стекле: рассматриваешь его и не надо никакого смысла.

Я очень люблю не столько гражданские, сколько его лирические стихи... Почему его с Есениным сравнивают? У Есенина эта непридуманность метафоричного кружева и у Толи. Бесподобно красивые стихи...

И ещё человек ценится не только за стихи. Мы ведь и человеческие качества всегда оцениваем. Я от Толи никогда не слышала ни одного плохого слова о ком-то. Есть в нашем городе поэты – и замечательно. Есть у него друзья – высший сорт. Для него как будто бы большое наслаждение – общение с любым человеком. Он находит плюсы в каждом человеке и живёт этими плюсами. Для него минусов не существует. И поэтому невозможно к нему иначе относиться...

Т.А. Эйхман, врач, литератор, поэт:

– С Толей я познакомилась не тогда, когда была маленькая. Хотя у бабушки в Теньковке бывала часто. Потом, когда мы уже познакомились, он рассказывал, что знал моих дядю, тётю, знал моих бабушку, дедушку.

Голос А. Чеснокова:

– И отца!

– И папу моего знал. И мама моя его лечила.

Я думаю, что этот необычно чистый воздух Теньковки, туда не долетает пыль с московского тракта... И туда не добирается вот этот запах городской. Из-за того, что он впитал этот воздух в раннем детстве и общался с этой русской природой, потому он так необычно и рассказывает про неё. Ведь действительно, передать словами его стихи невозможно.

Когда с ним беседуешь, всегда удивляешься тому, как он хорошо знает классику. Он многое прочитал и прочувствовал, имеет свои суждения обо всём. Идёт в дырявых ботинках, а в голове вечные вещи...

Н.В. Марянин, журналист, поэт:

– Сколько знаю Чеснокова, не устаю удивляться. При такой беспыльной жизни так талантливо писать стихи... Я давно пытался понять, как это у него получается. Если бы я (по моему организму) вёл такой образ жизни, то я бы давно почил в бозе. А во-вторых, чтобы в таком состоянии что-то писать, у меня не получается.

Когда Толя работал у нас в газете «Град Симбирск» ночным сторожем, года два он совсем не пил. И стихов не писал – как отрезало. За эти два года он не написал ни одной хорошей строчки. И тогда я понял, что хмель – это муза его. И вот когда муза его опять начала в него вселиваться, он снова начал писать.

...Есть у него, на мой взгляд, несколько совершенно гениальных стихов...

Я – ЧЕЛОВЕК

Я – человек,
во мне живут века,
Из прошлого –
бегущая
река.
Я – древний Рим,
библейский Вавилон,
Я пробный камень будущих времён.
Я брат издревле
солнцу и воде,
Я враг несчастью,
горю
и беде.
Я кровный брат
деревьев,
звёзд,
ветров,
Птиц быстрокрылых,
дальних облаков.
Я –
клинопись шумеров
и санскрит.
Я – Данте,
Циолковский,
Еврипид.
Я –
память всех
убитых на войне,
Во мне звучит история,
именем Карамзина
во мне.
Во мне кричат Дахау,
Ленинград –
Я вырвался
из тысячи блокад.

Я выжил,
несмотря
на глад и мор
Содомов миллионов
и Гоморр.
Я мудр,
как змий,
и хрупок,
как стекло.
О, сколько тайн
Сквозь мозг мой
протекло!
Я буду жить,
творить,
я – не умру.
И жизнь моя,
как знамя на ветру.
Я –
мысль Толстого,
Тютчева строка,
Из будущего –
светлая река.

1988

Кишинёв

Из дневника Составителя

«Я принадлежу к русской культуре, я знаю себя её частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет.

...Я верю, что вернусь; поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге... В любом случае, даже если моему народу не нужно моё тело, душа моя ему ещё пригодится».

(Из письма Иосифа Бродского Леониду Брежневу перед тем, как поэт навсегда покинул СССР).

«Прямая речь» – новая книга стихов Карсунского поэта, нашего земляка из Теньковки, Анатолия Чеснокова.

Некоторые размышления, вынесенные из прочтения её и встречи с автором...

«...Он появился из колючего, со стеклянными оспинами снегопада, из метельной позёмки внезапно. В коричневой маломерной шубейке, в нелепом по этой погоде, чёрном вязаном колпаке-шапочке, натянутой на самые уши, с выбивающимся блёкло-сизым уныло повисшим чубом. Губы оттопырены. Нос издаёт сильные, простуженные всхлипы:

– Ба, Чесноков из Чесноковки (Теньковки). Нигде от тебя не скрыться: ни в России, ни в Карсуне, ни на работе, ни душой – ни сердцем. Говори, только побыстрее (час рабочий, подъехал генеральный «генерал» из Москвы).

Знаю, если Чесноков начнёт говорить, то разведёт – три недели не выслушаешь.

– Где? Откуда? Как?

Голос его трубой иерехонской простуженной – на весь Карсун. Язык без костей – ни минуты покоя. Мысли – обгоняют слова. В своих стихах он экономичнее, проще, доступнее – слово в строке не покачнёшь.

– Приехал, – начинает он, – к Чубарову (глава Карсунского района – ред.), денег на книгу просить.

– Много надо? – интересуюсь я, зная, что ему «стукнуло» пятьдесят. Время подводить итоги, а «в поле, да и в жизни его поэтовой и конь не валялся».

– Да нет. Три с половиной тысячи...

Так мало и так, для настоящего времени, много. Обнищал народ и душой, и телом. За такие стихи? Но где вы видели в России поэта богатого? Хотя, чтоб стать россий-

ским поэтом, хранителем души народной, прожить по нашим меркам жизнь надо бесконечно длинную. «В своём Отечестве пророков нет». Обычно после смерти скажут: «Куда это современники смотрели? Такие стихи – всероссийского значения не оценили. Бедность? Нет! Нищета души». Но это потом, как нашему же земляку Николаю Благову, лауреату высшей российской литературной премии им. А.М. Горького не при жизни, а после будут торопиться воздать должное, создавая музей, больше восхваляя и выпячивая себя, замуровывая душу в пантеон мёртвого...

При жизни у Чеснокова всё проще и прозаичнее: стопка помятой бумаги, исписанная ровным красивым почерком, грамотно и красиво оформленная. Черновики? О, нет – устоявшиеся мысли.

Видели бы вы его черновики. Строки написаны вкривь и вкось, вдоль и поперёк листа, на полях, на обороте, на чёрт знает какой бумаге: газете, обёртках от печенья, картоне, обрывках мусора и т.д. и т.п. Исчерканные, мятые, промасленные, пахнущие рыбой и волей. Хаос мыслей, мир звуков, образов. Нарисованные на бегу: в фойе ресторана под гвалт и хохот публики, в камере милиции, в травяном цветистом окружении лугов и перелесков, на одинокой и пыльной, а то и вьюжной дороге. Стихия стихов и образов. Обрывки, отрывки жизни.

«Потерям счёта нет», – иногда отбираю у него и перепечатаваю.

– Зачем? – спрашивает.

– Для потомков, музеев, истории, – смеюсь я, – нас не будет – душа останется. Наша душа. Душа нашего времени. Неохотно отдаёт, осознавая то, что 99% написанного – потеряет.

– Давно издать надо, – говорил ему Николай Благов, хотя (вот наша русская действительность) напечатал очень мало.

Надо бы, но «рад бы в рай – деньги не пускают...»
Хотя талант не пропьёшь и не зароешь. И я нахожу его «обрывки», часть стихотворений, в «Карамзинском саду», в «Мономахе», в «Беседке муз», в журналах теперь уже зарубежной Молдовы. Разбросаны они по газетам и журналам Москвы, Прибалтики, Заполярья и, что самое отрадное, в местных газетах, а благодаря помощи и поддержке районной администрации издана в нашем районе, в районной типографии, его книга. И вот сейчас я вижу вторую книгу поэта – «Прямая речь». Книжка, прямо скажем, аляповато оформленная, со множеством помарок и ошибок, пропусков и повторов. Обычное «самиздатовское, провинциальное» издание. Но это – стихи. Самоцвет в нищенском облачении. Современная классика. Множество рефренов – повторов, «шелухи», наносного, иногда газетного хлама. Но, как самородок нуждается в огранке, оправе, то и золото истинных строк выглядит на этом фоне выпуклее и весомее.

Это в самом деле, – прямая речь, – с читателем, собеседником, товарищем: с соседом, шаблом¹¹, приятелем. Живого – с вечно живым, души – с душой, сердца – с сердцем. Трогательный, немного грустноватый, иногда ёрнический разговор Поэта – с окружающим миром, Россией, Землёй, Вселенной. Недосказанное в прямом разговоре – ложится строками посвящений. Это обобщающий всю нашу жизнь и нашу обитель умный, светлый, доверительный диалог.

– Стихи не «пишутся», – говорит Анатолий. – Невозможно научить «писать» стихи. Научить можно стихосложению, построению графики стихов, общим и призрачным закономерностям. Стихи не «тело», а душа – настрой на другие, созвучные Вселенной души. Делячество в стихах – «рифмованная проза».

11 Шабр (диал.) – сосед (прим. ред.).

Не любит Чесноков и «датские стихи», т.е. написанные по заказу, к определённым датам, на потребу публики и редакторам.

– Стихи не пишутся – они слагаются: из шёпота и рокота трав и людей, отрывков фраз, звуков, образов – невнятной прелести Природы. Они, как сон, как обрывки дыхания: неясные, ласковые, тягучие, манящие в неведомое. Не успел записать – раздуло ветром. Не собрать. Иногда они надоедливо стучатся в сердце, – пока не выпустишь на волю бумаги. Будут больно колотиться фразой, словом, ритмом, недосказанностью...

– Стихотворение, – повторяет Чесноков, – тогда становится настоящим, когда своим внушением, ритмом, звуком, музыкой и даже особым привкусом воздействуешь на подсознание читающего, вызывая созвучие и ответную положительную ауру (энергетику). Всё это должен в своих строках передать автор. Злобно-ненавидящий человек, завистливый, с дрянной душонкой не в состоянии написать и создать хорошего, светлого.

– Скажу кратко, Вольдемар, – продолжает Анатолий, – прочти эту книгу и начертай мне отзыв...

– Напишу непременно, – отвечаю я. А сам думаю: лучше, чем в строчках этой книги едва ли что скажешь, тем более после строк замечательного поэта и прозаика Ольги Шейпак: «...Белый парус рубахи (Чеснокова) растворяется в морозной дымке, а я остаюсь, как вкопанная, на полпути к дому. Уже не манит тепло уютных комнат – я ловлю себя на мысли, что завидую бездомному Чеснокову, вечному скитальцу. Уйдёт в землю мой прах, погребут прах наших друзей, а свободно реющий парус поэта будет плыть и плыть по России (...)»

Пишу отзыв: если Вечность – это миг чудесного, которому не суждено умереть, то вечное – рядом. Оно в тебе, во мне, в окружающем нас мире...».

*Владимир Селянкин
«Карсунский вестник», декабрь 2001*

НА РОДИНЕ ХУДОЖНИКА А. ПЛАСТОВА

Вечерет. В округе – тихо.
Ждёт природа спокойных снов.
Здравствуй, русская Прислониха –
Деревенька среди лесов!
Здесь так ярко и так торжественно
В сентябре золотятся леса.
И природа, как юная женщина,
И сияет небес краса.
И родная Аркадию Пластову,
Как пейзажи его картин,
Средневолжская осень властвует
В тишине золотых равнин.
Здесь хватало – и счастья, и лиха,
Здесь не нужно пустяшных слов.
Здравствуй, русская Прислониха –
Деревенька среди лесов!

Геннадий Дёмин, член Союза писателей России:

«Если бы не было у Анатолия эдакой широты души, размаха, удали, не был бы он поэтом, человеком своеобразным, неординарным.

И пусть порой его строки, как и его иные поступки, не вписываются в представления большинства об общественных нормах, но мы должны не забывать: мысли поэта негоже причёсывать, да будет он самим собой!»

«Ульяновская правда», 25.10.2001

Наступают холода.
Улетают птицы...
Я любил бы вас всегда,
Праздничные лица.

Только лица на пути
Праздничны не очень:
Снова вьюги впереди,
Сумрачная осень.

И грустит в реке вода.
Ветер стужей злится.
Наступают холода.
Улетают птицы.

1995

Теньковка

**Из архива Составителя
Записка, которую какой-то человек
принёс в Дом Советов.**

Гена! Я сломал ногу левую (закрытый перелом) 12.01.2002 г. и нахожусь в 3-й травматологии (3 этаж, старый корпус) на Рылеева.

Если будет возможность, то заедьте. Привезите что-нибудь почитать из худ. лит-ры и сигарет. Сообщите обо мне: О. Шейпак, В. Ойкиной, Алле Сироткиной (гост. «Советская», «Аглая», 2 этаж), Св. Матлиной – Союз писателей.

Пусть они придут. Здесь я, по всей вероятности, буду долго – месяца два.

С уважением, Анатолий Чесноков.

15.01.2002 г.

**Ольга Шейпак, литератор, главный редактор
журнала «Мономах»:**

– В 2002 году его избили подростки, переломали ноги. Толя попал в БСМП на полтора месяца, и мы бегали к нему в больницу по 2-3 раза в день, поток посетителей был бесконечный. Больные с разных отделений ходили смотреть: что за гений лежит, о котором весь город беспокоится?

С ним в палате лежал какой-то ульяновский предприниматель – со сломанным позвоночником. Он, помню, не скрывал своего раздражения: «Лежит какой-то бомж и к нему – красавицы всего города. А я за свою жизнь столько баб озолотил, и ко мне, кроме жены, ни одна сука не ходит...».

Потом из больницы на автовокзал Толю отвозила чёрная «Волга» – Законодательное Собрание машину дало.

Пусть стужей дышит ветер,
И скоро – снегу лечь,
Я затоплю под вечер
В родной деревне печь.

И вспыхнут враз поленья,
Теплом обдув меня.
Забыв тревог сомненья,
Я слушаю с волнением
Цветную речь огня.

И пламя захохочет
В ночи – до самых звёзд,
Словно нарядный кочет,
Распустит жаркий хвост.

Пусть кружатся снежинки,
Пусть лютый вихрь пурги, –
В душе поют смешинки
От радуги-дуги.

Ведь золотое слово
И пламенную речь
Мне подарила снова
В деревне нашей печь.

1995

Теньковка

Из записок Составителя

При губернаторе Шаманове я лишился своего детища – Объединённого корпункта по Ульяновской области. С горсткой верных коллег учредили своё средство массовой информации – информационное агентство «Ульяновский корпункт», продолжали работать на «Радио России» и радио «Маяк». Встали в жёсткую оппозицию к тогдашней областной власти. Моя статья «Зиц-губернатор Фунт» наделала много шума и была удостоена 500-тысячного судебного иска от г-на Шаманова. Моя семья узнала, что такое нужда.

Толя Чесноков никогда не лез в политику, но прекрасно понимал суть происходящего. В свой юбилейный сборник он поместил стихотворение «Надейся!» и посвятил его мне. Близкая коллега сказала: «Это же как молитва, а Толя – святой. Вырежь, вложи в записную книжку и носи с собой как оберег». Я так и сделал.

В те дни как раз был жёсткий момент. Я не мог дать утром сыну 10 рублей, чтобы он купил в школе пирожок. А однажды, уходя на работу, я оставил на кухне записку: «В доме денег нет».

Во время монтажа на радио поделился всем этим со звукоинженером Мишей Колесовым. Он мне посочувствовал, а потом сказал: «Зато тебе такие стихи посвящают».

Геннадью Дёмочкину Карамзина

НАДЕЙСЯ!

Среди самолётов последнего рейса,
Среди газетёнок бульварного толка,

В которых – брехня, а вся правда умолкла –
Надейся!
В скитаньях дорожных, раздумьях тревожных
И в ритмах певучего рельса,
В ночах осторожных, в проблемах – пусть сложных –
Надейся!
Среди сталактитов – остатков культуры –
Соборов – и Пскова, и Реймса,
Где сгнули прошлых веков трубадуры, –
Надейся!
Среди кривотолков, шумихи и версий,
Красивых метафор, слащавых инверсий,
Разгула чернухи, порнухи и зверства
Ты в светлых мечтах никогда не изверься –
Надейся!
Ты встань – выше этого, прочей бодяги,
Ты песней отважною – взвейся!
Распустят деревья зелёные флаги –
Надейся!
В пустынях разлуки тоскою упейся,
Не видя любимого фэйса,*
(Забудь детективы из Чейза),
Мечтай о любви, в лютой стуже – согрейся! –
Надейся!
Средь сербской беды и чеченского ада,
Средь братской резни и сплошного лакейства,
Мышиной возни и цветов фарисейства,
Где дружба и мир снова дышат на ладан, –
Не плачь, дорогая Россия, не надо!
Надейся!
Пусть вновь застилает кровавою мглою
Мечты, словно оптику Цейса,
Но вера, любовь и надежда – с тобою!
Надейся!

* Орфография этого неологизма в начале 2000-х ещё не устоялась.
Сегодня предпочтительнее написание «фейс» (прим. ред.)

Пусть кровью окрасились сербские реки,
Пусть НАТОвское лицедейство,
Вселенский бедлам, и кошмар, и злодейство,
Но вера – одна, навсегда – в Человека!
Надейся!
...Минуты последние – время расстрела.
Команды: «Готовься! Прицелься!...»
Ты встань в полный рост, горделиво и смело ...
Надейся!

Из дневника Составителя

11 февраля 2002 года. Получил по пейджеру: «Цитата дня: «Кто-нибудь всегда смотрит из-за твоего плеча, как ты пишешь. Мать, Учитель, Шекспир и Бог».
Поль Жеральди.

6 марта 2002 года. Сегодня Ольга Шейнак подарила мне фразу из Марины Цветаевой:
Душа всё время растёт,
Особенно от потерь...

17 апреля 2002 года. Едем в командировку в Карсун отдохнуть душой и попросить денег, чтобы дотянуть до мая.

Посещение автовокзального туалета навеяло мысль о том, как медленно меняется менталитет народа. Представил себе, что и 10, и 20 лет назад всё здесь было так же: грязь, вонь и сельские люди с сумками. Наверное, так было и 30 лет назад.

Чтобы что-то менялось к лучшему, страна (и область, конечно, тоже) должны быть на подъёме. А если всё вот так рухнет и валится, то от резкого падения нравов спасает опять же инерция менталитета.

Те, на кого мы рассчитывали, денег не дали.

Зато добрые люди в Сухом Карсуне положили в дорогу лука и копчёного сала.

Июнь 2002 года. *«Если мне скажут, что завтра наступит конец света, то ещё сегодня я посадил бы дерево». Мартин Лютер.*

19 июня 2002 года. *Ездили на машине по маршруту Карсун-Теньковка-Языково. Навещали Анатолия Чеснокова. Хотели застать его в родном селе, а нашли в Языковской больнице. Трезвый, смиренный и ужасно грустный – со сломанной и обожжённой ногой.*

Я передал ему от Светланы Матлиной привет и список документов, необходимых для вступления в Союз писателей России. Светлана напутствовала: «Вступит в Союз – хоть какая-то пенсия будет. А то он – совсем неприкаянный. А старость – не за горами».

Ноябрь 2002 года. *Поэтесса Лариса Рубальская вывела свою формулу счастья: «Это когда есть, кого кормить, и есть, чем кормить».*

5 ноября 2002 года. *Сегодня на меня внезапно обрушилась довольно приличная сумма денег. Решил наконец-то заняться своим гардеробом. Вошёл в «Симбирский привоз» и минут через сорок снова стоял на улице, одетый во всё новое: костюм, водолазку, ботинки. Вспомнился расхожий сюжет многих фильмов: бомжеватого вида человек попадает с деньгами в универмаг и враз преображается...*

Ощущение от модной и добротной одежды, безусловно, приятное. Но вот о чём я подумал: в благополучной стране ни еда, ни одежда, ни политика не вызывают такого ажиотажа, как у нас. Чего, собственно, беспокоится, когда кругом порядок и достаток?

Человек вообще не за тем рождается, что-

бы с утра до вечера думать о пропитании семьи, комплексовать по поводу тряпок или бегать на демонстрации. Человек, мне кажется, рождается для того, чтобы что-то построить, создать, изобрести. Чтобы учить, лечить, рисовать, познавать себя и окружающее. Чтобы смотреть, наконец, на огонь и на звёздное небо...

Вот только я что-то не слышал, что преуспевающие американцы отличаются большой образованностью и в массовом порядке занимаются творчеством. Видимо, слишком хорошо – тоже нехорошо.

7 апреля 2003 года. Я в Москве. Пригласили на семинар Фонда защиты гласности. Приехал на когда-то любимый Арбат. Здесь и в 90-е годы цены уже кусались, ну, а сейчас просто смертельно опасны. Вспомнилось чувство, которое я болезненно ощутил прошлым летом в Сочи: бедняк на празднике жизни богатых.

...Иду по Арбату, хочу выпить чашку варёного кофе (слава Богу, в гостинице я перекусил за... 120 рублей). Кругом кафе, рестораны, красивые, дорогие. И вот то, что надо – кофейня «Шоколадница». Картина с пушкинской физиономией при входе, шляпу снимает, приветствует... Сажусь, приносят меню – всё от 100 рублей. Нет, не всё, мой любимый кофе по-восточному (без прикамбасов) 60 рублей. Заказываю чашку и ещё бокал вина. Вот и прожиточный дневной минимум для всей нашей семьи. Приятного аппетита, Гена. А сказать, например, своим друзьям из Сухого Карсуна, что я попил кофе на 150 рублей, и вовсе не решился бы. Ольга, с месячным окладом в 500 рублей, могла бы запросто прибить меня подвойником. И я бы её понял.

...А ведь в 80-е, даже с тогдашними скромными зарплатами, мы кое-что могли себе в Москве позволить.

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Я знал у Чеснокова четыре стадии. Первая стадия – когда он совсем не пил. Он ходит мрачный, ни с кем не разговаривает. Если о чём-то спросишь, он только буркнет и всё. В этой стадии он меня называл «Николай».

Вторая стадия. Он в лёгком подпитии, он весёлый, шутит на все стороны и ко мне обращается так: «Николя!»

Третья стадия, когда он уже очень «хороший», когда начинает нести всякую околесицу и тут же хохотать над ней, хоть там абсолютно не смешно. И ко мне он в этой стадии обращается только так: «Коля Марьянович!»

Ну, и четвёртая стадия – это уже совсем... Когда он сидит... изо рта и носа всё течёт... И он только выдаёт междометия...

Осень... Леса и холмы,
Сонные, в рыжей печали.
Белая лодка зимы
К берегу скоро причалит.
Меркнет в руках городьбы
Свет от цветка – как огарок...

Снежная нежность судьбы
Выпадет нам, как подарок.
Смотрим с надеждою мы
В жизненный сумрак

так пристально –

Белая лодка зимы
К нашей причалила пристани.
Рыжая прядь камыша
Утром – серебряно-пегая...
Замолодела душа

Из записок Составителя
В октябре 2003 года мы с друзьями поехали в Теньковку навестить Толю. За рулём своей машины был Александр Обмелюхин, ещё были Ольга Шейпак и Тамара Еперина.

Застали Толю в родительском доме, где он жил один. Мы знали, что он «в завязке», но денег ему давать нельзя, поэтому привезли с собой всё в «натуре»: продукты, какую-то одежду, бумагу, ручки. Думали, что он «взялся за ум и вдохновенно творит» – только успевай подвозить ему свежую бумагу.

Оказалось, он не делает ни того, ни другого, то есть и не пьёт, и не пишет. И вообще какой-то «не Толя»: молчаливый, стеснительный, как пришибленный. Пытались его как-то расшевелить, расспрашивали о планах, о замыслах – в ответ только какое-то неопределённое «мычание».

Так мы ничего от него и не добились. Сходили недалеко в лес, он показывал нам какие-то свои места, я пытался его фотографировать, но ни одного по-настоящему удачного кадра тоже не получилось. Честно говоря, тошно было на него смотреть. И это не только моё впечатление. На обратном пути мнение сформировалось общее: лучше бы он пил!

Во время той поездки в Теньковку я по своей неистребимой привычке попросился на чердак Толиного родительского дома. Он поднялся вместе со мной, и мы там наткнулись на старинную прялку, самую простую – две доски под прямым углом.

Толя сказал, что это от бабушки и мать ещё пряла. Я (простой уральский паренёк) попросил её в подарок. Толя очень легко и как-то радостно отдал. Знал, что я такие вещи очень

ценю, люблю держать на работе, и вообще он ко мне хорошо относился.

...Год или два эта прялка стояла у нас в корпункте в гостинице «Советская». А потом меня пригласили на юбилей З.А. Измайловой, директора фабрики «Русь». Чем можно было удивить состоятельного, много чего повидавшего человека? Только каким-то эксклюзивом. Вот я и явился с плоским свёртком в подарочной бумаге. Когда вышел поздравлять, бумагу порвал, одну доску вставил в другую и рассказал историю этой прялки. Прочитал моё любимое Толкино стихотворение «Зелёным дымом занавесились» и предложил этот экспонат положить в основу музея бывшей трикотажной фабрики КИМ, эвакуированной сюда в 41-м из Витебска.

Юбилярша сказала, что мысль о музее давно у неё созрела и с удовольствием приняла подарок.

Вздогнет осенняя ветка,
И застучится в окно.
Голос октябрьского ветра...
Мы не встречались давно.
Ночью в далёком селеньи
В старой крестьянской избе
В печку сложу я поленья,
Память зажгу о тебе.
Пламя поёт, догорая,
Песни ночного огня...
Здравствуй, моя дорогая!
Ты не забыла меня?
Как мы встречаемся редко.
Или тебе всё равно?
Памяти горькая ветка
Плачет в ночное окно.

Как одиноко листья летят
С ветром – далече.
Осень нахмурила серый свой взгляд.
Сумрачный вечер.
Лишь на закате – мерцающий свет.
Осень...
Разлука...
С грустью смотрю на забытый портрет.
В сердце – разруха.
Листья летят средь просторов полей
В воздухе рея...
Что ты наделала с жизнью моей?
Вспомни скорее!

**Светлана Матлина,
член Союза писателей России:**

«Анатолий обладал хваткой в деле своей жизни, какой можно позавидовать. Прекрасно разбирался в современных литературных течениях и творчестве современников. Мы часто беседовали на эту тему. Его самого, к примеру, характеризовали как последователя крестьянской поэзии, продолжателя тропы Есенина, Рубцова. И сам он говорил: «Я – крестьянин, мои корни – в Теньковской земле! Я её люблю, и она меня любит!». А когда разговор коснулся творчества недавно ушедшего Юрия Кузнецова, гениального, на мой взгляд, поэта, Чесноков произнёс: «Да, конечно же, Кузнецов намного глубже и сильнее Рубцова. За ним – будущее, а пространство крестьянской поэзии исхожено, выработано».

Не любил раскрываться всем, и при этом казался рубахой-парнем, рядился в маску шута-балагура. Может быть, потому что поэзия – дело жестокое, незащищённое. Бывали и годы мучительного молчания, и ужасающего неверия в себя. Часто переделывал уже созданное и изданное,

стремясь к совершенству. И стихотворения Чеснокова естественны, как дыхание, и дышат они любовью к родине, к женщине, к матери на холме, провожающей сына в путь, пропитаны нежностью к рощам и лугам, озерцам и речкам, ценны искренностью и сильными движениями души, добры и отзывчивы на ласку или боль, высоки в своих порывах, понятны и близки каждому.

Некоторые литераторы восторгались его образом жизни: «Так надо жить поэту! Легко, без забот, ничем не обременён, только стихи, раз! – и напишет». Нет. Так нельзя жить поэту. Да, собственно, кто мешает? Испытайте на собственной шкуре... «Там человек сгорел», а вы и не видели. Такую дорогую цену заплатил «счастья бедный птицелов» за своё призвание. Как он сам сказал мне со слезами на глазах в последнюю встречу: «Поэзия? – Я всё ей отдал, всё, – до медного гроша!»

«Карамзинский сад», № 1-2, 2010

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Толя бродяжничал последние двадцать с лишним лет жизни. Свою предпоследнюю зиму прожил в огромной трубе-коллекторе под Симбирском. Грелись у костра, а бомжи с удовольствием слушали его стихи.

ВЛАДИМИРУ СЕЛЯНКИНУ

Как живешь, мой друг, мой брат?
Встречи наши – очень редки.
Ярким пламенем объят,
Заалелся куст ранетки
В огороде у соседки.

И зарделся маком дуб
У речной лесной долины,

Молодецки сдвинув чуб
К розовым устам калины.

И густеет синева,
И трава роняет семя.
Осень мудрая права –
Зрелости приходит время.

Эй, братан, не хмурь ты бровь –
И минуты нет для грусти:
То картошка, то морковь,
И пора рубить капусту.

Снова слышен за версту
Ключ в гусиных разговорах.
Осень с пламенем во рту
Раздувает листьев ворох.

И лучистей в сотах мёд,
Как в душе сентябрьской – песня.
Светлых мыслей хоровод
В день погожий, бабьелетний.

Паутины чехарда,
Серебра – до удивленья!
Осень дарит, как всегда,
Лучшие стихотворенья.

Лет, возможно, через пять
Мы уйдём в родную землю...
Так поля в росе блестят,
Так былинно ивы дремлют!

Нам отсыплет, словно встарь,
Полновесно, непустое,

Рыжий удалец – сентябрь –
Звонко слово золотое.

Наши встречи в сентябре
Над родимую рекою
Отзовутся на заре
Словом, песнею, строкою.

Пусть насыплет в закрома
Осень полновесных зёрен.
Впереди – мороз, зима...
Так мужай, стрелецкий корень!

Пусть тернист, неровен путь
Нашей Родины,
Но снова
Нас к другой – не повернуть!
Ей – и песня наша, слово.

Мы с тобою – не враги,
На друзей – не точим лезвия.
Вот такие пироги! –
Пусть живёт в сердцах –
Поэзия!

...Листья – золотой наряд –
Не вернуть осенней ветке...
Так живи, твори, мой брат,
Полыхай огнём ранетки.

Из записок Составителя

Рассказывали, как Толя зарабатывал себе на хлеб. Кто-то его видел на рынке, в мясном павильоне он тащил на плече половину свиной туши. Кто-то привёл такой эпи-

зод. Толя помогал грузчикам издательства «Дом Печати». Рулоны бумажные они катали или ещё что-то в этом роде. Только когда мастер вышел во двор посмотреть, как идут дела, то увидел удивительную картину: грузчики мирно сидят, на чём пришлось, а Чесноков читает им стихи.

Владимиру Мигушову

КАПЛИ СОЛНЦА

Запечатало в соты лето,
Переполнив их мёдом всклень,
Капли августовского рассвета
И апрельский цветущий день –
С вешней музыкой деревень...
Ароматы, цветы душистые:
В них на венчиках спит роса,
Пряный запах лесной душицы,
И ручьёв, удивительно чистые,
Голубые, как небо, глаза,
Трели птичьи и голоса,
И цветение лип июня,
И полей золотое житьё,
И нарядное, юное-юное,
Средневожжское солнце моё.
В этих каплях – светят берёзы,
И сверкают июльские грозы,
И черёмух – кипенный смех,
Ярко-белый, пахучий снег.
Капли мёда – вы звуки музыки
Из Рахманинова, из Мусоргского...
Я глотаю капли янтарные –
О, божественная благодать! –
Знаю, знаю, в морозы январские,

Острожгучие и коварные,
Буду часто вас вспоминать.

P.S. Капли солнца –

Капли мёда –

Никогда не выйдут из моды.

1996

Теньковка

Из дневника Составителя

Чесноков достаёт своей начитанностью. Да ещё всё время «притыкает»: ты, мол, debil и недоучка. Иногда спрашиваю себя: а почему я в самом деле всего этого не прочёл? Вспоминаю универ, горы художественной литературы, которую надо было прочесть к очередной сессии. Если бы к этому относиться серьёзно и ответственно, можно было сойти с ума (о таких случаях мне рассказывали).

Понятно, как мы всё это прочитывали. Большинство произведений – в пересказе друзей (кто-то читает одно, кто-то другое).

Потом работа, женитьба, дети. Писал в газету и на радио, «служил», зарабатывал деньги для семьи, детей с женой поднимали. Хорошо Толику щеголять прочитанным. Как говорится, ни корней, ни ветвей. Гол как сокол и голова ни о чём не болит. Знай книжки читай...

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Ещё при жизни его на родине называли «карсунским Есениным», а сейчас, не стесняясь, называют «великим поэтом Теньковки» и ставят в один ряд со знаменитыми земляками – Языковым и Пластовым.

Я лично испытываю чувство, что остался ему должен.

И то, что я сейчас делаю, собирая на его сайте стихи Толи и стихи о нём, я будто бы отдаю этот долг. Хотя и при жизни я старался его публиковать в газетах и помогал, чем мог. Но при таком образе жизни, мы все понимаем, трудно было ему помогать. Он не нуждался ни в какой помощи. Он был выше всего этого.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Побережье.
Ветер в горле
У пролива –
плещет волны.
Нарастает постепенно
Песня ветра –
по ночам.
Свет в глазах твоих –
как море –
В блеске утреннем,
зелёном.
Волосы –
морская пена –
Расплескались по плечам.
Снова утро
в шумных глыбах
Беспокойных волн
искрится.
Крики чаек
торопливо
Улетают
за причал,
Где стремительно рыбой
С чешуёю серебристой
Солнце пляшет
в час отлива
На жаровне
рыжих скал.

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– Когда в последние годы он приезжал ко мне в Новоульяновск пьяным, были случаи, я говорил ему: «Толя, я не хочу тебя видеть такого». Хотя жена моя всегда его жалела и поддерживала.

Вот что он написал ей на одной из своих книг: «Дорогая Раиса Ивановна! Я помню Вас всегда, где бы я ни находился. Спасибо Вам за всё. С любовью, Ваш Анатолий Чесноков».

Из записок Составителя

Мы ведь Толю один раз уже хоронили. Вдруг пронёсся слух, что его убили: в Теньковке, в родительском доме, в пьяной драке. Помню, что весть эта никого тогда не удивила и не сильно расстроила. «Толя шёл на всех парах» именно к такой смерти.

Потом выяснилось: убили не Толю, а его брата. Анатолия тогда даже в Теньковке не было. Как принято в таких случаях, стали ему при встрече говорить: «Теперь сто лет проживёшь».

Я прошу тебя, сердце, не надо,
В эти хмурые дни серый дождь,
Золотые слова листопада
В моей памяти ты не тревожь.

Над судьбой облетевшего сада
Снова светит доверчивый взгляд.
Золотые слова листопада
Не вернуть, дорогая, назад.

Но, как прежде, на сердце отрада,
Словно осеней двадцать назад,
Золотые слова листопада
В моих песнях, волнуясь, летят.

Из дневника Составителя

5 апреля 2004 года. Позвонила Г. Эй-

хман из Карсуна с просьбой о Чеснокове. Сказала, что слушают мои последние сообщения по «Радио России» о кризисе в Ульяновске. «Дочка кричит: «Мама, тут Дёмочкин говорит! И так смело, ничего не боится!» А я отвечаю: «Должен же хоть кто-нибудь не бояться, раз все мы такие задавленные»...

12 июля 2004 года. Встретил на Гончаровке врача и поэтессу из Карсуна Татьяну Эйхман. Поздравила меня с выходом первого тома «Антологии», а потом как начала...

«В больнице не выдали ещё зарплату мая. Как же дальше жить? Вот у меня ребёнок в вуз поступает. Где я должна брать деньги? А ведь ко мне приходят больные, которым я хочу помочь. Несу тряпки, поношенную одежду из дома – некоторые доведены до такой нищеты, что и этому рады.

Мужик в селе получает 500 рублей в месяц. Ну как он не будет пить, если он приходит домой, а там дети разутые и голодные? Да он должен получать хотя бы три тысячи. А четвёртую стремиться зарабатывать. А ему начисляют 500 и то их не выплачивают».

24 декабря 2004 года. Вечер во Дворце книги по случаю 10-летия журнала «Мономах». Много гостей, много хороших слов. Татьяна Эйхман, поэтесса из Карсуна: «У нас сейчас

много неспаханых полей. Но их ещё можно будет вспахать. Гораздо труднее придётся, если сейчас не возделывать духовное поле».

13 марта 2005 года. Исторический анекдот о Пушкине.

Однажды увидев на Невском проспекте выпускника-лицеиста, Пушкин подошёл к нему и спросил: «Вы верно недавно выпущены из Лицея?». «Только что выпущен с прикомандированием к гвардейскому полку», – отвечал тот. – «А позвольте теперь Вас спросить, где Вы теперь служите?» – «Я числюсь по России», – был ответ поэта.

7 мая 2005 года. Поезд «Нижевартовск-Волгоград». Еду на Урал, к маме, на 9 мая (...) Стоял сейчас у вагонного окна, смотрел на проснувшуюся уральскую природу и подумал: даже если сейчас со мной что-то случится, будет уже не обидно. Всё у меня по большому счёту было: детство, молодость, здоровье, студенчество, любовь, отцовство, карьера, общественное признание. И даже если мой книжный проект остановится, то уже есть три книги, о которых большинство может только мечтать.

Так что каждый следующий день и каждый новый успех мне надо уже воспринимать как дополнительный подарок Судьбы и Небес.

Декабрь 2005 года. Я снова на родине, приехал на день рождения мамы и юбилей сестры Томи.

(...) Иду сегодня по улице, увидел мужика у теплотрассы. Бомжеватый, старый, больной. Склоняется над тёплым чугунным люком и прикладывает к нему.

У меня сердце сжалось. Почему-то пред-

ставилось, что это могу быть я. Вернувшийся после долгого отсутствия на родину, больной, безквартирный, несчастный...

Но сразу пришла твёрдая и спасительная мысль: зачем такая жизнь?

8 декабря 2005 года. Паскаль когда-то сказал: «Если из Франции уедут 80 человек, Франция станет страной идиотов».

9 апреля 2006 года. Журналист Игорь Яковенко сказал в передаче «Момент истины»: «В России нет граждан. Если человек не может ни на что повлиять, он перестаёт быть гражданином. Он окукливается в частной жизни».

Как это точно про нас.

Заварю я чай с душицей
Посреди январских вьюг:
Юность лета мне приснится,
В разноцветном платье луг.

Это платьице нарядное
В праздничные вечера
Надевала ненаглядная,
Кажется, ещё вчера.

Из записок Составителя

В декабре 2007 года в каминном зале Дворца книги отмечали моё 50-летие. Была довольно изысканная публика: друзья, близкие знакомые, а глянешь другим взглядом – культурная элита города и области.

«Фактор Чеснокова» присутствовал. На этот раз он был поручен Александру Обмелюхину и тот терпеливо нёс своё «послушание». Анатолий в тот вечер – кажется, он был трез-

 вый, но невыспавшийся – пригревшись в тёплом зале, почти всё время дремал. В какой-то момент проснувшись, попросил слова.

Он встал с изрядно потрёпанным томом моей «Антологии» в руках, с закладками на тех страницах, где опубликованы его стихи. Читать сам не стал, сказав, что «дикция у меня сегодня не та». Велел читать мне. Я прочёл – чётко, ясно, без лишнего пафоса.

Толя мне потом несколько раз говорил, как плохо я прочёл его стихи на своём юбилее. Но самое обидное то, что мой студенческий друг Саня Кирилин (специально приехавший на юбилей из Ижевска) тоже мне потом говорил: «Надо было всё-таки, чтобы читал сам Чесноков, у него бы получилось лучше».

Закончился вечер, банкет, гости разъехались, а Толе опять пойти было некуда. Пришлось мне, как виновнику торжества, пригласить его на ночёвку домой. А за завтраком мне пришлось в голову записать его монолог.

**Анатолий рассказывает
(диктофонная запись 8 декабря 2007 года
на кухне у Дёмочкиных):**

– И не сплю я по ночам. Я читаю Гумилёва. Меня спрашивают: какого Гумилёва, Николая что ли? «Послушай, далёко-далёко на озере Чад изысканный бродит жираф». Это я прочитал в первом классе. И многое ещё знаю из дяди Коли. А читаю я Льва Николаевича, его сына: «Хунну», «Хунны в Китае», «Открытие Хазарии», «Древняя Русь и Великая степь».

Почему Чингисхан приехал на Русь? По тем маршрутам, которые были известны тысячи лет до него. Дорога на Русь была. Это северный шёлковый путь. А южный

через Иран. Но Чингис воспользовался этими путями. Даже сохранилось от хазар два письма. Это примерно пятый век нашей эры. Как они писали письма? Молча написал и отправил с погонщиками верблюдов. Через два года письмо придёт в Испанию по великому шёлковому пути.

Лев Николаевич эти два письма цитирует. Они в Эскориале. Ты не знаешь, что такое Эскориал? Куда я попал? Темнота – друг молодёжи! Гена, Эскориал – это как у нас Эрмитаж. В Мадриде. Как Лувр во Франции.

Аль Прадо¹²! Я в Испании был вчера! Любому мозги запудрю.

Я тебя утомил? Говори сразу, Генрих Манн. (Смеётся).

*«Спит ковыль. Равнина дорогая.
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплынь...»
Сергей Есенин*

Полночь снежная такая.
Спит равнина дорогая.

За равниною – холмы,
Белоснежный пух зимы.

На холмах – деревья в инее
Воздух пьют, синее синего.

От Карсуна до Тагая
Полночь снежная такая.

¹² Эскориал – королевская резиденция, построенная при Филиппе II. Расположен вблизи местечка Сан Лоренсо, в 57 км от Мадрида. Национальный музей Дэль Прадо расположен в Мадриде (прим.ред.).

Синие метели розданы
Стороне моей берёзовой.

Полночь снежная. Луна.
Спит родная сторона.

В яркой снежно-нежной лунности
Так светло, как будто в юности.

Бубенцов далёких звоны
По Карсунскому району.

Здесь, на звонкой малой родине,
Все тропинки сердцем пройдены.

От Теньковки до Языкова
Ночь поёт, душевней Зыкиной.

Словно праздник за околлицей
С бубенцами, колокольцами.

От Языкова до Пластова
Ночь сверкает чудо-красками.

Серебристой снежной ласкою,
Разноцветной русской сказкою.

Ах, зима – закаты розовы,
Ты – боярыня Морозова.

От Карсуна до Тагая
Полночь – снежная такая.

1999
Карсун

Елена Кувшинникова, поэт:

– Он был настолько не такой, какими мы привыкли видеть людей в общепринятом смысле (общения, поведения)... С такими людьми действительно сложно. Эта его детскость в сочетании с его даром – это привлекало, притягивало. А вот эти неприкаянность и его образ жизни... Кто-то старался его просто избегать. Это, знаете, такое упражнение в милосердии.

В редакцию журнала «Мономах», где мы работали, он приходил всегда с открытой душой и непременно с каким-то цветочком, листочком, с радостной улыбкой...

С годами менялся его облик... Иногда становилось страшно за него. Бывало такое, мы выходили с ним в коридор, и я ему говорила: «Толя, посмотри на меня. Ты поэт, ты не бродяга. У тебя есть дом. Пиши стихи, это твоё призвание».

Я не знаю, вряд ли мои слова до него в тот момент доходили. Потому что он был тем, кем он был. И он прошёл свой путь, так, как ему было суждено.

Но почему-то мне хочется верить (очень хочется), что таких людей Бог любит, и он там, где сейчас светло. Это он заслужил всей своей счастливой горемычной жизнью.

Из записок Составителя

Толины приходы к нам домой настолько были всем нежелательны, что на любой грубый стук в дверь жена панически реагировала: «Чесноков!» Чаще всего это и в самом деле был он. Надо было что-то делать. Пару раз мы просто замирали и делали вид, что нас никого нет дома. Он ещё какое-то время стучал, что-то говорил своим басом, потом уходил.

Были случаи, когда он долго не уходил, я открывал дверь, давал ему деньги и просил уйти. Он уходил.

Однажды жена стояла на балконе и увидела, что к нашему подъезду подходит «никакой» Чесноков. Стал звонить в домофон, мы не открываем. Больше того, звоним тётушке жены, которая собиралась к нам в гости, и просим её: «Ты пока не выходи к нам, у нас Чесноков под дверью».

Понабирал он домофон ещё какое-то время и ушёл.

Однажды вечером мы ему открыли, он обрадовался как ребёнок, бросился мне на шею и... подогнул ноги. «Дитёнок» он был не маленький, при его росте и комплекции, килограммов, наверное, 90. Я ойкнул от боли в пояснице – к такому поэтическому озорству мой застарелый радикулит оказался явно не готов.

Иногда у меня возникало против него раздражение. Ну, в самом деле, чего мужик дурака валяет. Здоровый, по крайней мере здоровее меня (я при его образе жизни в две недели бы загнулся). И нам деньги с неба тоже не падают, иногда и вовсе тяжко достаются. А он придёт такой – олицетворение заброшенности и запущенности – рука сразу к кошельку тянется. Так и ходит от одного к другому – где у мужика гордость?

Но потом начинал думать про самого себя. А чем ты от Толика отличаешься? Он клянчит у друзей и знакомых, а ты клянчишь у директоров и бизнесменов. Разница, в общем, небольшая.

Иногда мне казалось, что у Толи ко мне было что-то сродни зависти. Я вот такой благополучный, при семье, при квартире, книги у меня выходят. А он при его таланте (он знал себе цену) влачит вот такое существование. И вроде я в чём-то виноват...

ЛУННЫЕ СНЕЖНЫЕ НОЧИ

«Где эти лунные ночи?»

Русская песня

В эти ночи – не уснуть:
Голубых снегов сиянье
Затопляет санный путь.
Над равнинами – молчанье.

Голубая тишина.
Отодвину занавеску:
Белоснежная страна
Распахнётся в лунном блеске.

Спит природа – ждёт весны.
Спит любимая, вздыхает.
В золотые её сны
Птицы вещие влетают.

Голубых полос волна,
Белая и золотая,
Расплескалась – так вольна –
По полям ночным, играя.

Дремлет кружево ветвей –
Чудо сказочных узоров.
Я весенних жду вестей.
Света, радости во взорах.

Я живу тобой одной
В этом лунном изобилье,
Вырастают за спиной,
Как у птиц, надежды крылья.

И пока мне – не уснуть.
Голубых снегов сиянье

Затопляет санный путь.
Над равнинами – молчанье.

Л. Евдокимовой

Весь в золоте солнца,
в загаре я
Вновь к родине сердцем прирос.
Луга здесь –
живые гербарии,
Здесь белое царство берёз.
Здесь снова,
волненьем объятый,
Хожу без тропинок меж трав,
Читая с утра до заката
Зелёную книгу дубрав.

22.07.2000

Теньковка

Из записок Составителя

Не забуду ту ночь, когда Толя ночевал у меня. Он пришёл вечером, часов уже в десять, была ранняя весна и ещё холодно. Замерзший, голодный. А я был дома один – жена уехала к дочке в Рязань.

Решил его накормить ужином, а потом чего-то так жалко его стало – предложил переночевать. Толя с радостью согласился. Я уж в последнее время не мог понять – когда он пьяный, а когда нет. Всегда такой «вздёрнутый», эпатажный, шумный, навязчивый. Собеседника не слушает, говорит, в основном, сам.

После ужина попросился в ванную, долго там плескался, потом оказалось, что перестирал половину своей одежды. Вышел такой радостный, деловитый, стал развешивать бельё на бата-

реи. Было уже поздно, у меня слипались глаза, а у него, казалось, только ещё всё начинается.

Он сказал, что ложиться не будет, а поработает на кухне. Выбрал из моей библиотеки какие-то книги, я ему принёс стопку бумаги и ручку, показал, как включается чайник. От кофе он отказался, сказал, что будет пить чай. Я вспомнил, как чифирил у нас Толя Бармин (пачка чая на кружку), подумал, что и Толя поведёт себя так же. Но нет, пил он чай нормальный, Татьяна Эйхман мне потом сказала, что сердце у него было как у молодого.

Я сказал, что иду спать и уже было улёгся, как вдруг на улице что-то страшно загрохотало. Именно страшно, такого шума я никогда здесь больше не слышал. Выскакиваю на лоджию, Толя уже там – смотрим, ничего не можем понять. Потом я предположил, что это что-то на ТЭЦ произошло – её с нашего балкона вдалеке видно.

Спал я тревожно, невольно прислушиваясь к тому, что делается на кухне. Толя не ложился всю ночь. (Мне потом сказали, что он вообще последнее время почти не спал). А утром такой же бодрый, как и вчера принялся готовить супчик, который я невольно назвал «змеиным». У него в мешке была банка рыбных консервов. Потом он в этот суп добавил картошку, луковицу, яйцо... Запах на кухне стоял...

Я по утрам привык к чашке кофе и паре бутербродов и от «супчика» вежливо отказался. А он с аппетитом поел, нахваливал и ещё пару раз предлагал мне всё же попробовать.

Дел у меня в городе никаких срочных не было, но всё же я стал собираться «по делам» – поскорее хотелось расстаться и с Толей, и с этими запахами...

 Он сказал, что поедет на областное радио к журналисту Александре Никитиной, она хочет сделать с ним передачу. Позвонил по телефону, она подтвердила, что ждёт его. Вышли вместе, я дал ему немного денег и посадил в маршрутку. Мне она тоже подходила, но я сказал, что буду ждать другого номера...

**Татьяна Эйхман, поэт,
врач Карсунской больницы:**

– Несколько лет назад в Теньковку приезжали Толины сёстры, и они помогли ему купить довольно крепенький дом. Он тогда работал ночным сторожем в школе. Учителя (они молодцы) помогли ему со всем необходимым: какая-то мебель, посуда, постельное бельё. Были у него и телевизор, холодильник, даже стиральная машина.

В родительском доме жил Толин брат – Николай, которого в этом доме и убили. Когда Толю спрашивали: «Вернёшься в родительский дом?», он отвечал: «Нет, там вы сделаете мой музей».

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– У него есть сын, он живёт в Ульяновске. Толя мне говорил, что они встречались, он помогал ему устраивать городскую прописку. Но никаких координат его нет, когда Анатолий погиб, сын на похороны не приехал.

Светлана Матлина, поэт:

– Я ему всё время говорила: «Толька, ну, ты хотя бы ради сына где-нибудь подзаработай. Ребёнок растёт, ему же помочь надо. На себя ты рукой махнул, ну, а сын-то...» Он молчал всё время. Начну говорить – молчит.

А потом Вася Коробков мне сказал: «Он, Света, гордый был, никому не говорил. Когда они поженились, она

уже беременная была и не от Толи». Так что теперь всё понятно становится.

*Посвящается Борису Фадину,
Тамаре Епериной – моим друзьям и землякам*

**ПОД СОСНАМИ АКШУАТА
ПОЭМА-ВЕРСИЯ
(отрывок)**

Нелирическое вступление

В селе Акшуат бывшего Карсунского уезда Симбирской губернии, в родовом поместье потомственных русских дворян Поливановых, бывал гениальный русский поэт М.Ю. Лермонтов, с одним из Поливановых, прекрасным рисовальщиком, юный Мишель Лермонтов учился в Юнкерской школе в Петербурге.

Автор поэмы выдвигает версию о возможности посещения Лермонтовым вместе с Поливановым Акшуата (...)

I

*Люблю Отчизну я,
но странную любовью...
М. Лермонтов. Родина
Выхожу один я на дорогу...
М. Лермонтов*

Не персоною нон-грата
Появляюсь здесь,
в родном краю.
И под соснами Акшуата
В размышлении постою.
Постою один,
при дороге.
Тихий вечер...
Закат...
Все надежды свои,
все тревоги

Доверяю тебе,
Акшuat!
И один я,
в эпоху зверскую,
На дорогу,
как встарь,
выхожу
И вот эту поэму – версию
Вам,
друзья,
предложу.
Здесь
читаю историю заново,
Средь российских
глухих снегов,
Родового гнезда
Поливановых,
Уходящую в даль веков.
Половину жизни истратив
На различные пустыки,
Я стою вот здесь,
в Акшuate,
И читаю вам эти стихи.
Только сосны со мной,
только сосны,
Словно думу поют,
не спят...
Вот какую уж зиму,
вёсну
Над тобою шумят,
Акшuat!
И, отринув сомненья
неверные,
От волнения закурю –
Эти сосны видели
Лермонтова –

НИИ

История и культуры

Н.М. Карамзина

Это точно я вам говорю.
А дорога спешит через даты
И не в Лондон,

и не в Париж,

Здесь,
под соснами Акшуата,
Вся –
в Россию,
через Барыш.

А дорога спешит через
дожди,
Через снег,
через хмаросей,
Чтобы шли по ней люди
и дожили
До счастливых,
солнечных дней.

Здесь,
по этой дороге
когда-то –
Только Родина –
высшая цель!
Приносился в бессмертье
крылато
С Поливановым –
юный Мишель.

Знаю,
видели здесь
и получше,

Покрасивее,
наверняка...

Только этого вот,
поручика,
Будут помнить –
века!

Он ПОРУЧИКОМ был
за Отчизну,
За её золотое житьё,
Всею яркой,
как пламя,
жизнью
Верил –
в будущее её!
И воскреснут вдруг
над полянами
У российского
у сельца
Речи юного Поливанова,
Мысли Лермонтова –
творца.
В днях –
и ясных,

и в днях туманных –
Помни вечно певца,
Акшут! –
Ведь любви не бывает
странной –
Если ты только ей и богат –
К этим людям,
дорогам,
соснам,
К деревенским
печальным огням,
К этим зимам
и к этим вёснам,
И к российским,
счастливым,
дням...

Только сосны со мной,
только сосны,

Восходит к небесам
вспоминаний дым.

Октябрь уж наступил...

И в белых колоннадах

Березовых лесов –

прощальный свет зари.

Коль не было любви –

так, значит,

и не надо!

Пропел,

в тоске больной,

Антонио Марадо¹³:

Любовь,

моя любовь,

со мной –

не говори!

Прости меня,

любовь!

Я по тебе –

тоскую,

Как птица –

по гнезду,

как странник –

по жилью.

А здесь,

в лесном краю,

вода в ручьях воркует.

Я отправляюсь в путь

по рыжему жнивью...

От финских

хладных скал

до Лены,

Енисея

¹³ Антонио Марадо – великий испанский певец 20-го века.

Всю жизнь любовь искал,
метаясь по стране.

Был юным,
молодым,
и вечно –
так рассеян! –
В столичной кутерьме
и в сельской тишине.

И вот опять –
один –
среди равнины голой,
А журавлей –
уж нет:
умчались
вдаль,
спеша...

И спят
в осеннем сне
и города,
и сёла...

Колючками любви
изранена душа.
В октябрьский
краткий час
вся жизнь –
летающий поезд.

Я убивал любовь,
спеша
всё время
вдаль...

Рыдаю
и смеюсь,
читая жизни повесть.

В ней:

горечь –
от потерь,
в ней –

радость,
в ней –
печаль.

Октябрь,
уже октябрь...
Как палую листву,
уносит время –
прочь.

И жизнь моя мрачна –
роман Агаты Кристи.

Из каждого куста
угрюмо смотрит ночь.

Октябрь уж наступил –
вновь молодеет Пушкин,
Стремительно летит
гусиное перо!

Октябрь,
идёт октябрь
по рощам,
по опушкам,

Где золото –
из листьев,
из льдинок –
серебро.

Октябрь,
пока октябрь,
и падают дождинки

На мглистые поля,
на сны осенних сёл,

Которые мутны,
как на старинном снимке.

Сбирает осень дождь
в зеленый свой подол.

Октябрь,
идет октябрь...
Отчетливей детали
Стволов,
ветвей
дерев,
чернеющих лесов,
Которые –
увы! –
так много растеряли,
Беспечно прокружась
в сентябрьском карнавале,
На вольный ветер –
слов.

Октябрь,
Октябрь,
Октябрь...
И над лесами –
Листья
летят,
срываясь с мест,
роями диких пчел.
И гулкий полумрак,
как в храме Негулисте¹⁴...
Давайте –
не вилить,
с ужимками,
по-лисьи,
Давайте жить,
друзья,
по-новому начнём!

¹⁴ Негулисте – католическая, затем лютеранская церковь XIII века в Таллинне, образец средневековой готики (прим. ред.).

... А в марте упадёт
в своем подъезде Листьев,
Сраженный,
как и встарь,
безжалостной рукой.

А листья
мчат вперед
стремительной рекой.
Пока еще октябрь,
недолог век блистанья,
Пылания рябин,
прощальных октябрин...

Задумайтесь и вы
в минуты покаянья
Под серой мглой небес
среди нагих равнин.

Вам не хватает ЧУВСТВ –
возьмите у Ван-Гога,

У Лермонтова –
МЫСЛЬ
возьмите вы –
взаймы.

И, выходя
вперёд,
в кремнистую дорогу

С молитвою –
в душе,
не забывая
БОГА,

Пытайтесь быть всегда,
старайтесь быть
ЛЮДЬМИ!

Стремитесь быть всегда
глубокими,
как реки,

Как Волга
или Дон,
и Лена,
Енисей...

Старайтесь сохранить
ВЕЛИЧЬЕ
В ЧЕЛОВЕКЕ,

Любому донести
тепло души своей.

Тепло души своей,
Где в душах –
мрак
и вьюга,
Где войны,
где раздор –
нет мира на Земле...

Уходит
вдаль
октябрь,
лишь светится округа,

И не видать вокруг
ни врага,
ни друга,

Рябиновой
свечой
мерцая
в полумгле.

Учитесь мудро жить
у каждого листочка,

У яблони –
в саду,
у птицы –
в небесах...

Октябрь,
Октябрь,
Октябрь...
Пусть золотую строчку

Подарят вам,
друзья,
осенние леса.
Пусть копится добро,
как в этих почках –
завяжь,
Пусть ветви на ветру
качают –
тишину...
Забудем,
ЛЮДИ,
злость,
вражду,
обман
и зависть,
Убийства,
грабежи,
разбой
и войну.
Октябрь,
ещё октябрь...
Сверкает утром в лужах
Среди лесных дорог
морозное стекло.
И снежный сон берёз
мне голову
закружит...
ПОЭЗИЯ,
ты –
жизнь,
святое ремесло,
Не покидай меня
отныне –
и навеки!
Я всё тебе отдал,
до медного гроша...

Октябрь,

уже октябрь...

Звереет

круче

рэкет,

Безмолвствует –

толпа

и студенеют –

реки,

Но бодрствует –

МЫСЛЬ,

в смятении –

ДУША.

Октябрьский краткий час.

Кремнистая дорога

Уводит в ночь полей,

всё время вдаль спеша,

А в сердце вновь растёт

извечная тревога,

И рвётся в небеса

печальная душа.

И вы

во мгле души

зажгите тихо свечку

За упокой души,

за счастье –

навсегда...

Пускай продлится жизнь!

Хоть безымянной речкой,

Но всё равно она –

пусть будет глубока!

Октябрь,

ещё октябрь...

И прах на огороде

Сжигаемой ботвы

уходит –

ввысь,

клубясь...

Давайте думать мы

поглубже

о НАРОДЕ,

С корнями старины

улавливая связь.

Пусть омуты зимы

завертят

и закружат,

Пусть в сердце –

лишь печаль –

ах, лето,

ты – ушло!..

Любите шум берёз

в глуши ветвистых кружев,

Октябрьских звонких луж

морозное стекло.

Так жалобно кричат,

прощаясь с нами,

птицы

В пустынных небесах

на утренней заре...

Октябрь,

ещё октябрь –

пусть время это длится,

Пусть холодок с утра:

предзимье на дворе.

Будь славен, мой октябрь!

Я в октябре родился

У месяца в конце,

под цифрой 25,

Как озимь

зеленей!

На белый свет
Пробился
С улыбкой на лице, –
так говорила мать.
Октябрь,
пока –
октябрь.
Давайте приниматься
За добрые дела,
не в ссорах,
не во зле.
Давайте
мы,
друзья,
всем сердцем прижиматься
К любимой –
навсегда! –
отеческой земле,
Пока еще октябрь.

2000-2009

Москва – Ульяновск –
Карсун – Теньковка

**Элеонора Денисова,
кандидат филологических наук:**

– О Чеснокове я много слышала, видела его иногда на каких-то литературных собраниях, читала его стихи в журналах. К стихам осталась равнодушна. (Я понимала, что это вполне приличные стихи, но они меня не трогали).

Его облик вызывал у меня отторжение, он мне казался просто непотребным. Наверное, поэтому я и к творчеству его относилась так... Отмахиваясь от него, не хотела иметь дело вообще ни с чем, что связано с Чесноковым. Он был совершенно чужая, чуждая, неприятная мне территория.

А вот его поэма «Пока ещё октябрь» меня тронула. Я впервые поняла, что это поэзия, что он поэт. Что в его душе жили и эта нежность, и эта глубина, эта ностальгия, высокие стремления, музыка...

Боже мой, как всё может ужиться в человеке! Просто потрясающе. Настолько эта поэма непохожа на то, что я представляла. Никогда бы не сказала, что это написал он. Поэма эта душу мою затронула...

**Александр Рассадин, литературовед,
доцент педагогического университета:**

– Чесноков – это поэт от Бога. Когда читаешь иную его строчку, между лопатками возникает холодок. И такое щемящее чувство – я так никогда не смогу. Тайна поэзии... Это умение вставить в традиционный контекст то единственное слово, которое бьёт наотмашь. И метафора у него развёрнута просто потрясающе.

Если говорить конкретно о поэме «Пока ещё октябрь», то это очень сильная вещь. Можно даже сказать, что это поэтическое завещание Анатолия Чеснокова.

Больно сознавать, но это всё-таки так: Чесноков остался в значительной степени нереализованным поэтом, потенциал его был гораздо мощнее. И в личностном плане: как человек – грандиозный, интересный. И как поэт – профессиональный во всех смыслах...

Из записок Составителя

Сцена, которую я наблюдал во Дворце книги. Толя прорывается в краеведческий отдел, пожилая вахтёрша его не пускает.

Он возмущается, громко и раздражённо спрашивает: «Почему?» Вахтёрша не простая, интеллигентная женщина, может быть, из учительниц.

Когда Чесноков в очередной раз восклица-

*ет «почему?», вахтёрша с чувством выдаёт:
«Да мыться же надо иногда!»*

Этот Толин запах, конечно... В отделе краеведения читатели жаловались сотрудникам: «После Чеснокова в зале невозможно находиться».

Я однажды из-за него простыл. Сажу за столом, работаю. Вижу боковым зрением – входит Толя. Общаться с ним совсем не хотелось, сейчас начнёт чего-нибудь горланить (тихо говорить он не умел), потом денег попросит, а я в последнее время сам почти всё время на мели...

В общем, загнул я голову так, чтобы лица моего было не видно. И так сидел, пока он бубнил чего-то сотруднице отдела. Она ему что-то вынесла, он ненадолго присел и вскоре, минут через 15, удалился.

В зале началось оживление, библиотекари мигом распахнули все форточки, двери, и разошлись в смежные залы. Была зима, я сидел за первым столом как раз напротив форточки. Надо было мне выйти и минут 20 погулять, но – не сообразил и на завтра имел полноценную простуду.

Хотел как-то при встрече попенять Толе: «Из-за тебя я простыл». Нет, ничего не сказал, конечно...

**Вера Матвеева, главный редактор
еженедельника «АиФ–Ульяновск»:**

– Когда я работала в «Ульяновской неделе», Чесноков периодически появлялся там пьяный, и, когда его начинали потихоньку вытеснять, он кричал на всю редакцию: «Матвеева, землячка, ты чего меня гонишь?! Дай мне рубль на дорогу!»

И последняя встреча с Толей – когда я к нему не смог-

ла подойти. Мы оказались в одном трамвае. Он был пьяный, грязный, в тулупе на голое тело и громко разговаривал со всем трамваем...

Валерий Кислинский, ветеран педагогического труда:

– В сентябре 2009 года Толя приезжал к нам в Вешкайму, где мы проходили лечение в профилактории. И он сказал моей жене, что пишет роман, что у него уже много записей.

О чём роман – не знаю, знаю, что он много лет собирал материал по истории Теньковки. Даже нашёл слова Маркса о Теньковке. И все эти материалы он за день до трагедии из школы забрал.

А ещё мне рассказали, что буквально накануне гибели он вернулся из Самарской области – съездил на родину своей матери.

Николай Марянин, поэт, краевед:

– В последний год в своей избушке в Теньковке Толя начал писать роман, а большую пачку рукописей новых стихов, которую он передал в местную школу (чтоб набрали на компьютере), буквально перед трагедией забрал у них для правки – ребята не успели ничего набрать.

Рукописи, к сожалению, на самом деле горят. В пожаре, в котором погиб Анатолий Чесноков, сгорело всё.

На самых разных встречах я говорю, что тоже сгорел в этом пламени вместе с поэтом, ведь там были и мои стихи, подаренные ему.

Татьяна Эйхман, поэт, врач Карсунской районной больницы:

– В феврале 2010 года мне позвонила редактор газеты «Карсунский вестник» Ольга Котельникова и сказала, что в редакции сейчас Анатолий Чесноков, и он собирается

идти ко мне. А у меня в эти дни готовилась к выходу книжечка стихов под названием «Мне стужа обжигает память». И я говорю: «Ой, не знаю, я хотела бежать в типографию, но ладно, я его буду ждать».

Сижу в поликлинике в своём кабинете – его нет и нет. Одеюсь, выхожу, в регистратуре сдаю ключи от кабинета, и в это время входит Толя. Оказалось, что он путешествует по Карсуну уже несколько дней, он не пьян. Два дня назад его привозила в больницу милиция (он где-то в общественном месте громко разговаривал), врачи его освидетельствовали – он был трезв. Ему даже предложили госпитализироваться в районную больницу (потому что в лёгких были хрипы), но он отказался, сказал, что у него много дел.

В этот день он пришёл как всегда возбуждённый (но одет, и шапка-ушанка на нём была) и говорит: «Я сейчас из типографии, вот, принёс твою книжку. Хотя они мне её и не давали... Тут же есть одно и мне посвящённое».

Был в хорошем настроении, смеялся («я сейчас был в редакции, а вчера гостил у Володи Селянкина, мы с ним разговаривали...»). Потом говорит: «Дай мне денег, я поеду в Теньковку». Я ему: «Толя, давай так: я вызываю такси, плачу водителю, и он тебя отвозит в Теньковку». – «Нет! Мне ещё нужно зайти кое-куда...». – «Толь, а может, тебе лучше в больницу лечь, видишь, ты подкашливаешь немножко...». – «Да нормально я себя чувствую...».

На шум вышел врач: «Кто это у нас тут буянит?» – «Это я, карсунский Есенин! Вы разве меня не знаете?» – «Да знаю-знаю...».

Говорю Толе: «Пойдём в магазин, я тебе куплю еду». – «Да что ты, да не надо, что ты думаешь, у меня дома ничего нет?» Вышли на улицу. Он спрашивает: «Ты мою поэму «Акшуат» прочитала?» – «Конечно, прочитала». – «А у меня её никто не хочет печатать.»

(А сейчас многие говорят: поэма-то – большого граж-

данского звучания. Но это сейчас, когда Толи уже нет. А когда он был жив, говорили: «Фу, как от него пахнет!»)

Дала я ему 50 рублей (до Теньковки доехать хватит), и мы расстались. (Больше я его никогда не видела.) А спустя два дня звонит моя знакомая и говорит: «Сейчас видела твоего друга Чеснокова. Он что, всё ещё в Карсуне?» Но шел он по направлению к автовокзалу. Видимо, круг замкнулся, он посетил всех, кого было можно, и уезжал в Теньковку.

Наверное, были люди, которые откровенно не любили Толю. Ну, конечно: шумный, грязный, придёт – его не вытолкаешь. Но у меня он всегда вызывал острое чувство жалости. И я сейчас себя виню в том, что не смогла тогда уговорить его лечь в больницу.

Из записок Составителя

Когда Толя был у нас в гостях в последний раз, он, уходя, прихватил пачку сигарет и дорожную зажигалку сына. Данила, не обнаружив памятной вещи, возмущился:

«Пап, да не пускай ты его больше!»
Я больше и не пустил. Приходил он ещё раз, я извинился и через дверь протянул ему сотню. Он вроде даже не обиделся, а обрадовался и ушёл.

Татьяна Эйхман:

– 8 марта 2010 года Толя обошёл в Теньковке знакомых, поздравлял женщин. Где-то его сажали за стол, где-то нет. Последний визит был к учительнице начальных классов. Они ему говорят: «Садись, покушаешь с нами. Давай пельмешки сейчас сварим». – «Нет, ты мне положи мороженых. Я вечером буду печку топить и сварю».

Работник клуба где-то полдвенадцатого ночи шёл мимо и видел, что Толя заносил в избу дрова и потом из трубы дымок появился. Потом проходил другой мужчина и уви-

дел, что из-под крыши выбиваются искорки. И он забил тревогу. Народ сбежался, вызвали пожарную машину, но она приехала без воды.

Николай Марянин, поэт, краевед:

– Соседский дед рассказал, что 8 марта Толя уже в шесть утра их разбудил, пришёл поздравлять бабушку с праздником. За день он к ним четыре раза навещался. И ко многим в селе в тот день приходил – кто рюмочку подаст, кто закусить чего. Вечером видели соседи, как он дрова домой заносил, подтопок собирался затопить. Избёнка у него небольшая была. В углу – телевизор. Стол, стулья, тумбочка, диван – всё было завалено книгами, бумагой, рукописями стихов. Свет ему в январе электрики отрезали за неуплату. Поэтому вечерами он сидел у открытой дверцы печки, греясь у огня, или спать ложился.

Перед этим две недели его не было в Теньковке. Говорили: уехал в Карсун, а оттуда в Самарскую область. Там в Чапаевске у него двоюродная сестра живёт. Вернулся весёлый, как всегда без шапки и в пальто нараспашку.

Первым пожар увидел завклубом, который возвращался домой в первом часу ночи. Сбежался к дому народ, но внутрь уже нельзя было зайти – пламя полыхало у двери и окон. Пытались закидать огонь снегом – пустое занятие. А воды рядом нет. И пожарная машина тоже без воды приехала. Потом вдруг одновременно лопнули стёкла, огонь вырвался наружу и охватил весь дом. Люди только и делали, что пытались не допустить огонь на соседние дома. Изба сгорела полностью. Анатолия долго искали, потому что всё смешалось в общее чёрное месиво. Тело нашли около окна, видимо, он пытался всё же выскочить, когда очнулся в огне и в дыму. Нашли только обгоревшее туловище, его и отвезли на экспертизу. Местные бабушки на следующий день откопали ещё несколько костей, сложили их в целлофановый пакет, а потом их тоже доложили в гроб.

Видимо, Толя уснул, оставив дверцу печки открытой, уголёк стрекнул на разбросанные кругом бумаги, и пламя мгновенно охватило всю избу. Мы вытащили из пепелища несколько книг, они так и лежали стопкой, но были насквозь прогоревшими и рассыпались от прикосновения.

Татьяна Эйхман:

– Потом приехала милиция, забрали на экспертизу остаток туловища... Первый, конечно, вопрос: не убит ли? Повреждений, не совместимых с жизнью, на голове и на туловище не нашли. По всей вероятности, он отравился дымом, а потом сгорел.

Днём его смерти считается 9 марта, потому что время уже было за полночь.

Из дневника Составителя

9 марта 2010 года. 12.55. Я на Урале.

СМС от жены: «Сегодня ночью в своём доме сгорел Чесноков. Звонила Эйхман».

Татьяна Эйхман:

– В день его похорон ехать в Теньковку было невозможно. Поднялась страшная пурга. Мы повернули с трассы на Теньковку, Базарный Урень кое-как проехали, а дальше впереди себя уже ничего не видели. Поехали на «Жигулях», я говорю своим спутникам: «Мы не вернёмся оттуда».

На трассе мы видели работающий грейдер. Там был глава администрации Савко. Я попросила прочистить дорогу на Теньковку, а он: «Ты что? Я не могу грейдер снять с трассы». Говорю ему: «Сейчас из Ульяновска с экспертизы повезут тело Чеснокова, они же не проедут». А он: «Здесь у уренских мужиков есть трактор, пойду попрошу их. Трактор заправим и с ним будем пробиваться».

Так они дорогу и пробили. Хотя накануне этот трактор дорогу там уже чистил. Но пурга поднялась непролазная, снег стеной стоял, вот так всё куролесило!

Из Ульяновска приехали Матлина, Шейпак, Кувшинникова, Лотоцкая, Марянин, Малахов, Марасов. Нас ждали в школе. Посмотрели его стенд, прошли по зданию. Почитали его стихи, свои в память о нём.

В Теньковке есть своя церковь, но священник приезжает из Чеботаевки. Боялись, что из-за вьюги батюшка не приедет, но он приехал.

Когда пробивались к церкви, впереди шёл трактор, дальше автобус, в котором стоял гроб. Спасибо компании «Мемориал». И дальше мы шли пешком.

Батюшка оказался совсем молодым человеком, такой умница, так он добросовестно провёл этот молебен... Длилось это достаточно долго, и, пока шло отпевание, пурга успокаивалась, успокаивалась, успокаивалась...

И когда стали опускать гроб в могилу, вышло солнце. Татьяна Лотоцкая среди венков поставила свечку. Свеча горела, и светило солнце.

Николай Марянин:

– Был вчера в Теньковке на похоронах Анатолия Чеснокова. Из Ульяновска приехали человек десять, его друзья-поэты, из Карсуна руководители района, местные бабушки и дедушки собрались – всего человек сорок. Привезли поэта в закрытом гробу из Карсуна, с судмедэкспертизы. Отпели в местной церквушке. Кладбище в километре от неё, на горе. Метель мела, и ветер с ног сшибал. Автобус с гробом до кладбища с трудом дотащил по дороге среди сугробов трактор. За ними растянулась по полю траурная процессия. Похоронили Чеснокова рядом с могилой матери. Много хороших слов сказали на прощание. А на поминках в местной школе читали стихи. Сходили мы с Анатолием Марасовым и Виктором Мала-

ховым на место пожарища, там ещё дымились угли...

Сходили мы и в дом его матери, там сейчас никто не живёт после того, как в прошлом году здесь убили старшего брата Чеснокова. Соседская бабушка спрашивала Толю: «Что же ты в родной дом не переходишь жить?» Чесноков ей ответил, торжественно указывая в сторону дома пальцем: «Там у меня музей будет!»

Василий Коробков на поминках высказал предложение раз в год приезжать в Теньковку, заложить традицию поэтических встреч. А я бабушкину байку про музей рассказал с намёком руководителю районной культуры. Посмотрим, что будет через год.

Светлана Матлина:

«Схоронили мы Толю Чеснокова, поэта русского. Положили рядом с матушкой, как он и хотел. А пурга была лютая, с заносами, ни пройти, ни проехать. Но по такому тяжкому случаю и проехали до Теньковки, и до кладбища прошли – беда заставила. Всё произошедшее с Анатолием казалось дурным сном, который надо стряхнуть с ресниц, открыть глаза и всё будет по-прежнему. «Человече, заметь человека, эй, прохожий, оклики меня!» – воскликнет он при встрече, улыбаясь и поднимая руку в знак приветствия. Да нет, вот и Оля Шейпак, и Лена Кувшинникова, и Витя Малахов с супругой, и Вася Коробков, и Коля Марянин, и Анатолий Марасов и другие литераторы ульяновские, и Володя Селянкин с Татьяной Эйхман из Карсуна в эдакую погоду тут, когда хороший хозяин собаку во двор не выпустит. И ещё людей набирается: всех нас в то невесёлое утро Толя Чесноков вместе собрал, на малую родину свою созвал, чтобы с ним проститься.

А Теньковка вся прозвонена его стихами! В фойе средней школы – фотопортрет Анатолия с траурным уголком, на стенде – стенгазета со столбцами его стихов и биографией.

И даже пурга выпевала его строки...

В часовне пред местным кладбищем поэта и отпевали. Часовня набилась полнѣхонька народу. И – чудо! – солнце проглянуло сквозь снеговую завесу, протянуло лучи в окошко и положило их на божии лики и на красный гроб. Ярче засветили свечки в руках толпы, смута душевная и горечь отступились. Проникновенно служил заупокойную службу священник и светло трогали слова молитвы, благостно становилось на сердце. Все там будем, думалось, но каждый в свой срок и по-разному уйдѐм... Но с этой потерей сердце не смиряется.

Попрощались мы с Толей стихами, как водится у поэтов. И первый учитель его, В. Кислинский, пробудивший любовь к поэзии у своего ученика, прочѐл на могиле Чеснокова его первые стихи, которые сохранились в памяти, несмотря на годы. И красные свежие гвоздики, привезѐнные ульяновцами, укрыли могилу...

...Те из нас, кто побывал на пепелище сгоревшего дома Анатолия Чеснокова, рассказывали, что не осталось ничего, кроме стопы книг. А когда до неё дотронулись, рассыпалась в прах. До последнего книги хранили верность своему хозяину.

Как пишется в святой Книге: «Много званых, но мало призванных». Анатолий принадлежал к числу призванных и уж никак не людьми – небушком. Потому и поминальная свечка по нему горела чисто, ровно, красивым пламеньком. Так и догорела без единого огарочка! Точно светлые слѣзы нашего прощания...

Время всё расставляет по своим местам. Плевелы ветер уносит, золотое зерно остаѐтся. Зѣрнам стихов А. Чеснокова прорасть в душах человеческих. Закончился крутой земной путь, а поэтический – продолжается. Ибо выстрадан судьбой и озарѐн искрой божьей. Думаю о Толе, и образ его перед глазами – на Теньковском холме, под зелёной берѣзкой...»

Журнал «Карамзинский сад», № 1-2, 2010

Татьяна Эйхман:

– Поминки провела директор Теньковской школы Татьяна Александровна Сазонова. Как раз шёл пост, поминки были постные. Сотрудники школы откровенно плакали. «Конечно, мы с ним и ругались, и всё... Но он был как дитя. Бывало, придёт в школу (когда уже у нас не работал) и спросит: «А можно я у вас покушаю в столовой?»

Покормили его несколько раз, а потом директор ему сказала: «Толя, ты не приходи в столовую, давай мы как-то по-другому твоё питание организуем». (Сейчас же какие проверяющие строгие – увидели бы его в школьной столовой, неприятности бы у директора были). Складывались они деньгами и покупали ему продукты в магазине.

Пока стояли у гроба был такой разговор. Сейчас же идёт «оптимизация» образования. Где гарантия, что Теньковскую школу не закроют? Позднее ульяновские литераторы обратились с письмом к губернатору с просьбой открыть в Теньковке сельский музей. Не знаю, есть ли какой ответ.

Но если школу закроют, то, конечно, никакого музея не будет. Да и вообще ничего не будет.

Елена Кувшинникова, поэт:

– В нашей области осталось очень мало пишущих людей, кто бы не откликнулся на гибель Толи своими стихами. Его проводы превратились в том числе даже и в поэтическое событие. Вставали на поминках – один, другой, третий – и все читали стихи... И это тоже продолжение жизни.

Жил он «как птица небесная» (не сею, не паю, бог подаст) и пел себе свою песню. Наверное, глубинно он выбрал такой путь. Реально ли это в нашей жизни? К чему это ведёт? Если брать физическую сторону его жизни, наверное, так выжить очень сложно. Каждый выбирает свой путь.

Но зато стихи остаются.

**Ольга Шейпак, литератор, председатель
Ульяновского отделения Союза
писателей России, редактор
журнала «Мономах»:**

– О Чеснокове говорили и будут говорить долго: это выдающийся поэт из ряда таких, как Сергей Есенин и Николай Рубцов. Все, кого я люблю и уважаю как поэтов, считают так же. Когда он был жив, уже тогда все понимали, что Толя явление неординарное.

Толя был человек добрый, мягкий. Никогда никого не осудил, не оговорил. И в то же время человек неординарный, от которого иногда хотелось бежать.

Пьющий бродяга. И одновременно выдающийся поэт. «Свет Родины» – во всех его стихах. И при его жизни ещё друзья, поэты понимали, что Анатолий Чесноков – для Ульяновска явление значительное. Но как тяжело жить рядом с гением. И как часто мы стремимся уйти от ответственности перед таким человеком. И прячемся, пытаемся запереть свою совесть на семь замков, чтоб только она не мешала нам спокойно жить.

...Смерть срывает одежды: и чистые, и грязные. И обнажает истинное, что есть. Такая трагическая смерть, как у Толи – она ещё острее. Она – такой острый укор: как это мы... что же мы... Не сберегли, не помогли... Закрывали двери... Порой не хотелось налить ему чашку чая, задержать в редакции, оставить у себя дома на ночлег...

И с этим надо жить. Всю оставшуюся жизнь.

Иной раз Господь посылает нам на землю таких людей... И Христос был не в лучших одеждах. А взять симбирского святого Андрея Блаженного или Ксению Петербургскую, которые остаются духовными наставниками.

Анатолий Чесноков – он не святой, он обыкновенный был в жизни. Но святость в другом. Она в стихах. И через эти стихи, как через молитву, идёт Небесный Свет.

После больницы Чесноков не пил 5 лет, но смотреть на него было больно и страшно. «Лучше бы он пил», – сказала однажды я себе. И вот он снова сорвался, а друзья... Друзья отвернулись. И я выбросила тарелку и чашку Чеснокова (в редакции мы хранили его посуду, чтобы накормить, когда зайвится).

Негении хотят покоя. Но смерть способна взорвать покой – она пришла и взорвала, обнажила совесть, которую мы старательно упаковывали в чистые тарелочки, не заплёванные Чесноковым. Увы! Совесть осталась черна! И мне с этим жить.

Лена Кувшинникова так объяснила пожар: Толя был чист, как младенец, никого за свою жизнь не осудил, не обидел, и Бог не мог отправить такую душу в ад. Чеснокову пришлось пройти через огненный ад на земле, чтобы пожаловать за пазуху к Богу. Он на месте, а вот нам всем остаётся судить себя, а не рядиться: кто первый поэт, а кто не очень.

Татьяна Эйхман:

– После похорон мне позвонила родная сестра Толи. Она сказала: «Я не смогла приехать, потому что у меня умер сын». Военный, семейный человек, сорок с чем-то лет ему было. И в эти дни звонят из Карсуна и сообщают ей о Толе. Сил ехать в Ульяновск уже не было.

Ей позвонил Толин учитель Кислинский и рассказал, как прошли похороны. Она была очень тронута. Для неё это внимание людей к её брату было неожиданностью. Она призналась: «Мы считали его непутёвым, пьяницей, иногда стыдились такого брата. Приедешь в Теньковку, а он вместо того, чтобы копать, колоть и таскать, сидит книжку читает. Или уйдёт в лес, принесёт мне цветочков...».

**Александр Рассадин, литературовед,
доцент Ульяновского педуниверситета:**

– Чесноков принадлежал к такому типу поэтов, которые так или иначе активно занимались жизнетворчеством. То есть пытался выстраивать свою биографию по определённому литературному канону. Но, кажется, с этой задачей он не справился. Ибо сам до конца, в силу стихийности своего таланта, хотя и был очень начитанным человеком, до конца, кажется, не понимал, делать «жизнь» с кого: Хлебникова, Блока, на которого в юности он был очень похож внешне, Есенина и проч. При этом удивительно, но вся его разгульная жизнь практически не нашла отражения в его стихах. В творчестве он был, я бы сказал так, очень разборчив и щепетилен, редко фальшивил. Может быть, поэтому и оставил после себя не только редкие по силе строки, но и несколько просто замечательных стихотворений. Их не так много. Но хороших стихов и не бывает много.

Сергей Гогин, поэт, журналист:

– Мой главный протест против идеи фильма о Чеснокове (документальный фильм В. Мызникова «Поэт быть может непричёсан...» – Г.Д.) вот в чём: неужели для того, чтобы о тебе сняли документальное кино, надо быть не только поэтом, но и законченным алкашом? Два в одном, а если что-то одно – то уже не достоин? А если я, допустим, знаю кого-то, кто сидит у себя дома, капли в рот не берёт, червонцы не сшибает у знакомых, не шокирует публику своим расхристанным видом и при этом пишет отличные стихи, значит, на него никогда не упадёт взгляд документалиста? Журналиста?

В этом смысле меня, действительно, поразил панегирик Николая Марянина в «Карамзинском саде», который воспел поэта вместе с его пороком. То есть, по сути, воспел порок. Другие авторы этой подборки в «КС» с удо-

вольствием включились в это соревнование: кто красивее в стихах оправдает погибшую бесприютную душу.

А если представить на миг непьющего Чеснокова? Был бы он кому-нибудь интересен? Я уверен, что его стихи, при его природных задатках (да чего говорить, талант был несомненный), были бы лучше. Его неопрятность в жизни отразилась и на его стихах: изначально мощная и чистая струя стиха часто (то есть практически постоянно) портилась чисто стилистической небрежностью. Я думаю, прежде всего по причине алкоголя, который снижает критику.

Татьяна Эйхман:

– Очень плакала учительница литературы Теньковской школы Валентина Михайловна Конова. Она говорила: «Как он меня ругал, когда увольнялся из школы («Вы меня не воспитывайте, я вам не соплик какой-нибудь!»). А я с ним столько возилась, мне было очень обидно».

Это она организовала детей на то, что они после уроков на компьютере набирали его стихи с разрозненных листочков. Они набрали, распечатали, он сидел, правил. Потом они выпустили небольшую книжечку на базе Карсунской типографии (это было начало 2007 года). Молодцы, ребята!

Из дневника Составителя

Апрель 2010 года. На похороны Толины я не попал, потому что был в это время на Урале, хоронил любимую учительницу. А недавно меня позвали на Толины сорок дней.

Собраться ульяновские литераторы решили во Дворце книги, звали и меня, но я не пошёл.

Что скажу? Что «не уберегли большого поэта?» Что не мог его поддержать материально? Что на порог в последнее время не пустил? А чем я сам сейчас отличаюсь от Толи

Чеснокова? Так же хожу и клянчу деньги – и на житьё, и на новые книги.

Не пошёл, в общем.

Май 2010 года. Собираю книгу о Чеснокове, записал по горячим следам весь наш ближний круг. Не думал, что мне придётся это делать. Трагическая смерть Толи, конечно, потрясла. Трагедия и сплошной символизм. Собрались с ребятами, поприкидывали, кому это дело делать. Все при должностях, при службе. А я – вольный стрелок, да и руку уже на составлении набил.

Татьяна Эйхман сказала: «Пишите, Вам сам Бог велел». (Столько лет знакомы, она всё на «Вы»). Я попросил: «Добудь мне, Татьяна, у себя в Карсуне денег – на два месяца моей работы». Она обращалась к районному начальству, к кому-то ещё, но денег ни рубля не дали.

5 июня 2010 года. Сегодня по телеканалу «Культура» в передаче из цикла «Библиейский сюжет» привели слова американского писателя О. Генри:

«Если бы мне прожить ещё немного, совсем немного, всего тысячу лет, я бы вплотную подошёл к Поэзии и коснулся края её одежды».

7 июня 2010 года. Прошлом лето я, в основном, занимался тем, что редактировал мемуары банкира. За хорошие деньги. А это лето я, видимо, потрачу на книгу о Толе Чеснокове. Совершенно бесплатно. Но мне даже не обидно. О Чеснокове только так и надо писать.

Актёр Армен Джигарханян по «Культуре» процитировал чьё-то изречение: «Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины».

25 июня 2010 года. Жизнь жёстко берёт за горло. Всем не до книг. Попробовал бросить клич в «Одноклассниках» по поводу сбора денег на книгу о Чеснокове и сразу – вместо оживлённого чириканья – гробовая тишина. Родилась даже шутка: хочешь отшить в «Одноклассниках» нежелаемого «друга», попроси у него денег.

30 июня 2010 года. Екатеринбург. Моя любимая университетская преподавательница Л.И. Фролова передала мне выписанную из Дины Рубиной фразу:

«...<она> приобрела имя, из тех, что зарабатываются годами труда, бесстрашной искренностью интонации и некой последовательностью судьбы».

28 июля 2010 года. Дача. В последние дни пару раз поймал себя на том, что копирую один жест Толи Чеснокова. Увидев на улице знакомого человека, я за несколько метров до него церемонно снимаю панаму и глубоко в пояс кланяюсь. Не знаю, откуда и зачем это во мне всплыло. Карнавальность какая-то чесноковская. Ёрничанье. Ну, он-то не от мира сего был, а ты-то ещё вроде в этом миру!

Елена Кувшинникова, поэт:

– Когда после ухода Анатолия мы готовили в редакции альманаха «Карамзинский сад» подборку его стихов, то эту подборку я назвала строчкой из его стихотворения: «Я весь из нежности, из жалости...»

Этот образ нежного, ранимого, того, каким он был настоящим – этот образ в его стихах. И, главное по прошествии времени становится всё более ясным: был и жил

Поэт. Главная и лучшая его часть воплотилась в его стихах.

По отношению к любому поэту я стараюсь не давать оценок его масштабов. Главное здесь – настоящее это или нет. Кто-то негромким голосом, но с подлинной интонацией служит истинной поэзии. А иногда о профессиональных, выверенных стихах говорят: кладбище готовых смыслов. Но нет там трепетности поэзии.

Чесноков был поэт. (Это можно сказать не обо всех пишущих стихи). И источник его творчества был глубоко внутри. На той глубине, на которой все мы с вами встретимся когда-нибудь.

Из дневника Составителя

3 сентября 2010 года. *Последнее время попадаетея на глаза и бродит в голове мысль, выраженная буддийским монахом из голливудского фильма про казино. Фраза такая: «Чтобы быть счастливым, надо быть готовым отдать всё».*

Этот монах ходил весь вечер по казино в Лас-Вегасе и без конца выигрывал. Служба безопасности заподозрила его в мошенничестве и решила удалить: «Вам здесь не рады». А одна девушка-сотрудница всё дознавалась, в чём секрет его везения. Тут он и высказал ей своё кредо (предварительно специально проиграв все деньги, больше миллиона).

Любая собственность обременительна и мешает думать и добиваться глобальных целей.

11 сентября 2010 года. *«Жизнь наших людей невыносима! Им свою жизнь беречь не для чего, поэтому они и пьют! От безысходности, чтобы забыться! Наша власть сознательно спаивает народ, превращает его в быдло!» – так кричала вчера актриса Татьяна Догилева в передаче «Энтэвэшиники», где об-*

суждался вопрос о пьянстве в России.

Татьяна отреагировала на мысль Андрея Бильджо (художника и психиатра) о том, что главная причина пьянства – бедность нашего народа. Что в других странах, богатых нефтью, деньги от её продажи правительство делит между гражданами. А у нас этого не происходит.

Когда Татьяна полуистерично выкрикивала эти хлесткие фразы, ведущий Антон Хреков как будто получал палкой по голове: всяко извивался и строил страдальческие гримасы. Неужели это был прямой эфир?

Во всяком случае, Татьяна, спасибо за правду! Нам снова так её не хватает!

Сегодня утром ездил на рынок, полон впечатлений. На Дамбе купил два ключика для своей коллекции и две книжки: «Лирика 20-х годов» и «Голубое сало» В. Сорокина. Книжки продавали люди бомжеватой наружности. Почему-то мне с ними было легко разговаривать.

Одна женщина вообще бывшая красотка: высокая, стройная, с выразительным лицом и даже с остатками густых волос. По разговору и повадкам можно предположить, что когда-то это была студентка иныа, которая любила бывать в номерах гостиницы «Венец» с иностранцами. На мой неосторожный комплимент приободрилась и тут же назначила мне свидание... в ресторане. Своим товарищам кокетливо сказала: «Может, я сегодня замуж выйду. А вы будете свидетелями».

Я сказал: «Вот у меня был хороший знакомый, который подошёл бы вам в мужья. Но его уже нет, он недавно сгорел в своём доме».

Уехал с рынка, а об этой встрече всё ду-

маю. Как бы сделать книгу, где собрать несколько историй людей, опустившихся на самое дно.

...А Толику Чеснокову эта мадам показалась бы чересчур бомжеватой. Он ведь себя нёс не низко...

15 сентября 2010 года. Вчера – обед у нашей фронтовой прачки Антонины Гавриловны Пинчук. Наша компашка распадается, вместе, по существу, встречаемся только здесь. Тамара Еперина, Ольга Шейпак, Виктор Сидоренко и я. Ольга рассказала, как шло обсуждение её романа «Фёдор Абломов» на «Обломов-клубе» в библиотеке № 8. Говорили и о феномене самого Обломова. Сошлись на том, что главное тут – свобода духа. И материальный достаток тут не при чём. Пусть у Обломова были крепостные, которые позволяли ему ничего не делать, а только рассуждать. Но ведь на это тоже надо было решиться: в упор не видеть своего богатства, не брать его в расчёт.

Потом опять всплыл пример Чеснокова: полное отречение от материального в пользу свободы духа. Он ничего не просил, но, мне кажется, всё готов был отдать.

Евгений Евтушенко опубликовал подборку стихов в ежемесячнике «Совершенно секретно». Там есть такие строки:

Недооценённая Россия

Пишет, да и пишет чуть жива,

У неё слова не даровые –

да кому нужны её слова.

25 сентября 2010 года. Говорят, Дмит-

рий Быков написал новый роман – о бомжах. Надо же, и я об этом подумывал.

В советское время было понятие бич – бывший интеллигентный человек.

Сентябрь 2010 года. СМС от друга Саши Кирилина из Ижевска: «В сёлах Рябово и Мухино Зуевского района Кировской области провели конференции «Русское чудо – вятский характер» по стихам почётного гражданина В. Архипова. Так же и по Чеснокову можно».

2 октября 2010 года. Был сегодня у Е.А. Фурашовой, легендарного ульяновского невропатолога. Её муж – тоже легенда ульяновской медицины – лор-врач. Его уже нет в живых с 1995 года (он прошёл тяжёлую войну), ей в следующем году 90. Договорились, что буду писать о них книгу. Она оплатит мой труд. Время работы – 3 месяца. Так что до Нового года будет, на что жить и чем заниматься.

Опять откладывается Толик Чесноков. Заходил недавно в краеведческий отдел Дворца книги, Нина Александровна Морозова спрашивает: «А как продвигается книга о Чеснокове?» Говорю: «Вот делал книгу об архитекторе Филимонове, он мне платил. Работа сейчас кончилась, деньги тоже кончились. Снова принимаюсь за книгу о Чеснокове. О нём надо писать бесплатно».

А теперь вот снова появилась работа с деньгами, и Толе снова придётся подождать. Ну, ничего, я думаю, он не обидится.

Вчера умер драматург Михаил Роцин. Телеканал «Культура» показал передачу о нём. В конце он говорит: «Какое тяжёлое время мы переживаем. Всю Россию, весь народ выгнали

зарабатывать деньги. Это неправильно, это не в традициях России. И привёл чьи-то стихи:

Какое время адово
Настало на Руси.
Ты не проси богатого.
Ты бедного проси.

19 октября 2010 года. Вчера на «Культуре» у Александра Архангельского гости выдали две замечательные фразы:

«Злоба и апатия – вот что сегодня доминирует в России».

«Мы живём в эпоху рыночного тоталитаризма».

21 февраля 2011 года. Вот такой получился перерывчик. Уже и год наступил другой. Написал за это время книжку о семье врачей Фурашовых, приступил к другой, рабочее название «Право переписки». В мои руки попало 55 писем из ГУЛАГа. Перетрудился, опять подскочило давление, вызывали «Скорую». Хожу на обследование и лечусь.

Но я понял главное: надо просто отдохнуть, а в дальнейшем сбавить обороты. И так всё идёт неплохо: 18 книг напечатано, 19-я печатается, 20-я пишется, 21-я (5 том «Антологии») написан и лежит в столе.

На днях похоронили историка и краеведа Лёшу Сытина. Он сгорел за 2 месяца. Не определили рак. Уже больной, он говорил: «Если б мне сказали, что у меня осталось полгода, я провёл бы это время в лесу, среди цветов и трав». А совсем перед смертью несколько раз повторил: «Россия погибает».

Вчера утром с женой поспорили: достоин или не достоин наш народ такого, что с ним

сейчас творят. Жена сказала: «Достоин, ведь мы всё это терпим». А я сказал: «Да народ-то убили. Мёртвый народ. Что ты от мёртвого хочешь?»

Вчера мороз за 20. Прохожу мимо газетного киоска. Вдруг дверь в нём распаивается, киоскёрша без пальто и без шапки выскакивает на улицу и кричит вслед уходящей женщине: «Вернитесь! Вы сдачу забыли! 20 копеек взяли, а 5 рублей забыли!»

Вот он какой, наш народ. Он и сейчас в массе своей совестливый и неиспорченный. Только убитый.

В России талант ожидает расплата

«Эта строчка взята мною из стихотворения Николая Марянина «Бродяга вселенной», написанного чуть более года назад, после трагической смерти нашего земляка, «теньковского Есенина» – Анатолия Чеснокова. Гибель его тогда – 8 марта 2010 года – потрясла многих. На похоронах, у свежей могилы поэта было сказано много искренних слов об утрате ещё одного российского поэтического таланта. Тогда же было решено приложить максимум усилий для увековечения его памяти на родной ему теньковской земле.

Теперь, спустя год после тех обещаний, мне очень хочется высказать свои слова восхищения земляками-карсунцами: не ушли их обещания в пустоту, не были забыты, как это часто, к сожалению, бывает в нашей современной жизни. 21 мая на деревенском кладбище села Теньковка состоялся митинг, посвящённый открытию памятника на могиле Народного поэта Анатолия Петровича Чеснокова.

И присутствовали на нём те, чья помощь, в первую очередь, позволила сделать это большое и благородное дело: односельчане поэта, его учителя, друзья-поэты из Ульяновска и Карсуна, заместитель главы администрации МО «Карсунский район» Н.А. Сизов, глава администрации Урено-Карлинского сельского поселения О.В. Савко, сотрудники отдела культуры администрации района во главе со своим руководителем В.А. Хоревым, члены районного Совета ветеранов, а самое главное – педагоги и ученики Теньковской школы.

Это их целеустремлённая работа по продвижению проекта «Росой омытая строка» позволила доказать взрослым высокопоставленным дядям и тётям, что есть в российской глубинке жизнь, есть замечательные люди, которые пекутся не столько о сиюминутной материальной выгоде, сколько о сохранении высокого нравственного начала в душах подрастающего поколения.

Ни для кого из карсунцев не секрет, что помогать Анатолию Чеснокову при жизни было трудно, не всегда он принимал эту помощь. Но вот ушёл человек из жизни, и односельчане не забыли его, а наоборот бережно собирают и сохраняют его стихи, позаботились и об установке памятника на могиле. Средства на него собирали «всем миром»: значительную сумму денег вложили члены Ульяновского землячества в Москве и лично представитель Ульяновской области в Совете Федерации Г.А. Савинов, ульяновские и карсунские поэты, журналисты, теньковцы, администрации МО «Карсунский район» и МО «Урено-Карлинское сельское поселение».

Неоценимо огромна была помощь друга Анатолия Чеснокова, ульяновского поэта Николая Марянина, который лично вёл всю работу по разрабатыванию проекта, а затем и изготовлению памятника. Он же создал в Интернете страничку поэзии Анатолия Чеснокова, где в настоящее

время уже размещены 130 его стихов, и работа над её пополнением продолжается. Стихи читают, оставляют свои отзывы: за 7 месяцев существования сайта его посетили более 2200 любителей и знатоков поэзии. Ну, а о том, какую огромную работу проделал педагогический коллектив Теньковской школы во главе с директором Т.А. Сазоновой, мы писали уже не раз и вновь готовы высказать слова восхищения их подвижничеством.

На старом деревенском кладбище, наполненном особенной тишиной и пьянящим запахом черёмухи, перед могилой поэта не смогли сдержать слёз две женщины – сёстры Анатолия, приехавшие из Киева и Ростова-на-Дону. Алевтина Петровна и Валентина Петровна как никто другой знают о непростой судьбе брата. Так уж сложилась история этой большой семьи, что редко виделись сёстры и братья, и невдомёк было сёстрам, что их непутёвый брат пишет такие трогающие душу стихи. С дрожью в голосе они благодарили земляков: «Дорогие односельчане, мы благодарны вам за память. Он был не такой, как все. Вы достойно оценили его талант. Низкий поклон вам всем».

Ложатся на могилу букетики полевых цветов, которые так любил поэт, с ранней весны и до поздней осени заходил он к нам в редакцию то с веточкой сирени, то с ярко-пурпурными кленовыми листьями.

...А потом в Теньковской школе состоялась встреча любителей поэзии Анатолия Чеснокова в память о народном поэте. Звучало много поэтических строк и самого Чеснокова, и его друзей-поэтов. Звучали песни в исполнении «Щедрого вечера», слова которых, как и стихи нашего земляка, были о России, о милой сердцу деревне. Татьяна Эйхман, Николай Марянин, Виктор Малахов, Василий Коробков вспоминали о дружбе с ним, рассказывали истории создания некоторых его произведений. Были здесь и учителя Анатолия Чеснокова, которые когда-то поддержали его

первые пробы пера, – В.В. Кислинский, З.В. Петрова. Но, наверное, самым главным в этот день было то, что рядом со взрослыми были дети – ученики Теньковской школы, которые, приняв участие в областном конкурсе патриотических проектов, стали призёрами, выиграли денежный грант, использованный ими на установку памятника поэту.

В выступлениях главы Урено-Карлинского поселения О.В. Савко, заведующего отделом культуры администрации района В.А. Хорева, руководителя литературного объединения «Родники» Т.А. Эйхман, члена Союза писателей России Н.В. Марянина прозвучало предложение, которое всеми было воспринято очень положительно: ежегодно 25 октября – в день рождения Анатолия Чеснокова – в Карсуне проводить литературные чтения в память о нём. Первые такие чтения уже прошли 25 октября 2010 года. Надеемся, что зародившаяся традиция будет жить...

Ольга Котельникова.

Газета «Карсунский вестник», май 2011

**Татьяна Эйхман, врач,
член Союза писателей России:**

– Читаю стихи Анатолия Чеснокова. Душу переполняют светлые чувства. Я понимаю, что стихи – всего лишь слова, определённым образом составленные в строфы, но какой же волшебной силой обладают эти слова!

...Вдыхаю аромат полей, люблюсь окрестностями Теньковки, маленького русского села, заброшенного между холмами, перелесками... Свет Родины! Сияй! Согревай теплом! Свети нам в пути нашем земном! Задумчивым словом, яркими помыслами, незабываемыми строчками поэта свети нам в делах наших мирских!

Путями трудными прошёл поэт по жизни своей, путями поисков и ошибок, но с высокого холма малой родины

светил ему источник непревзойдённый и стойкий – любовь к родимой земле, любовь к матери. Эта любовь спасала душу, эта любовь диктовала золотые слова. Читайте их!

*Из выступления на вечере памяти
А.П. Чеснокова 25.10.2011*

Из дневника Составителя
4 июля 2011 года. По «Культуре» слова киносценариста Анатолия Гребнева:

«Мы хотели нормальной жизни. Она, наконец, наступила. Но в этой жизни не нашлось места многим из нас».

Как это близко...

14 ноября 2011 года. По местному телевидению показали сюжет. Мужчина зашёл в супермаркет, прошёл с корзиной по залу, взял курицу, булку хлеба и пачку вермишели. На кассе выяснилось, что у него не хватает денег. И здесь, видимо, у него сдали нервы. Он достал какой-то ножик и пошёл к выходу. Кассирша позвала охранника, и тот задержал мужика.

Корреспондент удовлетворённо закончил телесюжет словами о том, что вот, де, теперь за разбойное нападение (!) мужчина может получить срок до семи (!) лет.

Меня этот сюжет не столько возмутил, сколько испугал. С точки зрения нашего людоедского государства, это, безусловно, «разбойное нападение». Но даже у корреспондента не возникло желания задаться вопросом: а может, этот человек голодный? А может, у него дома голодная семья? А может, у него маленький ребёнок, а он никак не может найти работу?

Я вот иногда думаю: а что буду делать я, когда у меня не окажется денег? Совсем. Ни

рубли. Судя по нерегулярности моих заработков эта ситуация вполне реальна. Идти грабить? Не для меня. Воровать? Тоже. Вести себя как «божий человек Толя Чесноков» (кто что подаст – тем и прокормлюсь) тоже мне не подходит. Оказаться в положении того мужика и ходить по городу голодным на грани нервного срыва, чтоб каким-то способом оказаться за решёткой? Нет, не моё.

Приходит на ум только один выход. Но о нём мне запрещают даже и думать.

21 ноября 2011 года. Подписал сегодня в печать сразу две книги: второе, дополненное издание «Права переписки» (судьба одного из узников ГУЛАГа на фоне судьбы страны) и сборник рассказов и эссе Элеоноры Денисовой. К счастью, удалось, наконец-то, уговорить Элеонору Ильиничну на этот шаг. Собрали то, что она ранее публиковала в «Мономахе» плюс два новых рассказа – вышла замечательная книжка. Всё вместе – повесть о жизни незаурядной женщины. Я написал предисловие и издаю в серии «Антология жизни», это уже двадцать первая книга («Очко!»).

Так что я тоже – «останусь». Это я вспомнил предпоследнюю встречу с Толей Чесноковым. Он пришёл, я открыл (сколько можно прятаться?). Было как раз время обеда. По-моему, он был трезвый. Он в последнее время почти совсем не спал, нервы были на взводе, движения какие-то лихорадочные, так что трудно было понять, когда он пьяный, а когда трезвый.

Но борщ жены ему понравился, он как-то размяк, утих и сказал вещь, которая застря-

ла у меня в памяти. Тогда как раз вышла книга «С любовью трепетной», где Толины стихи опубликованы вместе со стихами классиков (литературные произведения о нашем крае).

И вот Толя говорит: «Стою сейчас на улице, мимо проезжает какой-то мэн на иномарке, с таким презрением на меня посмотрел. А я вот подумал: померёт он и никто, кроме родни, его не вспомнит. А я уже останусь, я знаю это».

Так что знал он себе цену, знал...

Конец ноября 2011 года. Прочёл поэму Чеснокова «Пока ещё октябрь». И аж тошно стало отчего-то. Оттого, видимо, как это талантливо. Такой бездарью я себя почувствовал. И я ещё чувствовал какое-то превосходство перед Толей, и пытался его жалеть...

Ноябрь 2011 года. А интересно, Толик Чесноков за кого бы голосовал? На выборы он мог бы пойти, ему Татьяна Эйхман помогла восстановить паспорт (в который уже раз). А вот о своих политических предпочтениях он никогда не говорил. Дурачком прикидывался. А он, наверное, и был хитрованом. Ни за белых, ни за красных. Главное, чтоб стихи писались, да книжки иногда выходили.

Наверное, таким был и Пластов. Они оба чувствовали свой талант, своё значение и ощущали окружающий мир как некую среду, которую надо по возможности из агрессивной превращать в питательную. Им надо было жить и исполнять предначертанное свыше.

Декабрь 2011 года. Ещё о Толике подумал: а ведь ему тоже, наверное, было обидно, что у него такая жизнь. Он-то ведь понимал

значение и ценность того, что он написал и пишет. Да, он был пьющий. Но кто в России из пишущих не пил?

**Валерий Кислинский,
ветеран педагогического труда:**

– Выбросьте из памяти того Анатолия Чеснокова, которого мы вам рисуем. То, от чего с болью – Анатолий бы отказался. Просто не оказалось рядом человека, который бы Толю полюбил, по-настоящему понял...

И прошу: не слушайте о нём эти легенды. Много в них правды, но и неправды много. Пожалуйста, оставайтесь с его стихами. И вы откроете Толю: и человека, и поэта.

*Из выступления на вечере памяти А.П. Чеснокова
в Карсуне 25.10.2011*

**Из дневника Составителя
25 октября 2012 года.** Увидел случайно в своём поминальнике, что сегодня Толин день рождения. Сбросил SMS-ки всем нашим. Витя Сидоренко откликнулся экспромтным стихом, что-то такое: он не писал стихи, он ими был. Ольга Шейтак написала: «Помню. Но вот уехала Татьяна Эйхман и некому ничего организовать».

10 ноября 2012 года. По «Культуре» в «Белой студии» разговор с индийским философом Дипаком Чопрой. Его слова: «Надо петь свою песню, не обращая внимания на то, слушают ли её другие. Пойте свою песню, вот и всё!».

18 апреля 2014 года. По телевизору пе-

редали, что умер Маркес. Его «Сто лет одиночества» сравнивают с Библией. Чтобы отправить по почте издателям рукопись этой книги, он продал миксер жены. Она ворчала: «Не хватало ещё, чтобы книга была плохой».

Потом в анонсе какого-то фильма услышал фразу: «Мировое кино». Так вот, мне надо написать Мировую книгу. Книгу «Родители» (о пяти поколениях нашей семьи) вроде бы хвалят. Но я уже не очень ей доволен. Может быть, поторопился. (Вечно я спешу, боюсь не успеть). На этом материале можно было сделать что-то подобное «Сто лет одиночества» – мир нашей родни в контексте XX века России.

Для такой книги нужен мощный массив материала. Сегодня утром стал перебирать папки с заготовками книги о Толе Чеснокове. И несколько раз даже всплакнул. Вот тебе и материал для «мировой книги».

**Валентина Конова, учитель
русского языка и литературы
Теньковской школы:**

– Ученики нашей школы собрали значительный материал по творчеству местных поэтов. Но стихи Анатолия Чеснокова настолько родные, что ученики заучивают их наизусть, педагоги используют для украшения любого урока. В стихах и поэмах Чеснокова мы с учениками узнаём родные места, поляны в наших окрестных лесах, он словно пишет с натуры. Ручьи, речки нашей округи звенят в стихах Чеснокова чистыми голосами...

СЛЕЗА В ЛАДОНИ
(отрывок из поэмы)

VI

Письмо Марине Цветаевой

*«Мне и доньне
Хочется грызть
Красной рябины
Жаркую кисть...»
Марина Цветаева*

*«О, чёрная гора,
Затмившая весь свет.
Пора, пора, пора
Творцу держать ответ».
Марина Цветаева*

*«О, Чехия в слезах,
Испания в крови...»
Марина Цветаева*

Здравствуй,
властвуй, Марина –
Полукрестьянка,
боярыня!
Волчьих ягод –
кармины
И рубины рябины
Я положу в карманы,
Ветку возьму –
у боярышника.
Осень в лесах,
Марина,
Ярче купины неопалимой.
Красные вновь деревья все.

НИИ

История и культуры

И.М. Карамзина

Помнишь, как в эмиграцию
Листья,

жёлтые,
разные,

Из-за Карпат –
в Силезию

Мчались...

И словно жалость,
Красной гроздью рябины
Взвихренная Россия

В чьих сердцах –
удержалась?

А по Европе –
наци

В топоте,
в гуле оваций

Чехию взяли,
Силезию –

срезали.

Сквозь бестолковый лепет
Сытеньких буржуа
Я понимаю трепет –
Только душа

Жива

Мужеством Ленинграда,

Стойкостью –

Брестской твердыни.

Родина –
как награда –

Вечно будет отныне.

...Стоит зима в России,

И в белой мгле –
Неделями

Гремят сороковые

Осколками шрапнели...

Как же исповедально

НИИ

истории и культуры

имени Н.М. Карамзина

Через вёрсты разлук
Перед дорогой дальней
Плачет –

сонмище вьюг.

...Кама.

Зима.

Война.

В чём же твоя вина?
Стоит высокий холод.
Ах, успокойся,

спи.

Примёрз железный
повод

К губам

коня в степи.

Как поздно,
поздно,

поздно!

Всерьёз,
уже всерьёз

Пришпиливает звёзды
На круп

коня –

мороз.

А вам опять не спится,
Усталые глазницы?

Отбой!

Отбой!

Отбой!

Голодную волчицею
Душа бежит на вой,
На крик мой отболевший,
Выламывая дверь,
Степями проседевшими
Беги,

врывайся,

зверь...

Пурга над кирпичами
Восьмого этажа.
Немыми скрипачами
Мятуется душа.
Где твой могильный камень,
В Нище он
или на Каме?
Там проросла трава?
Господи,
пусть не канут
В лету –
твои слова.
Но пламенеет рябина
Заревом –
сквозь снега...
Здравствуй,
царствуй, Марина,
Отныне –
и на века!

Из дневника Составителя

2 августа 2015 года. *Зашёл в музейный магазин при Доме Гончарова, там продаются мои книги. Продавец, приветливая женщина, спросила, что я сейчас пишу. Я ответил: «Про поэта-бродягу Анатолия Чеснокова». Она ничего не слышала о нём, но само словосочетание заинтересовало. «А кроме стихов там будет рассказ о его жизни? Всегда интересно знать, как автор жил». Я говорю: «Будет. И про жизнь будет, и про судьбу».*

11 августа 2015 года. *Позвонила Татьяна Эйхман из Карсуна. Она узнала, что я продолжаю работать над книгой о Чеснокове. Сказала: «Какой ты молодец, мы обязательно должны издать книгу о Толе. Пока мы живы».*

Эти последние слова шибанули меня. (В эти пять лет один за другим ушли поэты-друзья Толи: Владимир Селянкин и Василий Коробков). А, действительно, люди другого поколения, те, кто не знал Анатолия лично, думаю, интереса к его стихам не потеряют, но, если они и будут о нём писать, у них будет уже гляцевый, хрестоматийный Чесноков. Мы, его современники и товарищи, должны оставить потомкам его подлинного.

Татьяна сказала, что знает в Карсуне небедного человека, почитателя таланта Чеснокова, который готов хоть завтра выложить необходимую для издания сумму. Я ответил, что это очень хорошо, но пока преждевременно, книга ещё не написана...

13 августа 2015 года. Не припомню в своей жизни такого безденежного лета. Вспоминаю, как в очередной раз пожаловался Наталье Сергеевне Храпцовой на отсутствие денег, и она с улыбкой сказала: «Пора бы уже привыкнуть». В ней давно уже поселилось смирение вечно небогатого советского интеллигента.

Толя Чесноков – тот вообще жил вне быта и денег. Нужны деньги на хлеб или, скажем, доехать до Теньковки, – попросит у кого-нибудь. Мне кажется, ему редко отказывали, хоть понемногу да давали. А ему много и не надо было.

А я вот не могу смириться с безденежьем. Меня оно оскорбляет. Видимо, недостаточно талантлив и не в той степени, как нужно, ориентирован на высокое.

14 августа 2015 года. Сегодня полдня занимался тем, что собирал для книги подбор-

ку стихов Анатолия Чеснокова и работы ещё – непечатный край. Беру из нескольких сборников, задача – выстроить стихи в хронологической последовательности по дате написания и чтобы одно и то же стихотворение не попадалось дважды. Задача не из лёгких, потому что стихов – много. И какие стихи!

Вот тебе и пьяница, вот тебе и бродяга! Вспомнилось, как реагировали на мою книгу «Его звали Бабай» пожилые ульяновцы. История жизни и трудов первого секретаря обкома партии А.А. Скочилова была для них открытием. «Неужели это всё Скочилов сделал? – удивлялись они. – А мы-то думали, что он просто грубиян, пьяница и бабник».

Вот так и с Толей. Пройдёт немного времени, его стихи окончательно отделятся от его земного неприкаянного существования и останутся с нашим народом на века.

16 августа 2015 года. Сегодня утром наконец-то закончил «ревизию» стихов Чеснокова. Делал закладки в сборнике на стихах, которых ещё нет в моей подборке. Впечатление, конечно, очень серьёзное. Стихи, даже если их не читаешь, а только просматриваешь, цепляют строчками, образами, заголовками.

Не написал ещё о недавнем звонке Татьяны Эйхман. В продолжение нашего разговора о книге про Толю она позвонила на следующий день с новостью. Начальник районного управления культуры В.А. Хорев, узнав, что скоро будет книга о Чеснокове, сказал, что район (хотя денег очень мало) готов заказать дополнительный тираж для школьных и сельских библиотек.

Молодцы, они прекрасно понимают, что поэзия Чеснокова – достояние всей России. А уж для Карсунского района – это сокровище и гордость. Хотя надо же такому случиться – в одном, ничем вроде не примечательном районе глубинной России – два уроженца «первой величины» – поэт Языков и художник Пластов. Но и в этой компании Чесноков, я уверен, не затеряется...

24 августа 2015 года. Для книги о Толе Чеснокове отобрал 169 его стихотворений. Конечно, многовато, надо оставить хотя бы сотню. Созвонился с Николаем Маряниным, он как знатный «чесноковед» согласился такое сокращение сделать. Передал ему слова Татьяны Э - хман про то, что «мы должны эту книгу выпустить, пока мы живы». Он посмотрел мне прямо в глаза и согласился.

Коля очень похудел и своей седой бородой напомнил мне сегодня Владимира Даля.

25 августа 2015 года. Сегодня наткнулся на очерк Александра Козлова о Чеснокове в «Ульяновской правде» за 1994 год. Как они ездили в Теньковку по ягоды, и как отец и брат Толи реагировали на его «стихоплётство». Не понимали они его и осуждали, считали неудачником и бездельником. В результате брат погиб в пьяной драке, отец помер, и кто бы куда вспомнил этих простых работяг Чесноковых, если бы не их младшой, «бездельник» Толька?

Ещё Толина фраза из очерка Козлова. Когда его спрашивали: «Что же ты, здоровый такой бугай, на работу не устроишься?» – Толя отвечал: «Муза не велит. На производстве уматаешься, не до стихов будет». То же са-

 мое на подобные вопросы отвечаю сейчас и я.

27 августа 2015 года. *Всё не отоюду от впечатления о Толиных стихах. Такой объём и такое высокое качество! Вспоминаю, что во время общения с ним чувствовался его внутренний гонор. Часто это вызывало раздражение: мол, не в твоём положении так уж хорохориться. А он просто сидел на вершине всего им сделанного, и ему было более-менее всё равно, что о нём думают благополучные людишки вокруг.*

Он знал, что он уже сделал. И знал себе настоящую цену.

Сейчас, думая о Толе, видя перед собой массив того, что он успел сделать в поэзии, я прихожу к выводу, что эта «внешняя сторона» была своеобразной маской Чеснокова. Существует много историй про нищих, которые, отработав «трудовую смену», моются, переодеваются во всё чистое и возвращаются к цивилизованной, нередко очень благополучной, жизни, которой они собственно и живут.

Думаю, что, оказавшись наедине с собой, Анатолий мысленно облачался в белые одежды поэзии – ему и мыться для этого не надо было, бытовой грязи он просто не замечал.

*И ветер, и дождь, и мгла
Над холодной пустыней воды...
(Иван Бунин. Одиночество)*

*И холод, и стужа, и мгла,
И непогодь, стынь между нами...
Но как ты позволить смогла
Забывать, затоптав, это пламя?!*

Высокое пламя любви
Сияло – до самого неба!..
А где оно?.. Ты назови?!
– За Стиксом*, в объятьях Эреба**.
На нашем пути – Ахерон**,
(Не Байрон я в «Стансах к Августе»),
Бреду я с любви похорон
Сквозь море печали и грусти.
Сквозь все суховеи пустынь,
Так некогда брёл и Овидий
В дремучей тоске и обиде,
Его не смолкает латынь.
До тьмы антарктических льдин,
Где я погибаю, как Нансен***,
До льдов Гималаев, седин
Утёсов, обрывов опасных.
Где вечна Летейская мгла,
Аида** Летейская стужа...
С другим ты любовь обрела?..
А я там – ни капли не нужен.
А я в океанах тревог
Терцины слагаю, эклогу****.
Среди миллионов дорог
Свою выбираю дорогу.
Да грянет Израиля гнев
На ваши бездушные души!
Я верю: ты плачешь, прозрев,
Сквозь сонмы печали на суше.
Не рано ль курить фимиам?
В кимвалы***** бряцать, может, поздно?

* Стикс, Лета (древнегр. миф) – река мёртвых.

** Эреб, Ахерон, Аид (древнегр. миф) – царство мёртвых.

*** Нансен – норвежский полярный исследователь.

**** Терцина, эклога – стихотворные размеры. (Терцина – строфа из трёх стихов – прим. ред.; эклога – стихотворный жанр, разновидность идиллии – прим. ред.).

***** Кимвал – древний музыкальный инструмент.

Я строю высокий свой храм
В холодных пустынях беззвёздных.
Ну, что же, лети, грусть-печаль,
От Мадагаскара – до Лимы,
За самую дальнюю даль,
Где царствует ад Хиросимы.
... И холод, и стужа, и мгла,
И непогодь, стынь между нами...
Но как ты позволить смогла
Забывать, затоптав, наше пламя,
Высокое пламя любви?!

Февраль 2010

Теньковка

Из дневника Составителя

13 октября 2015 года. Сегодня про-

должал упорно трудиться над рукописью о Толе. Расшифровывал диктофонную запись с его 50-летия. В том месте, где Коля Марянин говорит: «Трезвым он ничего писать не мог, его музой был хмель», в комнате внезапно возникла бабочка, «павлиний глаз», яркая, энергичная, неужели только что вывелась? Подлетела к окну, стала биться в стекло.

Я тут же позвал жену, рассказал, в какой момент возникла эта красавица. Женя вспомнила, что по верованиям древних египтян в бабочек вселяются души умерших людей. Мне стало не по себе.

Начали думать, что делать с этим «мимо-лётным видением». На улице сразу погибнет, на лоджии тоже. Уморить и к чему-нибудь пришить – рука не поднимается.

Женя взяла её к себе на кухню, выпустила среди домашних цветов, пусть поживёт сколько сможет.

После обеда, глядя на бабочку и вспоминая Голю, жена сказала: «Внешне он был вполне себе brutальный мужчина, высокий, крепкий, казалось бы, способный защитить и себя, и тех, кто рядом. А на самом деле он был беззащитный и ранимый, как эта бабочка. Только тронь – и пыльца останется на пальцах...»

14 октября 2015 года. Днём увидел бабочку на кухне, она сидела за цветочным горшком, неподвижно сложив крылья. Мне стало жаль её. Тихонько взял в ладонь трепетное создание и унёс её на другую, залитую солнцем лоджию. Градусник показывал плюс 15. Я открыл на лоджии окно и расправил ладонь. «Поживи хоть ещё один день в своей стихии». Бабочка цепко держалась за мой палец, наклоняла под лёгким ветерком сложенные крылья и, казалось, раздумывала: «Что же всё-таки выбрать?».

**Последнее стихотворение
Анатолия Чеснокова**

*Чёрный ворон, я не твой...
Из песни*

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

Чёрный ворон, эй, чёрный ворон,
Ты зачем прилетел в древний город?
Ты с какого летишь пепелища,
И кого ты так пристально ищешь?
Ты летишь, словно чёрная весть –
Роковая разлука и мечь!
Почерневшей летишь головнёй
Над седою моей головой,
Чёрный ворон, я твой иль не твой?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Чесноков А. В сердце России : стихи и поэмы. – Ульяновск : Симбирская книга, 1994. – 166 с.

Чесноков А. Прямая речь : стихи и поэмы. – Ульяновск, 2001. – 68 с.

Чесноков А. Свет Родины : стихи и поэмы. – Ульяновск : Регион-Инвест, 2007. – 232 с. : ил., портр.

Публикации в альманахах, сборниках и журналах:

Чесноков А. «Я хочу соединиться...»; Высота; Белые ночи : Стихи // День волжской поэзии. 1983. Ульяновск. Пенза. Саратов : [сборник]. – Саратов, 1983. – С. 153-155.

Чесноков А. «Пока ещё октябрь уходит вдаль по чащам...; Сентябрь; «Тихо в предзимнем поле...» : Стихи // Истоки : альманах. – М., 1988. – С. 258-260. – (Стихи и проза молодых).

Чесноков А. [Стихи] // Беседка муз : Произведения российских писателей и поэтов. – Ульяновск, 1999. – С. 63-84.

Чесноков А. Россия начинается с дождя : стихи // Мономах. – 2003. – № 3. – С. 17.

Чесноков А. Послезавтра воскресну; Словно золотистая синичка...; Сентябрь; Наступают холода...; Твоё имя – из солнца...; Родина : Стихи // Мономах. – 2005. – № 3. – С. 54 : Фот.

Чесноков А. «Зелёным дымом занавесились...» : Стихи // С любовью трепетной... Путешественники, писатели и поэты о Симбирском-Ульяновском крае : Антология. – Ульяновск, 2005. – С. 371 : Портр.

Чесноков А. Свет Родины : стихи // Литературный Ульяновск : Ежекв. журн. писателей. – Ульяновск, 2005. – Вып. 2(12). – С. 95-102.

Чесноков А. «Над Родиной – белые нити...» : Стихи // Симбирские просторы. Ульяновская область : Альбом. – Ульяновск, 2008. – С. 92.

Чесноков А. В Языковском парке : Отрывок из поэмы // Мономах. – 2009. – № 2. – С. 40.

Чесноков А. «Я весь – из нежности, из жалости...» : Стихи // Карамзинский сад : Лит.-худож. альманах. – Ульяновск, 2010. – № 1-2 (15-16). – С. 121-124.

Чесноков А. Под соснами Акшугата : Поэма-версия // Мономах. – 2010. – № 2. – С. 42-43 : 1 Фот.

Чесноков А. Завещание : Стихи // Симбирскъ : Лит. прилож. к газ. «Ульяновская правда». – Ульяновск, 2013. – № 1. – С. 144.

О нём:

Богатов А. М. Дорога к себе // Богатов А.М. Пленники музы. – Ульяновск, 2008. – С. 40–47 : Фот.

Богатов А. У нас в гостях ульяновский поэт Анатолий Чесноков // Канаш. – 1994. – 30 апреля. – С. 4-5.

Даранова О. Счастья бедный птицелов // Ульяновск сегодня. – 2010. – 30 апреля. – С. 23.

Карпова Т. Памяти Анатолия Чеснокова // Карамзинский сад : Лит.-худож. альманах. – Ульяновск, 2012. – № 1(23). – С. 162.

Козлов А. Чесноков // Ульяновская правда. – 1994. – 1 января. – (Служители муз).

Лайков А. Пройду по милой мне провинции... // Ульяновск сегодня. – 2006. – 27 октября. – С. 24 : Фот.

Лайков А. Счастья бедный птицелов // Симбирскъ : Лит. прилож. к газ. «Ульяновская правда». – Ульяновск, 2013. – № 1. – С. 132-144.

Марянин Н. Народный поэт : Стихи // Карамзинский сад : Лит.-худож. альманах. – Ульяновск, 2011. – № 2 (20). – С. 157.

Матлина С. Послезавтра воскресну, сегодня – умру... // Карамзинский сад : Лит.-худож. альманах. – Ульяновск, 2010. – № 1-2 (15-16). – С. 104-111.

Мельников Е. Найти свою мелодию // Симбирский курьер. – 1994. – 27 августа. – С. 6. – (Культура). *Рецензия на*

сборник стихотворений А. Чеснокова «В сердце России».

Мельников Е. Очарованный странник // Народная газета. – 1999. – 15 декабря.

Мигушов В. Росой омытая строка // Карсунский вестник. – 1994. – 2 августа. *Вышла в свет новая книга поэта А. Чеснокова «В сердце России».*

Не смогли помочь тебе, прости... : Стихи // Карамзинский сад : Лит.-худож. альманах. – Ульяновск, 2010. – № 1-2 (15-16). – С. 112-120. *Стихи, посвящённые Анатолию Чеснокову поэтов А. Лайкова, В. Малахова, Т. Эйхман, Н. Разумовской, Т. Лотоцкой, Н. Марянина, С. Матлиной, Е. Кувшинниковой.*

Памяти поэта // Ульяновск сегодня. – 2010. – 12 марта. – С. 22.

Память жива / М. Андреев, Д. Сазонов, О. Барышникова, Е. Башарова // Карсунский вестник. – 2013. – 15 марта. – С. 3 : Фот.

Поэт быть может не причёсан // Симбирский курьер. – 2001. – 15 сентября. – С. 14. *Фильм В. Мызникова о поэте А. Чеснокове.*

Пряхина Н. Памяти «карсунского Есенина» – Анатолия Чеснокова // Панорама УАЗ. – 2013. – 22 марта. – С. 10 : Портр.

Сазонов И. Н. Поэт из Теньковки // Карсунский вестник. – 2010. – 22 октября. – С. 3 : Портр.

Селянкин В. Прямая речь // Карсунский вестник. – 2002. – 22 января. *О книге поэта А. Чеснокова «Прямая речь».*

[Учащиеся Теньковской общеобразовательной школы Карсунского района обращаются за помощью в осуществлении проекта «Росой омытая строка...»] // Ульяновская правда. – 2011. – 15 марта. – С. 11.

Чесноков А.П., поэт // Скифы. – 1995. – 5 мая.

О ТЕХ, КОМУ ПОСВЯЩАЛ СВОИ СТИХИ И ПОЭМЫ АНАТОЛИЙ ЧЕСНОКОВ*

Бейсов Пётр (1906 – 1976 гг.), литературовед, член Союза писателей СССР, доцент Ульяновского педагогического института.

Благов Николай (1931 – 1992 гг.), советский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького. Закончил факультет русского языка и литературы Ульяновского педагогического института. Был главным редактором журнала «Волга». Заметил и поддержал молодого поэта А. Чеснокова.

Дёмочкин Геннадий, журналист, литератор-документалист, автор издательского проекта «Антология жизни».

Евдокимова (Ртищева) Людмила, поэт, преподаватель высшей школы, однокурсница А. Чеснокова, живёт в г. Санкт-Петербурге.

Евтушенко Евгений, русский советский поэт. Получил известность также как прозаик, режиссёр, сценарист, публицист и актёр. В 1973 году побывал в Ульяновске. А. Чесноков (тогда студент) встретился со знаменитым поэтом и читал ему свои стихи.

Еперина Тамара, журналист, корреспондент «Радио России» по Ульяновской области.

Жихарева (Ларина) Галина, студенческая знакомая А. Чеснокова, уроженка р.п. Языково, преподаватель.

Зинин Александр, ульяновский художник, автор памятника букве «Ё».

Кислинский Валерий, ветеран педагогического труда, учитель литературы А. Чеснокова.

Кожаев Александр, преподаватель высшей школы, приятель А. Чеснокова.

Козлов Александр, ульяновский журналист, поэт, работал с А. Чесноковым в одной из местных газет.

Конов Виктор, житель с. Теньковка.

Лайков Александр, поэт, журналист, соредaktor литературно-художественного журнала «Симбирскъ», приятель А. Чеснокова.

Марянин Николай, журналист, краевед, поэт.

Мельников Евгений (1947 – 2011 гг.), прозаик и поэт. В 1990-х гг. возглавлял ульяновскую писательскую организацию.

* К сожалению, информацию обо всех персоналиях собрать не удалось (прим. ред.)

Мигушов Владимир, житель села Медянское Карсунского района, поэт.

Милях Александр, поэт, член Союза писателей России. Живёт в г. Кишинёве.

Никитина Екатерина (1923 – 2006 гг.), профессор Ульяновского государственного педагогического университета. Автор многих учебников по русскому языку.

Осипов Сергей (1921 – 1996 гг.), преподаватель, поэт, Почётный гражданин г. Сенгилея. Участник Великой Отечественной войны.

Пасэреску Вера, вторая (молдавская) жена А. Чеснокова.

Пчёлкин Андрей, ульяновский поэт, книгоиздатель. Ценил и опекал А. Чеснокова. Трагически погиб в 1995 году.

Сафронов Никас, советский и российский художник, Заслуженный художник РФ. Родился в Ульяновске, в малообеспеченной многодетной семье. Почётный гражданин г. Ульяновска.

Селянкин Владимир (1947 – 2011 гг.), карсунский поэт, член литературного объединения «Родники», друг А. Чеснокова.

Соколов Владимир (1928-1997 гг.), русский советский поэт, эссеист, переводчик. Лауреат Государственной премии СССР (1983 г.), первый Лауреат Государственной премии России им. А.С. Пушкина (1995 г.).

Фадин Борис, уроженец г. Барыша, профессиональный фотограф, приятель А. Чеснокова.

Цыбин Владимир (1932 – 2001 гг.), советский и российский поэт, прозаик, критик, переводчик. Входил в редколлегию журналов «Молодая гвардия», «Знамя». А. Чесноков познакомился с ним, вероятнее всего, на одном из литературных семинаров.

Якубенкова Эльвира, библиограф, сотрудница Ульяновского госархива, ведущая литературно-музыкальных программ.

Янушевский Владимир, преподаватель, поэт, однокурсник А. Чеснокова.

Литературно-публицистическое издание

ДЁМОЧКИН Геннадий Александрович

Я ВЕСЬ ИЗ НЕЖНОСТИ И ЖАЛОСТИ...

**Жизнь и судьба поэта Анатолия Чеснокова
в воспоминаниях и размышлениях**

Редактор – А.П. Рассадин

Набор текста – О. П. Осипова

Дизайн и верстка – С. М. Зенкина

Корректор – И. Г. Осетров

Фото – Алексея Кубарева, Владимира Ламзина и других авторов.

В оформлении обложки использовано фото Леонида Лазарева.

Подписано в печать 18.12.2015. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 17,67. Тираж 300 экз. Заказ № 1690.1.

Областное государственное бюджетное учреждение
«Научно-исследовательский институт истории и культуры
культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина»
432000, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 13/91А

Отпечатано в типографии ИП Пермяков С. А.

426035, г. Ижевск, Ул. Тимирязева, 5.